

Кирилл Бенедиктов

Блокада³

Книга третья
ВОЙНА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бенедиктов К.

Б46 Блокада 3. Книга третья Война в зазеркалье / Кирилл Бенедиктов
– М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011. – 288 с.

Адъютант Адольфа Гитлера Мария фон Белов ищет в горах Кавказа древний пещерный храм, в котором, согласно документам тайного общества «Золотая заря», хранятся артефакты давно погибшей цивилизации. В это же время группа специального назначения «Синица» приступает к выполнению поставленной перед ней боевой задачи. Командир группы Жером под именем гауптштурмфюрера СС Отто Нольде проникает в разведывательный отдел немецкого Генштаба «Иностранные армии Востока». Александр Шибанов, Лев Гумилев и Василий Теркин пытаются наладить контакт с партизанами, действующими в районе ставки «Вервольф». А за Катей Серебряковой неожиданно начинает ухаживать один из диверсантов только что вернувшейся из блокадного Ленинграда группы «Кугель». Чем завершится противостояние советских и немецких спецслужб? Об этом – третий роман серии «Блокада» – «Война в зазеркалье».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

ISBN 978-5-904454-34-0

© Рыков К., 2011
© Бенедиктов К., 2011
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ СЕРИЙ:

1942 год. Немецкое наступление на Москву остановлено, но Адольф Гитлер планирует захват нефтяных месторождений Кавказа и готовит удар по Сталинграду. Силы Третьего Рейха еще слишком велики и исход войны неизвестен никому.

В этот драматический момент советскому руководству становится известно, что судьбу самого страшного противостояния в истории человечества могут решить несколько маленьких металлических фигурок, дающих своим владельцам уникальные сверхспособности. Одна из таких фигурок – орел – принадлежит Адольфу Гитлеру. Именно с ее помощью ему удалось убедить Иосифа Сталина в том, что Германия никогда не нападет на Советский Союз.

Советская разведка начинает готовить секретную операцию по захвату орла. С этой целью из Парижа в Москву вызывают одного из лучших агентов-нелегалов, действующего под псевдонимом Жером. Капитан госбезопасности Александр Шибанов, выполняя личный приказ Лаврентия Берии, собирает по всем фронтам воюющей державы бойцов, обладающих необъяснимыми способностями. Из них формируют команду специального назначения «Синица», которой предстоит проникнуть в тщательно охраняемую ставку Гитлера «Вервольф» под Винницей. В составе команды – недавний заключенный Норильсклага Лев Гумилев, медсестра Катя Серебрякова, наделенная даром исцеления, неуязвимый старшина Василий Теркин, и сам капитан Шибанов, оказавшийся сильным гипнотизером.

В то же самое время немецкая разведка, охотящаяся за магическими фигурками, проводит операцию в блокадном Ленинграде. Трое диверсантов из команды Отто Скорцени проникают в легендарный Большой Дом и обнаруживают там предмет попугай, найденный некогда Львом Гумилевым в Средней Азии. В руки диверсантам попадает также карта, составленная английским полковником Диксоном, выполнявшим задание тайного общества «Золотая Заря». На этой карте обозначены древние тайники, расположенные в горах Кавказа.

Туда, на Кавказ, отправляется личный адъютант Гитлера и высокопоставленный сотрудник общества «Аненербе» Мария фон Белов. Ее задача – отыскать эти тайники и добыть спрятанные там магические предметы.

Тем временем в готовящейся к дерзкой вылазке в ставку фюрера группе «Синица» назревает серьезный внутренний конфликт. Бывший ЗК Гумилев и капитан госбезопасности Шибанов становятся непримиримыми соперниками в борьбе за любовь Кати Серебряковой. И наступает час, когда их соперничество ставит под удар тщательно разработанную операцию советской разведки...

ПРОЛОГ

*Ставка Адольфа Гитлера Wehrwolf под Винницей,
август 1942 года*

Штурмбаннфюрер СС Хайнц Линге считал себя самым счастливым человеком на свете.

Ему было двадцать девять лет, и девять из них он провел рядом с величайшим гением, которого знало человечество.

Даже если самому Хайнцу Линге и не суждены были выдающиеся деяния, место в истории он себе уже обеспечил. Великие люди отбрасывают длинные тени, и именно такой тенью стал он, Хайнц Линге. Безмолвной, как и положено тени. Никогда ни на шаг не отступающей от своего хозяина.

Даже Ганс Раттенхубер, свирепый телохранитель фюрера, не был так близок к нему, как Хайнц Линге. Раттенхубера фюрер отправил куда-то на Кавказ, и тот, скрипнув зубами, вынужден был подчиниться. Линге с гордостью подумал тогда про себя, что он ни за что не выполнил бы подобного приказа, потому что для него не было долга священнее и службы важнее, чем все время быть рядом с Адольфом Гитлером. Линге был готов умереть за фюрера, но оставить его одного, без своей молчаливой поддержки? Нет, никогда.

Линге знал, что его недолюбливают. Ему было все равно. За глаза его называли слугой и лакеем. Пусть. Хайнц Линге гордился своей должностью – камердинер фюрера. Он знал о желаниях и нуждах фюрера все. С Хайнца Линге начинается день великого человека и им же он и заканчивается. Гитлер был совой и, если приходилось вставать до одиннадцати, весь день чувствовал себя разбитым. Но и позже одиннадцати вставать не любил. Для пунктуального Линге было истинным наслаждением дежурить перед спальней фюрера, поглядывая на точнейший швейцарский хронометр. В 10.59 камердинер весь подбирался, взгляд его делался решительным и сосредоточенным, словно впереди ждала битва; наконец, когда тонкая секундная стрелка полностью обегала ци-

ферблат, Хайнц Линге набирал в легкие воздуха и негромко стучал в дверь спальни.

В этот момент он чувствовал особую важность своей работы, которую трудно было понять лицам не посвященным: он, мелкий человек, указывает вождю, когда нужно обратить высокое внимание на дела житейские, он отвечает за полноценный сон Гитлера, он следит за его одеждой и питанием, все он!..

Проходило еще несколько секунд, и из-за двери доносилось недовольное ворчание.

– Доброе утро, мой фюрер, – хорошо поставленным голосом приветствовал своего хозяина Линге. – Уже пора!

После этого он выжидал минуту или две. Потом вновь аккуратно стучал в дверь, открывал ее и ввозил в спальню фюрера столик с завтраком. Завтракал великий человек очень скромно: пил свой любимый чай «Роннефельдт», размачивая в нем овсяное печенье, ел нарезанные тонкими дольками яблоки. Фюрера уже несколько лет мучили боли в кишечнике, поэтому в еде он был весьма воздержан.

После завтрака приходила пора принимать лекарства, прописанные доктором Морелем. За спиной у фюрера Теодора Мореля называли шарлатаном и шептались, что от его сомнительных лекарств пациенту становится только хуже. Однако Линге очень уважал Мореля, бывшего некогда самым дорогим венерологом Берлина. Его консультации стоили больших денег, однако Линге, подхватившего дурную болезнь у одной венгерской певички, доктор вылечил совершенно бесплатно. С тех пор Линге испытывал к Морелю почти безграничное доверие, а потому не ведал сомнений, давая фюреру изготовленные им порошки.

Процедура завершалась закапыванием в глаза Гитлеру специальных капель на основе раствора опия. Линге научился это делать так аккуратно, что фюрер даже не морщился. Через несколько минут разноцветные глаза великого человека приобретали нормальный ярко-голубой цвет. Камердинер наблюдал за этим превращением благоговейно, не позволяя себе ни малейшего проявления любопытства. В конце концов, если фюрер не хочет показываться на публике с разноцветными глазами, у него наверняка есть на то веские причины.

Покончив с лекарствами, Линге увозил столик с остатками завтрака и приносил Гитлеру свежую прессу и очки в простой стальной оправе. Фюрер читал много и быстро: толстая стопка немецких, английских, американских и французских газет проглатывалась им за час. К половине первого фюрер вставал с постели, будучи в курсе важнейших новостей мировой политики.

Линге помогал вождю нации одеться, придирчиво осматривая его дневное платье. Гитлер придавал большое значение своему внешнему виду, и Линге, зная об этом, порой осмеливался давать великому человеку советы. «Мой фюрер, у вас на шее растет неаккуратный волос. Позвольте его выщипать». Или: «Эта сорочка не совсем подходит под цвет ваших туфель, мой фюрер. Позвольте предложить вам другую». Ощущение некоей тайной интимности, которое Линге испытывал в такие минуты, наполняло его восторгом.

Счастье – быть рядом с фюрером! Счастье – быть полезным фюреру!

Хайнц Линге был благодарен судьбе за то, что она дала ему такую возможность. И относился к своим обязанностям с величайшим тщанием.

Он сознательно лишал себя всего, что можно было бы назвать личной жизнью. Даже спал, как правило, не в собственной постели, но на стуле подле дверей спальни Адольфа Гитлера – чтобы в случае необходимости сразу же поднести тому стакан воды или лекарство. Узнав о такой самоотверженности своего камердинера, Гитлер распорядился заменить неудобный стул уютным мягким креслом. Но то было в Берлине, а здесь, в полевых условиях, приходилось довольствоваться расстеленным на полу тюфяком, набитым сухой травой.

Впрочем, Линге не жаловался. Спать на тюфяке было даже приятно – ноздри щекотал незнакомый дикий запах русских трав. В открытые окна задувал легкий ночной ветерок, в саду неумолчно стрекотали кузнечики. Иногда Линге просыпался среди ночи от странного и неприятного ощущения: ему казалось, что большая, как плоская, Луна пристально смотрит на него с бархатно-черных небес.

Но на этот раз все было по-другому.

Он проснулся от крика. Мгновенно стряхнул с себя паутину сновидения (привиделось что-то несерьезное – канкан в берлинском кабаре), вскочил на ноги, нашаривая на поясе кобуру. Спал Линге полностью одетым и при оружии.

Крик доносился из спальни фюрера.

На веранду, громко бухая сапогами, уже вбегали охранники во главе с капитаном Бауэром, которого Раттенхубер, уезжая, назначил своим преемником. Бауэр нравился камердинеру – молодой, исполнительный, не такой высокомерный, как Раттенхубер, да и к нему, Линге, относится как к равному. Вот и сейчас Бауэр прежде всего спросил:

– Что случилось, Хайнц?

Линге бросил быстрый взгляд на дверь.

– Вероятно, ночной кошмар.

Сказав это, он понял, что опасается заходить в спальню к фюреру. Но Бауэр тоже не горел желанием идти первым.

– Вам следует проверить, все ли в порядке, Хайнц.

Он был прав. Линге одернул мундир и сделал шаг к двери.

Фюрер порой кричал во сне – ему снились сражения Первой мировой, облака газа, наползающие на немецкие окопы, солдаты, выкашливающие свои легкие. Возможно, так было и на этот раз. И все же требовалось удостовериться, что фюрер жив и здоров.

Линге осторожно постучал в дверь.

И вздрогнул, отпрянув: из спальни донесся новый крик, полный животного ужаса.

– Заходите! – зашипел за спиной Линге Бауэр. – Что вы медлите?

Линге с трудом проглотил скопившуюся во рту слюну. В горле встал ком, в животе заledenело: из спальни текла тяжелая волна страха, он чувствовал ее, как если бы это был сильный порыв холодного ветра прямо в лицо. И Линге, несмотря на собачью преданность вождю, медлил, никак не решаясь перешагнуть порог.

– Черт вас побери! – рывкнул Бауэр. – Пустите!

Этот крик вывел Линге из ступора. Он оттолкнул капитана и решительно повернул ручку двери.

В спальне горел свет – крохотный красный ночник, стоявший на столике у изголовья кровати Гитлера.

Сам фюрер сидел на кровати, обхватив руками колени и тряся от ужаса. При виде ворвавшегося в спальню Линге он перестал кричать и ткнул дрожащей рукой куда-то в темноту.

– Там! – каркнул Гитлер хриплым голосом. – Там, там, в углу!

Камердинер сделал несколько неуверенных шагов в глубину комнаты. Ему показалось, что во мраке действительно затаилось нечто – какой-то неясный силуэт, размытый и зыбкий, колебался, подобно медузе в толще воды, хотя это могло быть всего лишь игрой ночных теней.

– Капитан! – крикнул Линге, расстегивая кобуру. – Включите свет!

Сейчас же в спину ему ударили лучи мощных фонарей охраны. Силуэт на мгновение стал четче, теперь Линге был почти уверен, что перед ним человек, разве что прозрачный как медуза – свет фонарей проходил сквозь него, как через мутноватое стекло. Камердинер вырвал из кобуры пистолет и прицелился в прозрачного человека.

– Стоять! Руки вверх!

– Нет! – тонко вскрикнул за его спиной фюрер.

От неожиданности Линге обернулся.

– Не смейте стрелять! Это же он! Он! – истерически кричал Гитлер.

Ворвавшиеся в спальню люди Бауэра замерли с оружием в руках. По комнате заметались лучи фонарей, но прозрачный силуэт уже исчез, словно растворился в воздухе.

Бауэр подошел к Линге и тронул его за локоть.

– Что вы видели, Хайнц?

Камердинер пожал плечами.

– Как будто чью-то тень... потом я на мгновение отвернулся, и тень пропала.

– Обыщите помещение, – приказал Бауэр охранникам. Линге сунул пистолет обратно в кобуру и приблизился к Гитлеру.

– С вами все в порядке, мой фюрер?

Какой глупый вопрос! То, что с фюрером творилось что-то неладное, было видно невооруженным глазом. На землистом лице великого человека выступил пот, губы побелели и тряслись. Гитлер дрожал так, что тяжелая кровать с панцирной сеткой ходила под ним ходуном.

– Вы видели, Дитрих? – пробормотал он, всхлипывая. – Вы видели?

– Я не Дитрих, мой фюрер. Я Хайнц Линге, ваш камердинер.

– Он пришел! – Гитлер, казалось, не слышал его. – Он снова пришел сюда! Сюда!

Внезапно фюрер подался вперед и схватил Линге за рукав.

– Но ведь здесь же не Байройт! Скажите, мы же не в Байройте? И это не дом Вагнера?

– Нет, мой фюрер, – Линге изо всех сил старался, чтобы его голос звучал спокойно. – Мы не в Байройте. Мы вообще не в Германии, мой фюрер, мы в вашей ставке «Вервольф» на Украине.

Сердце Линге бешено колотилось. «Неужели фюрер сошел с ума? – думал он растерянно. – И что же тогда делать? Надо срочно вызвать доктора Мореля... но ведь он остался в Берлине! Сколько потребуется времени, чтобы организовать самолет? И где все это время держать фюрера? Если в таком состоянии его увидят генералы, это конец...»

– Хайнц? – спросил вдруг Гитлер слабым, но куда более спокойным голосом. – Это ты, Хайнц? Как хорошо... мне показалось, что со мною Эккарт и мы снова в Байройте, как двадцать лет тому назад...

– Все хорошо, мой фюрер, – от облегчения Линге позволил себе приобнять фюрера за плечи и погладить по дрожащей руке. – Ваш верный старина Хайнц с вами, вам ничего не угрожает. Вам приснился сон, просто страшный сон. Сейчас я дам вам успокоительную микстуру, и все пройдет...

– Нет, – живо возразил Гитлер, – это был не сон! Я видел его, видел явственно. Вон там, в углу!

– Мы никого не нашли, – хмуро сказал капитан Бауэр. – В спальне никого нет, окно закрыто, по периметру расставлены мои люди. Проникнуть в дом невозможно.

– Что делают здесь эти дуболомы из охраны? – прошептал Гитлер на ухо своему камердинеру. – Ясно же, что они никого и никогда не найдут!

– Фюрер просит всех покинуть помещение, – хорошо поставленным голосом распорядился Линге. Гитлер благодарно сжал его руку холодными, как у покойника, пальцами.

– Хайнц, – прошептал он, когда за последним охранником закрылась дверь, – ты ведь тоже его видел, не так ли?

Линге заколебался. Подтвердить слова фюрера? А вдруг это вызовет очередной приступ паники? Солгать? Но ведь невозможно лгать вождю нации!

– Ты тоже его видел, – настойчиво повторил Гитлер. – Он стоял возле той стены!

– Что-то я определенно видел, мой фюрер, – ответил камердинер, тщательно выбирая слова. – Очертания человеческой фигуры... но я не уверен...

– Потому что она была прозрачной, – Гитлер успокаивался на глазах. – Человек в углу был прозрачным, будто стекло!

– Но ведь это невозможно, мой фюрер, – рассудительно сказал Линге. – Нам с вами наверняка показалось. Знаете, ночью, бывает, и не такое привидится...

Гитлер натянул одеяло почти до ушей, как это делают боящиеся темноты дети.

– Это было не привидение, мой добрый Хайнц. Это был он! Он!

«Ох, только бы не новый приступ!» – подумал Линге.

– Кто «он», мой фюрер?

Гитлер ответил не сразу. Лицо его вдруг осунулось, постарело.

– Их называют Высшими Неизвестными, – прошептал он, наконец. – Они приходят из подземного мира. Ты знаешь, Хайнц, что мы живем в перевернутом мире?

Подтверждались худшие опасения Линге.

– Нет, мой фюрер. По правде говоря, я ничего в этом не смыслю. Я ведь простой рабочий, не закончил даже училища...

«И никогда бы не попал в ваши личные камердинеры, если бы не рыжий шваб Зепп Дитрих, герой Первой мировой, которому почему-то приглянулся верзила-каменщик», – мог бы добавить Линге, если бы отличался разговорчивостью. Ах, как бы ему хотелось сейчас отвлечь обожаемого фюрера пустой болтовней! К несчастью, от природы он был не слишком словоохотлив. Это качество, обычно весьма полезное для слуги, сейчас обернулось досадным недостатком.

– Чепуха, Хайнц, – махнул рукой Гитлер. Его снова начало трясти. – Такому не учат ни в школах, ни даже в университетах! Это тайна, Хайнц, и немногие в нее посвящены.

Только сейчас Линге почувствовал, что от Гитлера несет потом – кислой, удушливой прелью больного тела, и, несмотря на всю свою любовь к великому человеку, камердинер постарался незаметно отодвинуться подальше.

– Мы живем в полости бесконечной скалы, – говорил между тем фюрер, бросая опасливые взгляды в темный угол спальни. – То, что люди принимают за небо, не больше, чем скопление газов, просачивающихся через трещины в камне. Нет никакого космоса, Хайнц, нет никаких звезд – все это оптическая иллюзия. Есть только Солнце и Луна, которые находятся в центре нашего мира. Но они меньше, гораздо меньше, чем мы привыкли думать...

Линге слушал его вполуха, пытаясь вспомнить, где же успокоительная микстура.

– Под нашими ногами – бесконечная твердь. Но в ней есть и другие пустоты, во всем подобные той, которую мы считаем своей вселенной. В одной из таких пустот и обитают они.

Гитлер многозначительно замолчал, и Линге, чтобы не показаться невежливым, вынужден был переспросить:

– Кто такие «они», мой фюрер?

– Высшие Неизвестные! Господа Глубин!

– Понятно, – сокрушенно покачал головой Линге. – Мне кажется, вам необходимо поспать, мой фюрер. Сейчас я дам вам лекарство, вы успокоитесь и заснете. А утром даже и не вспомните, что вас ночью так напугало.

– Чертов болван! – вспыхнул Гитлер. – Я рассказываю тебе то, чего не должен знать никто из живущих, а ты болтаешь о микстуре!

Линге, давно привыкший к внезапным вспышкам гнева великого человека, только вздохнул.

– Они приходят оттуда! Из царства Агартхи! Я думал, что больше никогда не увижу их... Хайнц, впервые я увидел Высшего Неизвестного двадцать лет назад, и он напугал меня. Мне было жутко в его присутствии! Я весь дрожал, кровь застыла у меня в жилах.

От него исходила сила, понимаешь? Настоящая сила. Ведь Высшие Неизвестные владеют тайнами вриля...

«Начал заговариваться, – подумал Линге. – Надо поскорей дать ему лекарство!»

– Простите, мой фюрер, – сказал он, поднимаясь. – Я только возьму микстуру и тотчас вернусь.

– Нет! – взвизгнул Гитлер, цепляясь за его китель. – Не оставляй меня, Хайнц! Он где-то здесь, я чувствую!

– Здесь никого нет, люди Бауэра облазили каждую щель, – Линге пытался высвободиться, но безуспешно – фюрер вцепился в китель мертвой хваткой. – Я вернусь через минуту, обещаю!

– Не оставляй меня, Хайнц, – жалобно простонал Гитлер. – Не нужно микстуры, просто посиди со мной. Мне так страшно...

Линге опустил обратно на стул. Фюрер облегченно откинулся на подушки и прикрыл глаза. Лицо его приобрело почти умиротворенное выражение.

– Сначала я думал, что до меня добрался японец, – непонятно пробормотал он, – ведь у него есть змея, с ней он может проникнуть всюду. Но японец пришел бы убить меня, а тот, кого ты видел, явился не за этим.

Голос Гитлера слабел, делался все глуше и тише. Однако Линге видел, что к щекам фюрера мало-помалу приливает кровь, восковая бледность, делавшая его лицо похожим на посмертную маску, понемногу отступает.

– Он приходил напомнить мне про обещание, – едва слышно прошептал Гитлер. – Про договор, заключенный двадцать лет назад в Байройте, в доме Рихарда Вагнера...

Шепот его стал совсем неразборчивым. Да Линге и не пытался к нему прислушиваться. Просто сидел и ждал, пока фюрер заснет.

Хайнц Линге был напрочь лишен воображения и не верил в призраков.

Когда великий человек начал негромко похрапывать, камердир осторожно поправил почти сползшее на пол одеяло и подоткнул подушку повыше. Затем поудобнее устроился на своем жестком стуле и, выложив на всякий случай пистолет на тумбочку перед собой, принялся ждать, когда же закончится эта безумная ночь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На пороге

Северный Кавказ, август 1942 года

Мария фон Белов делала утреннюю гимнастику.

Она вставала в половине шестого утра и сорок пять минут выполняла упражнения по сложной методике доктора Крегера, включавшей изошренные практики Индии и Китая. Мария изгибалась змеей, до хруста растягивала мышцы, принимала позы, напоминавшие рисунки на стенах древних храмов Востока. Еще пятнадцать минут посвящались силовой гимнастике: Мария работала с гантелями и небольшой штангой. Затем полчаса боксировала с белобрысым Михелем из второй роты, чемпионом Баварии в легком весе. Ровно в семь фон Белов, скрывшись от нескромных глаз за раскладной китайской ширмой, обливалась двумя ведрами ледяной воды, набранной в ближайшей горной речке. Дивизия генерала Ланца продвигалась к перевалам быстро, и чем ближе становились сверкающие вершины, тем холоднее была вода из горных рек.

Обливаясь, Мария напевала – то арию «Сон Эльзы» из вагнеровского «Лоэнгрина», то что-нибудь легкое, вроде модной «Эрики»¹. При этом она никогда не сбивалась с ритма и не фальшивила – у нее был абсолютный музыкальный слух.

Иоганн Раттенхубер, в обязанности которого входило обеспечение безопасности фон Белов, поначалу беспокоился за здоровье своей подопечной, но быстро понял, что никакие ледяные ванны Марии не страшны. Фон Белов была настоящим идеалом арийской женщины, словно родившейся в снегах Гипербореи. После обливания, которое любого другого превратило бы в дрожащего от холода цыпленка, она выглядела свежо и бодро, как иная женщина – после

¹ Популярную в годы войны песню «Эрика» можно послушать на сайте: <http://vilavi.ru/pes/171205/171205.shtml>

ароматической ванны. Кожа Марии, обычно молочно-белая, слегка розовела от приливавшей к ней крови – вот и все.

Мария фон Белов вышла из-за ширмы, вытирая белокурые волосы жестким полотенцем. Глаза ее сверкали, на губах играла улыбка.

– Потрясающее удовольствие, – сообщила она Раттенхуберу. – Вам непременно стоит попробовать, Ганс.

– Обязательно попробую, – в который раз согласился Раттенхубер.

«Не хватало мне только слечь с воспалением легких», – подумал он про себя.

– Сегодня мы доберемся до Туманлы-Кёль², – сказала фон Белов. – Можно будет поужинать свежевывловленной форелью.

Как и фюрер, она была убежденной вегетарианкой.

– Я бы предпочел хорошую свиную отбивную, – буркнул Раттенхубер.

Он уже по горло был сыт бараниной, которой щедро потчевали немцев местные жители. Что поделать – туземцы были мусульманами и свинью считали нечистым животным.

– Когда доберемся до места, я обещаю вам целого поросенка, – засмеялась фон Белов. – Грузины делают превосходный свиной шашлык.

– Боюсь, это будет еще нескоро. Чтобы попасть в Грузию, нам предстоит пройти через эти горы.

– Великолепные, правда? Какая дикая мощь! Альпы – карлики по сравнению с этими исполинами!

Раттенхубер пожал плечами.

– Если верить справочникам, самая высокая точка Кавказских гор всего лишь на восемьсот метров выше Монблана.

– Вы неисправимый зануда, Ганс, – фон Белов слегка стукнула его полотенцем. – В вас нет никакой романтики. Мы на пороге древней горной страны, полной загадок и тайн, а вы высчитываете какие-то метры!

– От этих метров зависит успех вашей миссии, – сухо сказал Раттенхубер. – И, что, возможно, менее существенно, наши жизни.

² Туманлы-Кёль – «Форельное озеро»

– Бросьте! Бояться нечего, у русских нет войск на перевалах. А когда brave егеря генерала Ланца укрепятся на Большом Кавказском хребте, Грузия сама упадет к нашим ногам, как спелое яблоко.

Генерал Хуберт Ланц командовал одним из лучших соединений вермахта – 1-й горнопехотной дивизией «Эдельвейс». На форменных бергмютце³ егерей Ланца красовался благородный снежный цветок – серебристый, с тычинками, покрытыми золотистым лаком.

Горные егеря были элитными солдатами рейха. В дивизию набирали только уроженцев горных областей Баварии, Тироля, Судет не младше двадцати четырех лет, имевших альпинистскую либо горнолыжную подготовку. В самом начале войны «Эдельвейс» за несколько часов захватил перевал Дукла на границе Польши и Чехословакии, затем стремительно выбил югославскую пограничную стражу с казавшихся неприступными горных застав. Офицеры «Эдельвейса» были прекрасными спортсменами и многие из них хорошо знали эти горы – с середины 30-х годов «туристы» и «скалолазы» из Третьего Рейха появлялись на Кавказе с завидной регулярностью. А сам генерал Ланц не раз совершал восхождения со знаменитыми советскими альпинистами, хорошо говорил по-русски, умел объясняться и на туземных наречиях.

Егеря были отлично экипированы. Удобная крепкая горная обувь и верхняя одежда, палатки, спальные мешки, походные индивидуальные кухни, спиртовки с запасами сухого горючего, примусы, темные очки. Предусмотрено было все – никакие неожиданности вроде той, что подстерегла вермахт прошлой зимой под Москвой, «Эдельвейсу» не грозили.

Но самое главное – в распоряжении генерала Ланца были карты – подробнейшие, нарисованные с истинно немецкой тщательностью. Продвижение «Эдельвейса» к перевалам Большого Кавказского хребта было распланировано с точностью до часа.

– Мне бы ваш оптимизм, – проворчал Раттенхубер.

У него было плохое настроение. Строго говоря, плохое настроение не оставляло его с того момента, как они покинули ставку.

3 Bergmütze (нем.) – «горная шапка», головной убор, представляющий собой овальную шапку с козырьком

Раттенхубер чувствовал себя не в своей тарелке – он занимался вовсе не тем, чем привык заниматься последние восемь лет. Да, капитан Бауэр сообразительный и расторопный офицер, он даже чем-то напоминал Раттенхуберу его самого в молодости, но можно ли на него положиться во всем, что касалось безопасности фюрера? Ладно бы еще в Берлине, но в двухстах километрах от линии фронта?

Иоганн Раттенхубер не мог дожидаться момента, когда Мария фон Белов отыщет, наконец, тот предмет, ради которого он вынужден был оставить фюрера. Его не слишком интересовало, что это за предмет. Сила орла, продемонстрированная ему Гитлером, произвела на начальника охраны определенное впечатление, но не убедила в том, что на свете существует волшебство и магические артефакты. Еще служа в мюнхенской полиции, он навидался всякого. Слепой медвежатник Отто Хирш вскрывал сложнейшие кодовые замки за десять минут. Мошенник Гвидо Лаузе, известный под кличкой «Бульдожка», однажды получил в городском банке Бамберги двести тысяч рейхсмарок за листок бумаги, на котором были нарисованы какие-то закорючки. Кассир, выдавший ему деньги, клялся, что видел перед собой заверенный печатями вексель австрийского «Кредитанштальта». Бандит и убийца Дитмар Штрекер, которого этапировали в мюнхенскую тюрьму четверо бывалых конвойных, исчез прямо у них на глазах, словно растворившееся в воздухе привидение. Спустя два года Штрекера застрелили в Дрездене при попытке ограбить ювелирный магазин, так что теперь и спросить не у кого, каким образом он тогда сбежал. Но так ли это важно? Раттенхубер привык иметь дело с фактами, а не с теориями. У фюрера есть предмет, позволяющий внушать людям любые мысли? Прекрасно. Где-то существует другой предмет, владелец которого способен перемещаться в любую точку мира? Сомнительно, но допустим. Допустим, потому что, не веря в волшебство, Раттенхубер все же признавал существование неких сил, недоступных его простому уму. Если он будет верить в духов, материализующихся в спальне фюрера, его нужно будет уволить с поста за профессиональную непригодность. Но если он не примет в рас-

чет вероятность появления рядом с Гитлером злоумышленника, придумавшего какую-то дьявольскую хитрость, грош ему цена как охраннику.

Поэтому Раттенхубер не считал, что Мария фон Белов занимается ненужным делом. Вот только участвовать в этой аванюре самому у него не было ни малейшего желания.

– Опять вы ворчите, Ганс, – укорила его Мария. – Хоть бы красотами окружающего пейзажа полюбовались, что ли! В Германии такой первобытной красоты не найдешь!

Места, по которым продвигалась дивизия «Эдельвейс», действительно были очень живописны.

Впереди высились снежные вершины Большого Кавказского хребта, подсвеченные лучами утреннего солнца. Узкая дорога, уводившая вверх, к перевалу Клухор, вилась среди сосен высоко над долиной реки с варварским именем Теберда. Где-то там, за скальными стенами, притаился горный проход, по которому Мария фон Белов намеревалась проникнуть в Грузию.

– Слишком много зелени, – пробурчал Раттенхубер. – На месте русских я бы спрятал стрелков вон там, наверху – оттуда вся дорога как на ладони.

– Да успокойтесь вы, Ганс! Нет здесь никаких русских. У генерала Ланца превосходно налажена разведка, если кто-то и решит устроить нам засаду, мы узнаем об этом заранее. Но устраивать засаду некому.

Фон Белов была права.

Русские стягивали силы к побережью, опасаясь прорыва немцев к Туапсе. Для обороны нефтяных промыслов Грозного с побережья Каспийского моря были переброшены войска 44-й армии, усиленные стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами с советско-турецкой границы. Но между этими двумя мощными группировками образовался разрыв, в который и вклинился 49-й горнопехотный корпус генерала Конрада, куда входила дивизия «Эдельвейс». Путь к перевалам Большого Кавказского хребта от Санчаро до Эльбруса был открыт.

Но Иоганн Раттенхубер не склонен был недооценивать русских.

Они с Марией фон Белов прибыли на Кавказ с частями 3-й танковой дивизии генерала Брейта, наступавшими со стороны Невинномыска. Раттенхубер невольно оказался свидетелем штурма Пятигорска – города, где не было советских войск. Русские ушли к Минеральным Водам, оставив в Пятигорске только курсантов тракторного училища.

Это были даже не военные. Это были зеленые юнцы, учившиеся собирать сельскохозяйственные машины!

Но эти чертовы курсанты сумели обшить листовой сталью быстроходный гусеничный трактор и установить на нем пулемет! Почти два часа безумная машина с грохотом носилась по городу, а засевшие в ней курсанты поливали автоматными очередями танкистов Брейта и поджигали боевую технику «коктейлем Молотова». Их удалось остановить, только загнав в ловушку между двумя танками, расстрелявшими трактор в упор. Генерал Брейт, умевший уважать настоящее мужество, распорядился похоронить экипаж трактора с воинскими почестями.

Одним трактором дело не ограничилось. Курсанты, раздобывшие откуда-то оружие, устроили настоящую партизанскую войну в городе. За сутки мотопехота, прочесывавшая Пятигорск по квадратам, уничтожила десятки курсантов, но и потери Брейта оказались неожиданно высокими. А прорыв к подножию горы Машук стоил ему целой роты – притом, что русских, оборонявших высоту, было всего пятнадцать человек.

Поэтому Раттенхубер не разделял оптимизма своей подопечной. Его несколько утешало то обстоятельство, что работа разведки в дивизии «Эдельвейс» действительно была на высоком уровне. Перед втягивавшимися в ущелье Теберды немецкими колоннами скользили умевшие оставаться невидимыми даже на голом горном склоне егеря из 98-го полка, прошедшие суровую тренировку в Швейцарских Альпах. А в нескольких километрах впереди основных сил двигался отряд всадников из перешедших на сторону немцев черкесских джигитов. На них генерал Ланц возлагал особые надежды.

– Что ж, пора и в дорогу!

Наголо бритый шарфюрер Фрицци, выполнявший при Марии роль денщика, подвел к ней буланого кабардинского жеребца, по-

дарок местного «князя». Мария вскочила в седло с легкостью, выдававшей годы занятий верховой ездой. Раттенхуберу на коне ездить не нравилось, он предпочитал бронетехнику, но «Эдельвейс» двигался к перевалам налегке.

– Шарфюрер, – строго сказала Мария своему денщику, – мы с оберфюрером поедем вперед. Ты остаешься при штабе дивизии для связи с Берлином.

Фрицци недовольно покосился на Раттенхубера, но ничего не сказал, ограничившись кивком бритой головы. Иногда Иоганну казалось, что денщик ревнует к нему свою хозяйку – совершенно абсурдное предположение, конечно. Во-первых, он не давал для этого ни малейшего повода, а во-вторых, слуханное ли дело, чтобы низший чин мог позволить себе подобные чувства?

Стараясь не смотреть на насупившегося шарфюрера, Иоганн взобрался на свою флегматичную кобылку и заерзал в седле, устраиваясь поудобнее.

Егеря уже построились для дневного перехода и обменивались шутками в ожидании приказа. Раттенхубер вслед за Марией фон Белов проскакал в голову колонны, кожей ощущая на себе насмешливые взгляды солдат. В его возрасте и с его комплекцией изображать из себя героя Карла Мая по меньшей мере глупо.

Сам генерал Ланц вместе со своим любимчиком гауптманном Гротом ехал в открытой машине, представляя собой, на взгляд Раттенхубера, отличную мишень для затаившегося где-нибудь в лесу снайпера. Увидев Марию, генерал приветливо помахал ей рукой.

– Приветствую нашу амазонку! Вы сегодня очаровательны, впрочем, как и всегда!

Хайнц Грот молча приложил ладонь к околышу своей горной шапки, на которой, кроме металлического цветка, красовалось орлиное перо – отличительный знак, символизировавший особую миссию его подразделения. Миссия официально держалась в секрете, но Раттенхубер знал, что альпинисты Грота должны взойти на Эльбрус и установить там черно-красное знамя Рейха.

– Если не возражаете, генерал, мы с оберфюрером поедем впереди. Мне необходимо провести рекогносцировку.

– Вам? – засмеялся Ланц. – Вы решили заняться стратегией, моя милая фрау? Оставьте это ремесло мужчинам.

– Под рекогносцировкой я имела в виду нечто, не относящееся к военным действиям. Не помню, говорила ли я вам, но мне приходилось бывать в этих местах.

– Какое совпадение, мне тоже! Я поднимался на Эльбрус в 1936 году. Но я не знал, что вы увлекаетесь альпинизмом.

– Вовсе нет. Я участвовала в археологической экспедиции, которая искала на Кавказе следы арийской культуры. В основном мы работали по ту сторону хребта, но мне по делам несколько раз приходилось ездить в Майкоп. Поэтому дорога на Сухуми мне хорошо знакома.

Шофер Ланца вел машину небыстро, объезжая рытвины и ухабы, и Марии, чтобы продолжать беседу, приходилось сдерживать своего норовистого жеребца.

– Удалось ли вам обнаружить что-либо интересное? – вежливо поинтересовался капитан Грот.

– В общем, да. Кстати, впереди нас ждет довольно любопытный памятник – древнее кладбище, вырубленное в скалах. Еще недавно там находили золотые украшения, выполненные в нордическом стиле.

– Не говорите об этом моим егерям, – усмехнулся Ланц. – Иначе кто-нибудь из них непременно захочет взобраться на скалы и порыться в старых костях.

Марии фон Белов надоело гарцевать возле ползущей с черепашей скоростью машины.

– Итак, генерал, вы не возражаете?..

– Пожалуйста, – Ланц пожал плечами. – Дорога до самого озера совершенно безопасна.

Мария ослабила повод и жеребец тут же унес ее довольно далеко вперед. Раттенхубер пришпорил свою кобылу и последовал за доставлявшей ему столько хлопот амазонкой.

Некоторое время они скакали бок о бок по пустынной лесной дороге. Высокие сосны заслоняли небо, внизу билась о камни неистовая горная река. Внезапно Мария наклонилась к Раттенхуберу и тронула его за плечо.

– Смотрите, вон там!

Иоганн проследил за ее взглядом. На противоположном берегу ущелья, между двух огромных глыб, будто рассеченных взмахом великанского топора, застыла изящная серна. На миг Раттенхубер пожалел, что с ним нет его любимого «Зауэра» – с такого расстояния он наверняка уложил бы красивое животное. А из МР-40, который висел у него за спиной, стрелять было бессмысленно – только патроны тратить.

– Они здесь совсем не боятся людей, – крикнула Мария. – Три года назад в тех местах, куда мы направляемся, косули ели у меня из рук!

– Неужели горцы не любят охоту?

– Любят, конечно. Но стреляют в основном вепрей, иногда – медведей. Убить косулю считается грехом.

«Дикари», – подумал Раттенхубер.

Впереди слышался топот копыт. Кто-то скакал им навстречу, невидимый за поворотом дороги. Раттенхубер расстегнул кобуру и положил руку на рукоять пистолета.

Предосторожность оказалась излишней – это был один из разведчиков-добровольцев, кривой Абдул. Абдулу было хорошо за сорок, в молодости он успел некоторое время побыть разбойником – впрочем, как сообщила Мария Раттенхуберу, все черкесы в той или иной степени были разбойниками, даже само название их народа означало «головорезы». При Советах Абдул несколько лет отсидел в тюрьме и вышел обозленный на весь мир, а особенно на коммунистов и русских. Немцев, напротив, он очень уважал, а у генерала Ланца ходил в кунаках еще с довоенных времен, когда тот покорял кавказские вершины под личиной мирного альпиниста.

– Салям, генерал, – поздоровался Абдул с Раттенхубером. Генералами у него были все немецкие офицеры в чине выше майора. Затем перевел взгляд на Марию фон Белов и вежливо дотронулся правой рукой до своей шапки. – Фйэохъус апший, госпожа!

– Что он сказал? – спросил Раттенхубер.

– Пожелал нам доброго пути, – ответила фон Белов и обратилась к черкесу по-русски – этот язык Раттенхубер немного понимал.

– Все ли спокойно впереди?

Абдул наклонил голову – на затылке у него была лысина, похожая на круглую поляну посреди спутанного черного кустарника.

– Все спокойно, – подтвердил он. – Русские засели на перевале Клухор, но их очень мало.

Из последовавшего затем разговора Раттенхубер почти ничего не понял. Мария спрашивала про какие-то пещеры, Абдул отвечал неохотно и все время порывался уехать, но фон Белов его не отпускала. В конце концов она смиловилась и разрешила черкесу продолжить путь.

– О чем вы говорили? – поинтересовался Иоганн.

– О, пустяки, – махнула рукой Мария. – Ничего существенного. Я спросила, поднимался ли он на скалы над древним кладбищем. Он пытался отрицать, но в конце концов сознался. Слухи о золоте притягивают таких людей.

– Но вы же сами сказали Ланцу, что в пещерах находили золото.

– Не так много. Всего лишь несколько тонких пластин общим весом не более двухсот граммов. На самом деле на этом кладбище есть кое-что поценнее золота.

– Что же?

– Скоро увидите сами.

«Не хватало мне еще помогать ей рыться в древних могилах», – с отвращением подумал Раттенхубер.

– Надеетесь найти там этого вашего мангуста?

Мария фон Белов удивленно посмотрела на него и расхохоталась.

– Разумеется, нет! Такие вещи просто так на дороге не валяются. Чтобы их найти, нужно потрудиться... да и «найти» – еще не значит «взять». Но в склепах может обнаружиться кое-что важное, то, что поможет нам найти дорогу к мангусту.

– Хотите говорить загадками – дело ваше, – буркнул Раттенхубер.

За иссеченным трещинами скальным выступом, похожим на вытянутое морщинистое лицо, дорога раздваивалась. Одна тропа

уходила вниз, в долину, другая вела к не внушавшему доверия мосту через бурную речку Уллу-Муруджу. Мария без колебаний направила своего жеребца по второй тропе.

– Хорошо, что у генерала Ланца нет тяжелой бронетехники, – пробормотал Раттенхубер. Мост выглядел старым и явно нуждался в ремонте. Река под ним ярилась, словно пытаясь прогрызть и без того ветхие опоры.

– Иоганн! – крикнула усакавшая вперед Мария фон Белов. – Не бойтесь, он под вами не развалится. Он стоит здесь с восемнадцатого века!

Подивившись отсутствию логики в словах своей подопечной, Раттенхубер все же рискнул пересечь мост. На том берегу лес поредел, дорогу ограждали серо-желтые скалы, подножие которых густо поросло мхом.

– Отсюда до кладбища полчаса быстрой езды. Не волнуйтесь, вам не придется шарить в костях, этим я займусь сама!

– Надеюсь, – холодно ответил Раттенхубер.

Мария фон Белов обернулась к нему с лукавой улыбкой.

– Вы останетесь внизу, чтобы охранять меня от диких медведей. Вы же не боитесь медведей, Ганс?

– Я боюсь только идиотов, – честно ответил Раттенхубер. – Они непредсказуемы. А медведи, напротив, очень умные существа.

Он, не отрываясь, смотрел на покрытый изумрудным ковром мха противоположный склон ущелья. Что-то на том берегу тревожило Раттенхубера. Ничего определенного – разве что птица, с гортанным криком взлетевшая с крутолобого валуна – кто-то ее спугнул? Иоганн поднес к глазам бинокль – склон приблизился. Камни, скальные выступы, все в густой зелени. Вроде бы ничего подозрительного. Но откуда же тогда это неприятное ощущение, будто за ними наблюдают?

– Тогда – за мной! – крикнула Мария фон Белов, стегнув своего жеребца. Дорога, извиваясь змеей, уползала все выше в горы. Вскоре над головой вновь замелькали сосновые лапы – дорога нырнула в лес.

Заросший деревьями склон круто уходил вниз, где под скальным навесом грохотала река. По правую руку сосны, цепляясь мо-

гучими корнями за каменистый косогор, пронзали макушками ярко-голубое небо. «Здесь рота может остановить дивизию», – подумал Раттенхубер.

Под сводами леса они ехали недолго – вскоре деревья начали расступаться в стороны, открывая удивительной красоты поляны, за которыми поднимались отвесные стены иззубренного, как клинок старой сабли, хребта. Позади остались теснины Гоначхира, залитые яростным кавказским солнцем. Впереди лежало нагромождение скал, огромных глыб, будто вырванных из плоти гор и брошенных к их подножию, хаос каменных фигур, похожих на статуи безумного скульптора.

– А вот и кладбище, – Мария фон Белов протянула стек в направлении полуразрушенного массива, похожего на развалившуюся под тяжестью лет ступенчатую пирамиду. – Видите, вон там, за дольменом!

Что такое «дольмен», Раттенхубер не знал. Кладбище же показалось ему похожим на гнездо каких-то чудовищных термитов, источивших скалу, словно трухлявое дерево. Отверстия в скале начинались на уровне человеческого роста, так что до нижних можно было легко дотянуться рукой.

Мария соскользнула с седла и привязала своего жеребца к корявому стволу граба, росшего на берегу хрустально-чистого ручья. Раттенхубер тоже поспешил спешиться: верховая прогулка по горам здорово ему надоела.

– Прекрасное место для пикника, – Мария фон Белов извлекла из висевшей на боку кабардинца походной сумки моток веревки и крючья. – Я захватила с собой кое-какие продукты и была бы весьма признательна вам, Иоганн, если бы вы занялись приготовлением обеда. А я пока что навещу кое-кого там, наверху.

Раттенхубер скрипнул зубами, но промолчал. Он все чаще вспоминал историю о Геракле, который был вынужден три года служить капризной царице Омфале. Сейчас его заставляют кашеварить, а что будет дальше? Ах, если бы не приказ фюрера!..

– Обед я, разумеется, приготовлю, – сказал он, – но вас попрошу быть предельно осторожной. Мне трудно будет защитить вас от падения с высоты на острые камни.

– О, Ганс, – засмеялась Мария фон Белов, – так у вас, оказывается, есть чувство юмора! Как это мило!

Видя, что Раттенхубер нахмурился, она вновь стала серьезной.

– За меня не беспокойтесь, на скалах я чувствую себя уверенно, как снежный барс. Хотя я и сказала Хуберту, что не увлекаюсь альпинизмом, кое-какие навыки у меня все же есть. В конце концов, я выросла в горах.

– Где же именно? – поинтересовался Иоганн. Мария почти никогда не рассказывала о своем прошлом.

– Очень далеко, мой дорогой Ганс, в Южной Америке. Но хватит болтать – время дорого. Через час, самое большее – полтора – здесь окажется авангард Ланца.

Забросив веревку за спину, фон Белов направилась к изъеденной дырами скале, легко перепрыгивая с валуна на валун.

Раттенхубер проводил ее взглядом, потом прошелся вдоль ручья, оценивая выбранное Марией место с точки зрения специалиста по безопасности. Впереди, в направлении Клухорского перевала, дорога просматривалась на пару километров – можно было различить даже тонкую струйку дыма, поднимавшуюся над крышей крошечной горной хижины.

Хуже обстояло дело с флангами – по левую руку тянулся все тот же поросший мхом склон с выдающимся вперед крутолобым уступом, справа, в скальном лабиринте, можно было при желании спрятать целый батальон. Раттенхуберу было не по себе в этих горах. Он снял с плеча автомат и положил его на камни, тут же почувствовав себя голым.

Ощущение неясной опасности томило его все то время, что он ломал сухой кустарник и разжигал маленький костерок на берегу ручья. Мария фон Белов к этому моменту уже забралась почти под самый козырек скалы, превратившись в маленькую, прилепившуюся к отвесной стене фигурку. Над ее головой чернели три почти вертикальные щели – то был самый верхний ярус пещер-усыпальниц.

Когда за спиной Раттенхубера грохнул выстрел, и вода, брызнувшая из пробитого пулей котелка, зашипела на раскаленных углях, он испытал что-то похожее на облегчение.

ГЛАВА ВТОРАЯ

План «В»

Где-то под Винницей, август 1942 года

Мотоциклисты появились на вершине степного кургана, густо заросшего синими цветами.

Рев мощного двигателя «Милой Берты» заглушал треск их моторов, но черные силуэты отчетливо вырисовывались на фоне ярко-голубого украинского неба.

– Командир, – сказал Шибанов по-русски, – у нас гости.

«Pz-Kpfw-IV» замедлил ход.

– Что с ними делать будем? – спросил Гумилев.

– Поговорим, – пожал плечами Жером. – Для начала. Глуши мотор, пехота.

Теркин потянул на себя рычаги управления. Танк плавно затормозил, вспахивая гусеницами рыхлую почву.

Шибанов соскочил с брони на землю, поправил шлем, помахал мотоциклистам рукой.

– Посмотрите внимательно, – велел Жером унтер-офицеру Гансу Майеру. – Кто это там, на холме?

– Крадшютцен, – с готовностью ответил тот, взглянув в смотровую щель. – Мотострелки СС.

– Что они тут делают?

– Патрулируют, – удивился Майер. – Здесь же особо охраняемая зона.

– Ясно, – сказал Жером и полез в люк. Один мотоцикл, фыркая мотором и подпрыгивая на ухабах, спускался к танку. Второй по-прежнему оставался на гребне кургана.

– Вот что, Саша, побудь пока что в сторонке. Я с ними сам поговорю. Если понадобится, свистну.

Мотоцикл остановился в десяти метрах от танка. Из коляски выбрался высокий худой эсэсовец, подошел к Жерому, козырнул.

– Унтер-офицер Бользен, патрульная служба. Попрошу ваши документы.

– Гаупштурмфюрер Нольде, военный медик, – Жером протянул эсэсовцу бумаги. – Что-то случилось, унтер-офицер?

Документы у него были в полном порядке – впрочем, как и у каждого бойца группы «Синица». Их делали лучшие криминальные специалисты Одессы, собранные Абакумовым в маленькой, строго засекреченной шарашке под Москвой. Согласно этим документам, гаупштурмфюрер Отто Нольде был дипломированным врачом, выпускником берлинской военно-медицинской академии, откомандированным в Винницу личным распоряжением Имперского руководителя здравоохранения группенфюрера СС Леонарда Конти.

Личная подпись группенфюрера произвела впечатление на патрульного. Он вернул бумаги Жерому и вытянулся перед ним во фрунт.

– Поступил сигнал об исчезновении одного из танков конвоя с горючим, гаупштурмфюрер, – доложил он. – Судя по разосланной ориентировке, это ваш танк.

Жером покачал головой и улыбнулся.

– Сигнал поступил от командира взвода лейтенанта Фриче?

– Так точно.

– Наш командир экипажа пытался связаться с ним, но рация вышла из строя. Вы очень обязали бы нас, унтер-офицер, если бы передали лейтенанту Фриче, что мы движемся в Винницу для прохождения комплексного ремонта. Поломка трансмиссии оказалась более серьезной, чем предполагалось. У вас же есть рация?

– На второй машине, – Бользен повернулся к нему спиной и сделал знак мотоциклисту, ожидавшему на вершине холма. – А где командир экипажа?

– Одну минуту, – Жером сделал знак молча стоявшему рядом Шибанову. Тот вскарабкался на броню и забрался в люк.

– А каким образом вы оказались в танке? – внезапно нахмурился Бользен. – Лейтенант Фриче не докладывал о том, что в составе экипажа есть врач.

– Командир Майер был так любезен, что взял меня на борт, – ответил Жером, внимательно наблюдавший за приближающим-

ся мотоциклом. Стрелок, сидевший в его коляске, держал в руках автомат. – Вы же знаете, какой у нас бардак в службах Люфтваффе. Вместо Винницы мы сели на аэродром где-то под Немировом. А как прикажете добираться до места назначения?

– Командир экипажа унтер-офицер Ганс Майер, – молодой танкист прыгнул на землю и отдал честь. – У нас поломка, мы следуем в Винницу для прохождения ремонта.

Бользен подозрительно оглядел танкиста.

– Почему не поставили в известность вашего командира?

– Рация сдохла, – пожал плечами Майер. – А старина Фриче, верно, уже поднял тревогу?

– Как сделал бы на его месте любой грамотный офицер, – ледяным тоном проговорил Бользен. – Руди, – крикнул он стрелку второй машины, – свяжись со штабом, доложи, что мы нашли пропавший танк.

Стрелок положил автомат на борт коляски и щелкнул тумблером рации.

– Благодарю вас, унтер-офицер, – сказал Жером с чувством. – Алекс, приступайте.

Бользен не успел отшатнуться. Жером схватил его за предплечье и резко потянул на себя, насаживая на лезвие ножа, неизвестно как оказавшегося в него в руке. В ту же секунду Шибанов выхватил парабеллум и выстрелил в водителя первого мотоцикла. Тот, хрипя, повалился на руль.

Стрелок-радист отшвырнул эбонитовый наушник, и попытался схватить автомат. Одновременно водитель ударил по педали газа и мотоцикл прыгнул вперед, прямо на Жерома. Автомат свалился на землю, зацепившись ремнем за выхлопную трубу.

Жером вытащил нож из живота Бользена, прыгнул к пронесившемуся мимо мотоциклу и коротко ударил радиста рукояткой в висок. Тот обмяк, уронив голову на рацию. Мотоцикл, ревя мотором, обогнул танк и, опасно кренясь на бок, вырулил на дорогу.

– Вали водителя, – скомандовал Жером.

Парабеллум в руке Шибанова дважды плюнул огнем. Мотоциклист сполз с сиденья и, раскинув руки, упал в пыль.

Лишенный управления мотоцикл проехал еще метров тридцать и свалился в кювет, бешено вращая колесами. Радист сломанной куклой высывался из коляски.

– Он нам нужен, – сказал Жером капитану. – И рация его, кстати, тоже.

– Господин гаупштурмфюрер, – голос Майера прыгал, как теннисный мячик, – я не понимаю... зачем вы убили их... это же наши солдаты!

Жером обернулся, ища глазами Шибанова, но тот был уже на полпути к мотоциклу.

– Это были русские диверсанты, – сказал он. – Ганс, вокруг полно предателей. Помните тех, кого вы уничтожили вчера вечером?

Майер закивал.

– Вы не спрашивали себя, как могло оказаться, что в вашем собственном экипаже окопались враги Рейха?

– Спрашивал, – унтер-офицер затравленно огляделся по сторонам. – Конечно, я спрашивал. И я... я не знаю, как это объяснить, гаупштурмфюрер! Иногда мне кажется, что я сошел с ума...

– Поговорите об этом с Алексом, унтер.

Майер посмотрел на него дикими глазами, потом отвернулся и зашагал к Шибанову. Гипноблок, поставленный капитаном, действовал до сих пор.

Жером тщательно обыскал Бользена, но не обнаружил ничего интересного. Махнул рукой высунувшемуся из люка Гумилеву.

– Мне нужен бензин.

Он облил бензином труп Бользена и его мотоцикл. Щелкнул зажигалкой.

Вспыхнуло желтое пламя. Тело эсэсовца корчилось в огне, скребли по земле длинные, как у комара, ноги – казалось, что мертвец пляшет.

Потом рванул бензобак мотоцикла. К небу поднялся столб черного дыма.

– С тобой будет то же самое, – сказал Жером стрелку-радисту. Тот уже очухался, висел бесформенным кулем между Шибановым и Майером. Судя по решительному лицу последнего, капитан успел провести с ним разъяснительную работу.

– Кто... вы? – прохрипел радист. На скуле у него стремительно расползлся фиолетовый синяк.

– Патриоты Рейха, – ответил Жером. – Но вопросы здесь задаю я, понятно?

Он качнулся к пленнику. Радист втянул голову в плечи.

– Сейчас ты свяжешься по рации с лейтенантом Фриче. Скажешь ему, что танк, о судьбе которого он так беспокоится, идет в Винницу для ремонта. Затем сообщишь в комендатуру Винницы... вы ведь из комендатуры получили приказ искать танк?

– Да, – пробормотал эсэсовец. – Лично от коменданта Гюнше.

– Коменданту сообщишь то же самое. Сделаешь все как надо – останешься жить. Будешь играть в героя – сгоришь заживо.

Радист не мог оторвать взгляда от жирного дыма, поднимавшегося над телом Бользена. Он попросил шнапса, сделал хороший глоток и вызвал командира танкового взвода.

– Лейтенант Фриче? Патрульный обергефрайтер Корш. Мы нашли ваш танк. Он сломался. Да, командир экипажа говорит, что-то с трансмиссией. Он здесь. Одну секунду.

Майер выхватил у него из рук наушник.

– Да, господин лейтенант, прошу меня простить, я принял решение возвращаться на базу. Этот негодяй Шульце испортил бортовой редуктор. Я подозреваю диверсию. Что? Нет, я не издеваюсь, господин лейтенант. Рация тоже вышла из строя. Разумеется, господин лейтенант. Хайль Гитлер!

– Он подаст на меня рапорт, – убитым голосом проговорил Майер. – Не видать мне теперь Железного креста...

Когда радист повторил историю про сломанный бортовой редуктор коменданту Гюнше, Жером присел напротив него на корточки.

– Теперь рассказывай все, что знаешь о том, как устроена охрана особой зоны.

Обергефрайтер заговорил – торопливо, глотая от испуга слова. Жером расстелил на коленях карту, стал водить пальцем вокруг Винницы, задавая уточняющие вопросы. Потом встал, аккуратно сложил карту и кивнул Шибанову.

На ближней дистанции парабеллум стреляет с почти артиллерийской силой. Обергефрайтеру Коршу снесло полчерепа.

Майер опустил на землю, обхватил голову руками и тихонько завыл.

– Успокой его, Алекс, – Жером облил бензином второй мотоцикл и труп радиста. – А то он у нас и вправду умом тронется.

– Уже, – скорбно сказал Шибанов по-русски. – Его трясет всего. Может, лучше пристрелим, чтоб не мучался?

– А танк в ремонтные мастерские ты отвезешь?

– Мы что, действительно едем в Винницу, командир? А как же ставка?

– Ставка? – Жером невесело усмехнулся. – Ставка, брат, охраняется как гарем султана. Хороший был план – ворваться в гости к Гитлеру на лихом коне... то есть на танке. Но совершенно нереалистичный. В радиусе двадцати километров вокруг – усиленные патрули. Не такие, как этот – тут нам просто сказочно повезло. Бронетехника, авиация. По периметру ставки – пулеметные гнезда, двенадцать минометных расчетов. И это только то, что было известно нашему покойному приятелю. А я сомневаюсь, чтобы он знал хотя бы половину.

– И что делать будем? – Шибанов оглянулся на Майера, но унтер-офицер не замечал ничего вокруг. – Отгоним танк в ремонт, а дальше? Кстати, что там ремонтировать-то?

– Позаботься, чтобы механики без работы не остались. Дальше... дальше, капитан, надо думать. Желательно – головой.

Трупы эсэсовцев сгорели за полчаса. Бензобак второго мотоцикла почему-то не взорвался, и Гумилев с Теркиным откатали машину к ближайшему бочагу, где и утопили.

Шибанову, наконец, удалось успокоить Майера, тот приободрился и держался молодцом. Когда танк покинул место сражения и покатил дальше на север, бывший командир «Милой Берты» даже принялся насвистывать какую-то песенку.

– Слуха у вас, по-моему, нет, – сказал ему Жером, – но уж если хотите развлекать нас музыкой, вот вам инструмент.

Он вынул из кармана блестящую губную гармошку и протянул Майеру. Тот осторожно взял ее, приложил к губам и заиграл «Лили Марлен». Жером серьезно кивнул.

– Не так уж плохо. Продолжайте, Ганс.

К Виннице подъехали уже в сумерках.

Город тонул в яблоневых и вишневых садах, как в мягких зеленых подушках.

Над деревьями носились шустрые стрижи, за заборами гоготали гуси и квохтали куры. По заросшим травой улочкам расхаживали поросята и козы.

– А хорошо хохлы под немцем живут, – одобчительно сказал Шибанов Гумилеву. – Сытно.

Местных жителей почти не было видно. Один раз им встретилась телега, запряженная понурой лошадейкой. Сидевший на телеге мужик в расшитой украинской рубаше при виде немецкого танка резко дернул поводья и едва не уехал в канаву. Шибанов покрутил пальцем у виска – дурак ты, дядя!

– Смотрите, – сказала вдруг Катя, трогая Жерома за рукав. Как и все бойцы «Синицы», она по-прежнему обращалась к командиру на «вы». – Там, на колокольне...

«Милая Берта» проезжала мимо православного собора, чьи простые белые башенки были украшены воздушными золотыми куполами. Между тонкими колоннами, поддерживающими один из куполов, торчало короткое рыло пулемета.

– Да, – кивнул Жером, – место здесь непростое.

– Лезем прямо к черту в пекло, – хмуро заметил Шибанов.

– Не, – покачал головой Теркин. – Пекло – это подалее, в Стрижавке. А тут так, поддувало.

Ремонтные мастерские располагались на окраине города, недалеко от реки. Танк объехал полуразрушенную церковь, прохрустел гусеницами по усыпанной гравием аллее и остановился перед унылого вида зданием, огороженным дощатым забором.

– Приехали, – сказал Шибанов. – Ну, нам-то, я думаю, внутрь идти не обязательно?

– Тебе – обязательно, – отрезал Жером. – Во-первых, проконтролируешь нашего унтера, а то как бы он не поплыл в самый ответственный момент. Во-вторых, если сможешь, внуши этому Шульце или кто там у них главный по железкам, что ремонта тут дня на три, если не больше. Пусть копается потихоньку, вполне возможно, эта колымага нам еще понадобится.

– В хорошем хозяйстве все пригодится, – согласился Теркин и щелкнул пальцем по стеклу курсоуказателя. – Машинка справная, ходкая. А нам куда, командир?

– Ганс, – Жером повернулся к Майеру, который с отсутствующим видом сидел на месте заряжающего, – сколько времени вы пробыли в Виннице?

– Две недели, – деревянным голосом ответил унтер-офицер, – нас сюда перебросили сразу из училища.

– И вы, конечно, знаете здесь все заведения, где собираются немецкие офицеры?

Майер внезапно оживился.

– Заведения! Здесь всего два места, которые можно с натяжкой называть приличными. Ресторан «Гетман» на Почтовой и бильярдная за иезуитским костелом. В других местах вас за просто могут подпоить какой-нибудь отравой и обобрать до нитки.

– Тогда мы будем ждать вас в бильярдной. Скажем, через полтора часа.

Унтер-офицер озабоченно взглянул на часы.

– То есть в двадцать один сорок? Есть, господин гаупштурмфюрер!

– В таком случае, нам здесь больше нечего делать, – Жером хлопал Майера по плечу. – До встречи, унтер.

– В бильярдную вам нельзя, – сказал Жером, когда они отошли от забора и укрылись от любопытных глаз в тени старых лип. – По-немецки вы говорите плохо, так что каждый, кому придет в голову узнать, по вкусу ли вам здешнее пиво, заподозрит в вас чужаков и шпионов. А поскольку вы, в отличие от Алекса, не умеете убеждать людей в том, что они ошиблись, кончится это, скорее всего, перестрелкой.

– Неужели мой немецкий никуда не годится? – обиделся Гумилев.

– Лучше, чем у остальных, – согласился Жером. – Но совсем не идеален.

Он скептически оглядел своих бойцов.

– Поэтому в бильярдную я пойду один. Ваша задача – отыскать подходящее для ночлега место. Лучше всего, если это будет отдельно стоящий дом на окраине, с выходом к реке и огородам.

– Как хозяевам представляться? – деловито спросил Теркин. – Мы немцы или кто?

– Ну, какой из тебя немец, – вздохнул Жером. – Нет, в связи с изменившейся ситуацией действуем по плану «В». Вы – солдаты Русской Освободительной Национальной армии, РОНА. Проще говоря, «хиви»⁴.

Командир открыл полевую сумку и извлек оттуда два аусвайса в картонных обложках.

– Все помнят свои легенды по плану «В»? Отлично. Документы по плану «А» прошу вернуть мне. Кроме Кати – кем станет наша СС-хельферин, я решу в ближайшее время.

– А вы, командир? – спросил Гумилев.

– Я остаюсь гаупштурмфюрером Отто Нольде. Итак, задача ясна?

– Так точно, командир! А как вы узнаете, где мы остановились?

Жером присел на корточки, развернул карту Винницы.

– Вот здесь, на углу улицы Котляревского, она же до оккупации улица Котовского – старая водонапорная башня. Встречаемся около нее. Время встречи – двадцать три пятнадцать. Если кто-то не приходит, встреча переносится ровно на час.

Он захлопнул планшет и поднялся.

– Ну, ребята, с богом.

Когда-то Винница была восточным оплотом Ордена Иисуса, то есть иезуитов. Основанный испанским идадьго Игнатием де Лойолой Орден быстро распространил свое влияние на далекие и малоизвестные европейцам земли – Японию, Китай, Парагвай. Пришли иезуиты и на Украину, входившую тогда в состав Речи Посполитой.

В Виннице они построили большой костел, коллегиум и нечто вроде школы-интерната для детей обедневшей шляхты – конквит.

⁴ Сокращение от Hilfswillige – «желающие помогать» (нем.). Вспомогательные подразделения, сформированные из перебежчиков, пленных и добровольцев. Использовались как охранники тыловых объектов, повара, конюхи, технические специалисты, кладовщики, грузчики и т.д. Летом 1942 г. в тыловых подразделениях вермахта служило не менее 200 тысяч хиви. Русская Освободительная Национальная армия – одно из первых крупных формирований русских «хиви», созданное зимой 1942 г. на Брянщине химиком Брониславом Каминским. Каминский верой и правдой служил своим немецким хозяевам, но в августе 1944 г. был расстрелян ими вместе со всем своим штабом. Предатели – материал дешевый

Возводили их на холмах над Бугом – мощно, с размахом. Орден в те времена был сказочно богат и мог позволить себе монументальное строительство.

Костел, конквит и коллегиум составляли целый квартал, обнесенный могучими кирпичными стенами с приземистыми башнями по углам. Стена по-латыни – мурус, так что жители Винницы называли иезуитский квартал просто – Муры. Теперь Муры пребывали не в лучшем состоянии; у парадного входа они частью обрушились, частью были разобраны хозяйственными обывателями. Окованные железом ворота, некогда открывавшиеся только перед избранными, были попросту выломаны и валялись во внутреннем дворе. На них сидела большая черная собака, с упоением чесавшая задней лапой за ухом.

Жером вошел во внутренний двор и огляделся. У здания коллегиума курили трое мужчин в серо-зеленой форме. Четвертый, явно из их же компании, пытался взобраться по стене к узким окнам второго этажа. Это было не так сложно – выщербленная стена вполне годилась для тренировок начинающего скалолаза – но скалолаз, судя по всему, был очень сильно пьян. Не добравшись до окна, он нелепо взмахнул руками и полетел на землю, сильно ударившись спиной. Один из курильщиков испуганно вскрикнул, двое других расхохотались, но ни один из них не протянул упавшему руку, чтобы помочь ему встать.

– Проиграл, Рихард! – крикнул коренастый крепыш с красным лицом. – С тебя бутылка шнапса!

– И три порции колбасок! – подхватил невзрачный очкарик, похожий на школьного учителя. – Пари есть пари!

Незадачливый скалолаз не отвечал. Он лежал на земле, раскинув руки, и изо рта у него вытекала струйка крови.

– Эй, да он убили! – пробормотал третий из курильщиков – худой брюнет с длинным унылым носом. – Парни, смотрите, он же мертвый!

Подошедший Жером отодвинул брюнета в сторону и наклонился над телом упавшего. Потрогал пульс, потом вытащил из кармана авторучку и, раздвинув с ее помощью челюсти, заглянул скалолазу в рот.

– Все в порядке, – сказал он, вытирая руки чистым носовым платком. – Ваш приятель просто мертвецки пьян.

– Но у него же кровь! – возмутился очкарик.

– Язык прикусил, когда падал, – Жером обвел взглядом испуганные лица курильщиков. Низшие чины, краснорожий – фельдфебель, брюнет – старший прапорщик. Очкарик оказался рангом чуть повыше – штурмшарфюрер СС с белой штабной выпушкой на фуражке. – Вы что же, заключили пари?

– Да, господин гаупштурмфюрер, – у эсэсовца от страха запотели очки, – пари, собственно, было простое: мы вскладчину купили обершарфюреру Коху бутылку шнапса, а он должен был ее выпить и залезть в кабинет Задницы Эрни... простите, это мы так называем нашего коменданта. Но он, видите, не справился.

– Я вижу, что вам совершенно безразлична жизнь товарища, – оборвал его Жером. – Настоящие национал-социалисты так не поступают.

– Виноват, господин гаупштурмфюрер...

– Бросьте. Вашему Коху требуется помощь. Вы можете раздобыть лед?

– Лед? Да, пожалуй. У Вилли в холодильнике должен быть.

– Приложите ему к затылку и держите, пока не растает.

– Вы же сказали, что с ним все в порядке!

– Я имел в виду, что он жив. Ну, быстро!

Очкарик сделал знак своим друзьям. Краснорожий и брюнет подхватили бесчувственное тело Коха под руки и потащили к двери, ведущей в подвал коллегиума.

– Куда это вы его? – осведомился Жером.

– К Вилли! – объяснил эсэсовец. – Вилли – это хозяин бильярдной, а заодно и бармиксер⁵. Осмелюсь спросить – вы недавно в городе, господин гаупштурмфюрер?

– Я приехал сегодня. Но про бильярдную уже кое-что слышал.

– Я с удовольствием покажу вам ее. Штурмшарфюрер Клейнмихель, к вашим услугам.

Бильярдная Вилли была оборудована в глубоком подвале с кирпичными сводами. Под потолком тянулись закопченные деревян-

⁵ То же самое что и бармен, только по-немецки

ные балки. Помещение было разделено на два зала, в одном находилась барная стойка и полдюжины деревянных столов, темных от пролитого пива, в другом стояли два бильярдных стола и четыре глубоких, обитых кожей кресла. По стенам развешаны фотографии белокурых красоток и мишени для игры в дротики. За стойкой стоял сам Вилли – невысокий лысоватый крепыш с бакенбардами и в белом фартуке.

– Вилли, – заорал ему с порога очкастый Клейнмихель, – у нас гости! Приветствуй господина гаупштурмфюрера да налей ему своего лучшего пива!

– Хайль Гитлер, – без особого энтузиазма ответил бармиксер, поднимая правую руку. – А пиво у меня все равно одного сорта, для всех одинаковое.

– Я все равно не откажусь, – сказал Жером. – Так что наливайте, да поскорее.

– И мне заодно, – Клейнмихель подмигнул бармиксеру. – Сегодня за все платит старина Кох.

– Вашему Коху сейчас к башке лед прикладывают, – заметил Вилли. – А ну как отморозят совсем – кто тогда будет платить?

– Не беспокойтесь, – Жером взял запотевшую кружку. Кружка была своя, советская, пузатая, как самовар. А вот вкус пива показался ему незнакомым – раньше он такого точно не пробовал. – Я осмотрел его, он скоро придет в себя.

– А вы доктор, осмелюсь спросить? – Клейнмихель сверкнул стеклами очков. – Вижу, у вас на погонах темно-синие полосы...

– Имперская служба здравоохранения, – небрежно сказал Жером. – Я здесь со специальной миссией.

– Счастлив познакомиться, – подобострастно улыбнулся Клейнмихель. – А я служу в аналитическом отделе штаба, так сказать, бумажная крыса.

– И ваш друг Кох – тоже?

Эсэсовец вдруг помрачнел.

– Вообще-то я не имею права об этом говорить. Но раз уж вы так любезно спасли нашего растяпу Коха, я вам скажу. Обершарфюрер Рихард Кох – старший шифровальщик штаба.

– Неужели? – Жером поднял брови.

– Да, можете себе представить! Этот болван. В то время, как преданные делу Рейха офицеры вынуждены заниматься перекладыванием бумажек. А все потому, что у него способности к математике. А, да вот и он сам!

Жером обернулся. К ним, пошатываясь, приближался слегка протрезвевший герой дня. Невысокий, худой, белокурый. На вид Жером дал бы ему не больше двадцати пяти лет.

– Рихард Кох, – представился он, тщательно выговаривая слова. – Обершарфюрер СС Кох, так, наверное, правильное. Вы спасли мне жизнь, гаупштурмфюрер. Я вам признателен по гроб... по гроб признателен. Вы меня...

– Глупости, – сказал Жером. – Я всего лишь порекомендовал приложить вам лед к затылку, чтобы не было шишки. Впрочем, я рад, что вы уже пришли в себя. Идите домой и постарайтесь как следует выспаться.

– Я никуда не пойду, – с тихим упрямством пьяницы проговорил Кох. – Пока не выскажу вам все, что я думаю. Господин гаупштурм... гаупштурмфюрер! Вы спасли мне жизнь, и я вам очень обязан. Я так вам обязан, вы даже себе не представляете. Эти негодяи напоили меня шнапсом и заставили лезть на стену.

– Рихард, – возмутился Клейнмихель, – это было честное пари!

– А потом, когда я сорвался... и лежал, бездыханный, недвижимый... эти засранцы даже не попытались мне помочь. Они смеялись надо мной!

Он протянул руку и попытался щелкнуть Клейнмихеля по носу. Тот брезгливо отстранился.

– Вилли! Пива!

– Куда вам еще, господин Кох, – пробурчал бармиксер. – Все, на сегодня лавочка для вас закрыта.

– Все, все меня ненавидят, – сообщил Кох Жерому. – Один вы, господин гаупштурмфюрер, обошлись со мной по-человечески. Позвольте мне угостить вас шнапсом!

Жером внимательно посмотрел на него и усмехнулся.

– Почему бы и нет. Рад нашему знакомству, обершарфюрер.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Голова Абдула

Северный Кавказ, август 1942 года

Леха Белоусов был казак потомственный, древнего рода. Дед, Прокоп Кузьмич, был пластуном в русско-японскую войну, прославился тем, что взял как-то в плен аж восемь самураев сразу. Отец, Федор Прокопьевич, в Гражданскую гвоздил жидков и комиссаров так, что только кровавые сопли летели. Потом, когда большевики все же одолели, попал под жесткий гребень рассказывания. А как иначе? Для новой власти он был врагом, и марципанов от Советов ему ждать не приходилось.

Оттрубил Федор Белоусов десять лет где-то в Сибири, а тут как раз подоспел приказ о снятии ограничений на службу казакам в рядах РККА. Отец написал письмо лично Ворошилову – вину, мол, свою перед Родиной искупил тяжким трудом, хочу теперь защищать ее так, как учили меня отцы и деды. Взяли Федора Белоусова в 12-ю Кубанскую казачью дивизию, дали коня, шашку и парадную форму. Прослужил Федор Прокопьевич верой и правдой шесть лет, а неделю назад пал смертью храбрых в жестоком бою у станицы Куцевской. Силы были неравны: два сабельных казачьих полка против 198-й пехотной дивизии и двух отборных полков СС, один артиллерийский дивизион кубанцев против двенадцати пушечных и пятнадцати минометных батарей врага.

А впереди шли стальной цепью танки генерала Клейста.

Казаки ринулись на прорыв – конной лавой на танки. Шансов у них не было никаких, но они все же прорвались – забросав бронетехнику врага гранатами, бутылками с огненной смесью, сметая следовавшую за танками пехоту смертоносными струями пулеметного огня. Прыгали, страшно крича, прямо с седел на брону танков, закрывали смотровые щели боевых машин бурками

и шинелями, а если немец по глупости высовывал из люка голову – сносили ее одним ударом шашки.

Через час поле было усеяно трупами немцев и казаков, дико ржали пытающиеся подняться раненные лошади. Поредевшие отряды казаков отошли обратно к станице и еще два дня сдерживали германскую силищу, не давая ей продвинуться к Краснодару. Но для Федора Белоусова тот бой стал последним.

Леха же Белоусов был молод и по молодости считал себя бессмертным. О героической гибели батеньки он узнал от батенькиного кума Николая – тот, получив пулю в локтевой сустав, был направлен комдивом в Майкоп, в госпиталь. Майкоп пал спустя несколько дней.

– Оставь меня, Леха, – строго сказал Белоусову Николай. – Мне все равно уже шашкой не махать, а пострелять маленько гадов я и отсюда сумею. А ты с нашими иди на Туапсе, там сейчас самая жара будет...

Сплюнул Леха от обиды, взял свою винтовку и ушел к побережью вместе с тремя такими же, как и он, молодыми казаками.

Но до побережья им добраться не удалось. Танковый клин немцев, нацеленный на Туапсе, перерезал им дорогу. Парни спрятались в маленьком сарайчике, в бессильной злобе наблюдая, как маршируют по пыльной дороге солдаты в ненавистной серо-зеленой форме.

– Давайте вон там на высоте заляжем и перещелкаем их, как курей, – предложил Леха. Из всех четверых он был самый решительный.

– Перещелкал один такой, – неожиданно донеслось из темного угла сарая. Казаки схватились за оружие. Из темноты выдвинулся невысокий, но очень широкий в плечах лысый мужик в застиранном до дыр полевом хэбэ. – Герой сопливый, один против дивизии! Попробуй стрельни – фрицы тебя из миномета быстро уконтропуют. А вы, хлопцы, за стволы-то не хватайтесь, не хватайтесь. Своим бояться меня нечего, а были б вы вражины, давно вас голыми руками передавил бы...

Так в их отряде объявился командир, он же дядька Ковтун. Была ли это фамилия или кличка – никто из ребят так и не узнал. Ковтун был мужик себе на уме, хваткий и тертый, но вояка, судя по всему, первостатейный. Горными тропами, искусно обходя не-

мецкие кордоны, он вывел маленький отряд к реке Шахе, переправившись через которую казаки оказались в предгорьях Большого Кавказского хребта. Отсюда, по словам дядьки Ковтуна, можно было спокойно добраться до перевалов, где должны были стоять войска 46-й армии.

По пути им лишь раз встретился немецкий разъезд – видимо, конные разведчики. Было их трое, и дядька Ковтун велел молодым казакам не мешаться: сам справлюсь. Бесшумно спрыгнул со скального выступа на спину одного из всадников – тот рухнул на землю уже с торчащим под лопаткой ножом, – уклонился от пули второго, скользнув куда-то под брюхо лошади, и уже оттуда снес немцу половину черепа из трофейного парабеллума. Третий немец бросил оружие и сдался. Хотели его допросить, чтобы узнать, какая сила идет за ними, но немец ничего не говорил по-русски, кроме «карош», «карош», а по-немецки никто из казаков не понимал. Пришлось фрица прирезать и прикопать у ручья, как и двух остальных. Лошадей забрали себе, но через два дня оставили – дядька Ковтун сказал, что по той тропе, которой он поведет их на перевал, лошади не пройдут.

Забравшись на высоту, они увидели внизу грязно-серую реку, вливавшуюся в долину. Это опять были немцы, и их снова было много, даже больше, чем тогда, под Туапсе.

– Вот хады, – с чувством сказал дядька Ковтун, сплевывая в пропасть. – К перевалам прут, сволочи. Чуют, что по побережью им не пройти, там их морская пехота в лепеху раскатает, так они на горы нацелились...

– Ну, в горах-то мы их запросто остановим, – легкомысленно сказал Антоха Бобров и тут же получил от командира затрещину.

– Остановил один такой! У германца для горной войны особые солдаты есть, не шелупонь зеленая. «Едельвейсы», слышал?

– Нет, не слышал, – скривился Антоха, потирая затылок. – Что еще за едельвейсы?

– По-нашему, горные егеря, – буркнул командир. – В Германии ж горы, поди, тоже есть.

Далеко на севере поднимались к небу черные султаны дыма, оттуда доносились слабые отзвуки канонады – наши изо всех сил пы-

тались остановить продвижение немцев к Большому Кавказскому хребту. Судя по вползавшей в долину дивизии – безуспешно.

Немцы шли споро – Леха прикинул, что у перевалов они окажутся самое позднее послезавтра.

– Надо наших предупредить, – сказал он. – Вон их сколько!

– Надо, – хмуро подтвердил дядька Ковтун. – Так что нечего тут расслаживаться, лезем в горы!

– А чего не по дороге? – спросил Антоха.

– А потому что на дороге нас сверху любой увидит, – непонятно ответил командир. – Как вот мы фрицев сейчас видим...

«Кто может нас сверху увидеть? – подумал тогда Леха. – Разве только свои?»

Но уже к вечеру он понял, как сильно ошибался.

Они пробирались по склону, прячась за стеной высоких сосен. Внезапно шедший впереди Ковтун остановился и обернулся, прижимая палец к губам.

– Ш-ш, люди внизу!

Осторожно приблизившись к командиру, Леха заглянул ему через плечо.

К склону ущелья прилепился с десяток домиков – обычный горный аул. Над крышами домов курился сизоватый дымок. Видны были маленькие фигурки людей, снующих между дворами.

– Гляди, что делают, – Ковтун выматерился сквозь зубы.

Леха присмотрелся. Пятеро или шестеро крохотных человечков стучали молотками, сколачивая что-то из длинных досок. Сначала ему показалось, что они строят забор или, может быть, лестницу, но постепенно он понял, что это было на самом деле.

Обитатели аула сколачивали длинные столы.

– Это... для кого? – дрогнувшим голосом спросил Максим Приходько.

– Не для тебя, – отрезал Ковтун. – Вон, видишь, кто там в теньке прохлаждается?

Под старым раскидистым деревом сидели на деревянных скамьях трое солдат в странной, словно забрызганной пятнами грязи форме. Без головных уборов, светловолосые, они ничем не напоминали чернявых местных жителей.

– Немцы? – еще не веря глазам, проговорил Белоусов.

– Они самые, – командир скривился, будто раскусив гнилой орех. – Разведчики. Местные их как дорогих гостей принимают.

– Почему? – Леха, не отрываясь, смотрел вниз, на аул. В глубине души он надеялся, что это какая-то хитрость, и что сейчас горцы набросятся на наглых фашистов и скинут их в реку. – Это же предательство!

– А ты чего хотел? В горах много таких, кто ждет не дождется, чтобы немцы нас с Кавказа прогнали. Их деды против генерала Ермолова дрались, понял?

– Смерть гадам! – Приходько стащил с плеча винтовку.

– Дурак ты, – вздохнул дядька Ковтун. – Ну, положим, разведчиков мы перебьем. А сколько в ауле домов, ты считал? Двадцать с лишком. Это значит – двадцать головорезов, которые эти горы с малолетства знают. Они, чтобы перед фрицами выслужиться, будут нас ловить, пока не поймают. Надо тебе это?

Но Максим не успокоился.

– Что ж нам, как зайцам, по лесу бегать? Да казаки мы или нет? Неужели мы предателей не покарав, так уйдем? К тому же ты, дядька, один трех немцев положил, а нас вон пятеро!

Командир рассердился, вырвал у Максима винтовку.

– Олух царя небесного! Наша задача – до перевалов живыми добраться. Там мы нужнее, понял? А с предателями разобраться всегда успеем.

Аул обошли стороной, но на душе у всех было тяжело.

На ночь остановились в живописном ущелье над рекой Уллу-Муруджу. Костер из осторожности не разжигали, спали на мягких мхах под кучей лапника. Ночь выдалась холодная, из ущелья тянуло сыростью, и наутро самый младший боец, семнадцатилетний Вася Шумейко, едва сумел подняться на ноги. Его одолел кашель, который, как казалось Белоусову, разносился по всему ущелью. Из-за заболевшего Шумейко маленький отряд теперь полз по склону со скоростью черепахи.

– Вот что, – сказал Ковтун, – надо разделиться. Ты, Леха, и ты, Максим, идите вперед, а мы с Антоном и Васей следом.

– Зачем это, дядька?

– За тем, что хоть кто-то до перевала доберется, – хмуро ответил Ковтун.

И Белоусов с Приходько пошли. Вскоре они услышали внизу на дороге drobный топот копыт.

Всадник скакал на север, навстречу подползающей немецкой колонне. Был он явно из местных – в бурке и папахе из черного каракуля. Лицо свирепое, один глаз закрыт повязкой.

Приходько вскинул было винтовку, но Леха остановил его.

– погоди, Максим, мы ж не знаем, кто это и зачем!

Спустя еще полчаса показались новые гости – на этот раз с севера. Мужчина и женщина, оба верхом. Красивая блондинка в костюме для верховой езды и здоровенный, грузно сидящий в седле блондин в эсэсовской форме.

– Ну, сейчас даже не отговаривай! – Приходько лег в траву, поймал на мушку блондина и приготовился нажать спусковой крючок. На этот раз Леха и не думал мешать товарищу, но Максим почему-то не торопился стрелять.

Блондин вдруг повернулся и посмотрел прямо на них. Видеть их он, конечно, не мог – парней надежно скрывала высокая трава – но взгляд эсэсовца внимательно ощупывал склон, как будто немец знал, что там прячутся враги.

– Чего медлишь? – прошептал Леха.

– А вдруг за ними еще кто-то едет, – нерешительно пробормотал Приходько. – А сзади у нас дядька Ковтун с ребятами...

Женщина что-то сказала мужчине, тот покачал головой. Она рассмеялась и стукнула своего жеребца стеком. Мгновение – и всадница скрылась за соснами. Эсэсовец последовал за ней. Момент был упущен.

– Эх, Максим, – с досадой бросил Леха, – ты, видно, только на словах готов фрицев стрелять!

– Да я хотел, – оправдывался Приходько, – а потом этот как зыркнет, у меня палец словно одеревенел...

Но им неожиданно повезло – пройдя под возвышавшимся над ущельем утесом, похожим на гигантскую голову в остроконеч-

ном шлеме, парни увидели перед собой усыпанное валунами плато, полого поднимавшееся к югу. Там, у подножия отвесной скальной стены, виднелись две маленькие черные фигурки.

Остроглазый Леха взгляделся и удовлетворенно хмыкнул – всадники спешили, устраиваясь на привал.

– Ну, – хлопнул он Максима по плечу, – наше счастье – не ушли они далеко! Давай, Максим, пробежимся налегке – пока они там отдыхают, мы к ним вон оттуда подберемся.

Бежать было трудно – узкая тропинка, по которой ходили, наверное, одни овцы, то и дело изгибалась, то ныряя вниз, то взбираясь на кручу. Подошвы скользили по гладким камням, ноги путались в петлях заставших тропинку выюнов. Но предвкушение близкой расправы с врагом придавало сил. Когда они добежали до нависавшего над рекой уступа, с которого лагерь немцев был виден как на ладони, Леха с удивлением обнаружил, что почти не запыхался.

На том берегу реки блондин-эсэсовец сосредоточенно помешивал что-то в котелке. Китель свой он снял, оставшись в одной рубашке с закатанными рукавами. Черный автомат лежал рядом на камнях.

Женщину Леха увидел не сразу, а увидев, очень удивился. Она зачем-то залезла под самый козырек высокой скалы и оказалась вне досягаемости прицельного выстрела. Ничего, подумал Белоусов, главное – уложить фашиста. А девка никуда не денется, не вечно же ей там висеть...

Они с Приходько залегли на уступе и навели обе винтовки на блондина.

– Ты, главное, не торопись, – прошептал Леха. – Стреляй ты первым, я вторым. Знаешь, как на охоте.

Белоусов тщательно прицелился. Широкая спина эсэсовца казалась отличной мишенью.

– Получай! – выкрикнул Максим, нажимая спусковой крючок.

При этом его локоть соскользнул с камня и слегка толкнул Белоусова под руку. Два выстрела грянули одновременно, и Леха сразу понял, что они промазали.

Эсэсовец с невероятной для его комплекции ловкостью прыгнул куда-то вбок, успев схватить в прыжке автомат. Над головами парней прогреготала очередь.

Леха почувствовал жгучее разочарование. Еще несколько секунд назад он был уверен в том, что они уложат проклятого фашиста на месте! Если бы не неуклюжий Приходько!

А тот, похоже, даже не понял, что именно его оплошность спасла жизнь эсэсовцу.

– Получай! – орал он, посылая пулю за пулей туда, где прятался среди валунов немец. – Получай, гнида фашистская!

Тот огрызался короткими очередями, опасаясь выглядывать из-за камней. Леха, решив, что прицельного огня бояться не стоит, привстал на колени. В то же мгновение пуля немца срезала ветку у него над головой.

– Вот же собака! – выругался Леха, вновь распластавшись на камнях. – Он нас видит, а мы его нет!

Немец, видно, тоже понял, что у него преимущество. Он стрелял редко, но не давал казакам возможности поднять головы.

– По лошадям надо стрелять, – крикнул Приходько, – по лошадям, чтоб не ушли гады!

– Ты и стреляй, – разозлился Леха, – а я коней убивать зря не стану!

Только тут он заметил, что блондинка, чей славный буланный жеребчик, напуганный выстрелами, горестно ржал у старого корявого дерева, по-прежнему что-то делает на скале, не обращая внимания на разгоревшуюся у нее за спиной перестрелку.

– Ты лучше вон бабу попробуй снять!

Максим перевел огонь на блондинку, но, разумеется, без всякого толку – расстояние было слишком велико. Зато немец, воспользовавшись передышкой, откатился под укрытие корявого граба.

Леха обернулся к Максиму, который с сосредоточенным лицом посылал пулю за пулей в направлении испещренной дырами скалы.

– Значит, так, я сейчас попробую спуститься вниз, к речке. Он наверняка высунется – тут ты его и вали, понял?

– А если не высунется?

– А не высунется, я его сам прикончу!

Леха собрался и, прижав к груди винтовку, рывком перекатился через край уступа.

Иоганн Раттенхубер увидел, как отлепившаяся от скального выступа мальчишеская фигурка летит вниз, катясь по заросшему густым кустарником склону. Сейчас парень был прекрасной мишенью – можно было встать и расстрелять его почти в упор. Но Раттенхубер не спешил покидать свое укрытие. Потому что где-то там, на утесе, был еще и второй русский, стрелявший по Марии фон Белов. Уже несколько секунд его винтовка молчала. Не было ни малейших сомнений, что сейчас русский нацелил свое оружие на ствол дерева, за которым прятался Иоганн.

Раттенхубер был полицейским, а не военным. Как всякий хороший полицейский, он не любил длительных огневых контактов. Десятиминутные перестрелки с преступниками бывают только в детективных романах. Обычно все решается в течение нескольких секунд, и решается, как правило, в пользу полиции. Правда, полицейских обычно больше, чем бандитов. Сейчас же все было наоборот – он один, а врагов двое. Самое лучшее, что можно сделать в такой ситуации – отступить, избегая лишней стрельбы.

Он бросил быстрый взгляд назад и с удивлением обнаружил, что Мария наполовину скрылась в одной из пещерных гробниц. Что ж, так даже лучше. Укрытие там почти идеальное – даже если русские каким-то чудом проберутся к самой скале, достать Марию там они не смогут.

Раттенхубер вжался в землю и пополз в сторону бывшего копытами буланого кабардинца Марии фон Белов.

Для Лехи Белоусова время растянулось, как резиновый шнур – он ждал автоматной очереди, а ее все не было. Потом он ткнулся лицом в мокрый песок и понял, что скатился по склону целым и невредимым. Здесь, у реки, эсэсовец вряд ли мог бы его подстрелить – разве что только поднявшись в полный рост.

Но Максим, затаившийся наверху, на уступе, тоже не стрелял – значит, фашист так и не рискнул высунуться, побоялся. Теперь нужно было лезть в реку и позволить протащить себя метров двадцать вниз по течению. Ни выпирающих из воды камней, ни водоворотов Леха сверху не разглядел, значит, можно было риск-

нуть. Немец вряд ли догадается, откуда ждать нападения. Секунды две-три у Лехи точно в запасе будут.

Он бесшумно, как заправский пластун, подполз к реке и, словно огромная змея, скользнул в прозрачную ледяную воду.

От холода спазмом перехватило горло. Леха выпучил глаза и изо всех сил стиснул челюсти, чтобы не выдать себя рвущимся наружу криком. Здесь было, к счастью, не глубоко – ноги его царапали каменистое дно, а винтовку Белоусов держал на вытянутых руках над головой.

Самым сложным было определить дистанцию. Сверху он прищелкнул излучину, закрытую от посторонних глаз зарослями колючих кустов – там можно было незамеченным вылезти из воды и, зайдя в тыл фашисту, пристрелить его, как бешеную собаку. Но то, что казалось простым, пока Леха лежал на скале, стало почти невозможным, когда он погрузился в реку. Вода заливала ему глаза, берег, вдоль которого его несло, казался размытой зеленой полосой. Потом он врезался обеими ногами во что-то твердое, и, отплеываясь, попытался встать на колени.

Это и была та излучина, которую он заметил с утеса. Река здесь делала плавную петлю, и течение вынесло Леху на усыпанную галькой отмель. Пригибаясь, он подбежал к кустам и раздвинул заросли стволом винтовки.

Раскорячившийся ствол старого граба высился совсем близко. Вот только никакого эсэсовца за ним уже не было.

– Naende hoch! – приказал Раттенхубер. Он стоял шагах в пятнадцати от Белоусова, прячась за крупом буланого жеребца. Ствол его автомата был направлен в голову русского.

Парнишка был совсем молод – вряд ли старше восемнадцати. В руках он держал винтовку, но целился в сторону дерева, за которым Раттенхубер прятался минуту назад. «Я его перехитрил, – подумал Иоганн. – А если бы остался лежать в укрытии, он уже снес бы мне полчерепа».

Проще всего, конечно, было застрелить парня. Но Раттенхубер решил, что выгоднее будет взять его в заложники и потребовать, чтобы второй нападавший тоже бросил оружие.

Русский парень оказался смышленным – сообразил, что Иоганн подстрелит его раньше, чем он успеет к нему развернуться. Сплюнул и бросил винтовку на землю. Медленно поднял руки.

– Komm zu mir! – Раттенхубер надеялся, что парень поймет его и без перевода. Вроде бы понял – нехотя двинулся к нему, держа руки над головой.

В этот момент Раттенхубер, чей слух обострился, как у дикого зверя, услышал доносившийся со стороны дороги быстро приближающийся топот копыт.

– Schnelle! – рявкнул он. Но русский, видимо, тоже понял, что в игру вот-вот вступит еще один игрок. Он брел к Раттенхуберу нарочито медленно, с трудом передвигая ноги. И вдруг резко прыгнул в сторону, крутанувшись в воздухе, словно цирковой гимнаст.

Раттенхубер дал очередь, стараясь целиться парню в ноги. Попал или нет – разбираться не было времени. Со стороны утеса грохнул выстрел, пуля взметнула фонтанчик песка у самых копыт жеребца, тот сделал свечку и дико заржал.

– Scheiße! – выругался Иоганн. Он развернулся к утесу и выстрелил почти наугад. Ситуация опять вышла из-под контроля, он не мог одновременно держать на прицеле обоих русских.

Всадник на вороном коне вылетел из леса, как горный демон. Сходство с демоном усиливали развевающиеся у него за плечами черные крылья – Раттенхубер с некоторым запозданием понял, что это бурка.

Перед отпрянувшим Раттенхубером мелькнуло свирепое одноглазое лицо с безобразным кривым шрамом во всю щеку. Сверкнуло лезвие шашки.

Иоганн не успел даже как следует испугаться. Конь черного всадника ураганом промчался мимо него, взлетевшее к небу лезвие со свистом опустилось на пытавшегося добраться до своей винтовки русского парня.

Русского спасло то, что он споткнулся и упал. Шашка кривого Абдула чиркнула его по плечу, оставив широкую кровавую полосу. Абдул замахнулся снова, но тут откуда-то сзади грохнул выстрел.

Пуля ударила вороному в шею. Конь начал заваливаться на бок, Абдул, ловкий, как росوماха, успел соскочить на землю, но и русский сумел дотянуться до своей винтовки.

Чем закончилась схватка, Раттенхубер не видел. Коня убили явно не выстрелом с утеса, а это означало, что русские каким-то образом обошли плато с флангов. Иоганн почел за лучшее отступить с поля боя.

Некоторое время он бежал, держа за уздечку кабардинца и заклоняясь им, как щитом, потом, решившись, вскочил в седло и галопом поскакал к пещерному кладбищу.

Преодолевая жгучую боль в располосованном плече, Белоусов перевернулся на спину и выстрелил прямо в заросшее черной бородой лицо одноглазого. Того отшвырнуло на лежащего на земле, конвульсивно подергивающего ногами коня.

Леха привстал на локтях, озираясь в поисках эсэсовца. Фашист, припав к шее буланого жеребца, удирал к скалам, похожим на кубики, рассыпанные ребенком-великаном.

Бородач хрипел, пытаясь вытащить из-за пояса пистолет. Белоусов выстрелил еще раз – хрип прервался. Тогда Леха встал на одно колено и тщательно прицелился в улепетывающего немца.

Раздался глухой щелчок.

Осечка, подумал Леха. Снова нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало и на этот раз.

Белоусов отбросил бесполезную винтовку и, подбежав к труп бородача, вырвал у него из пальцев пистолет. Это был советский «Токарев», мощное, но малопригодное для стрельбы на большой дистанции оружие. Проклятый эсэовец к этому моменту уже почти скрылся за валунами. Леха пару раз пальнул ему вслед, но безрезультатно.

Горячка боя постепенно отпускала его. Плечо болело невыносимо, рубашка отяжелела от крови. Кружилась голова. Леха сел на землю, пытаясь унять подступившую дурноту.

Это ж надо было так опростоволоситься, думал он сбивчиво. Пошел на немца с двумя патронами в магазине... Дурак...

– Дурак, – подтвердил чей-то знакомый голос. – Куда ж ты полез, сопля? А ну, что там у тебя на спине?

– Дядька Ковтун, – еле ворочая языком, пробормотал Леха. – Откуда ты?

Командир наклонился над ним и одним рывком разорвал окровавленную рубашку. Леха вскрикнул от боли.

– Молчи, дура, – грозно рыкнул Ковтун, – умеешь фасонить, умей и терпеть!

Он сноровисто перевязал Белоусову плечо. Леха скрипел зубами, но молчал.

– Так-то лучше! Идти можешь?

– Могу... вроде.

– Вроде Володи! Я тебя тащить на себе не стану! Не можешь идти – ползи.

Леха с трудом поднялся на ноги. Сделал несколько шагов, поднял винтовку.

– Что, неожиданно патроны кончились? – усмехнулся дядька Ковтун.

– А вы что, видели? – Лехе стало невероятно стыдно за свою глупость.

– Я много чего видал. Если бы не этот абрек, – командир кивнул на мертвого бородача, – я бы немца уложил. И чего он на тебя попер, не пойму!

– Как же вы успели? Вы же с Васей больным шли!

– А тропки знать надо. Да и Вася твой молодцом оказался, хоть и кашлял, а шел быстро. Мы как раз из лесу выходили, когда вы тут палить начали. И кто вас, балбесов, просил тех фрицев трогать? Шли ж себе спокойно и шли... К вечеру уже на перевале бы были.

– Так их всего двое было, дядька Ковтун!

– Было? – передразнил командир. – А сейчас их сколько? Мало, что шум подняли, так еще и зря! Через час сюда едельвейсы пойдут, вот тогда и начнется!

– Что начнется? – не понял Леха.

– Травить нас станут, как волков, вот что. А, да что тебе рассказывать, – с досадой махнул рукой дядька Ковтун, – только время зря терять!

«А все же одного гада я уложил, – подумал Леха, ковыляя за командиром. – Предателя! Значит, не такой уж я казак завалящий...»

– Зря вы погнали коня по этим камням, – озабоченно сказала Мария фон Белов, осматривая ноги кабардинского жеребца. – Видите, он разбил себе сустав, теперь будет хромать!

– Сожалею, – ответил Раттенхубер. – Я плохо привязал свою лошадь, и она при первых же выстрелах куда-то убежала. А этот просто оказался под рукой.

Ему до сих пор не верилось, что все обошлось. Вопреки опасениям Иоганна, русские не стали его преследовать. Они переправились обратно через реку и исчезли в густых зарослях, покрывавших противоположный склон ущелья. Насколько мог разглядеть Раттенхубер, всего их было человек пять.

Несколько минут он просидел, привалившись спиной к скале и приводя в порядок разбегающиеся мысли. Затем сверху послышался какой-то шум и посыпались мелкие камушки. Раттенхубер поднял глаза – Мария фон Белов спускалась по отвесной скале, пристегнувшись к закрепленному где-то под самым козырьком канату.

– Отодвиньтесь, Иоганн, – крикнула она, – иначе я приземлюсь прямо вам на голову!

Она прыгнула на землю и поставила рядом набитую чем-то сумку.

– Рада видеть вас целым и невредимым.

– Вы хорошо сделали, что спрятались в пещере, – деревянным голосом сказал Раттенхубер.

– Спряталась? Вы шутите, Иоганн? Мне здесь ровным счетом ничего не грозило. А если бы они попытались подобраться поближе, у меня было из чего их остановить.

Мария похлопала себя по поясу, на котором в кожаной кобуре висел парабеллум.

– Впрочем, я не сомневалась, что вы остановите бандитов. К тому же как нельзя кстати вернулся Абдул.

– Этот дикарь спутал мне все планы, – буркнул Раттенхубер. – Я собирался взять русских в плен и выяснить, откуда они взялись. Если помните, генерал Ланц клялся, что до самых перевалов мы русских не встретим.

– Этому, как вы выразились, дикарю было строжайше приказано охранять меня и вас, – перебила Мария. – Если бы он не по-

доспел вовремя, вы оказались бы в затруднительном положении, Иоганн. К сожалению, ему пришлось заплатить за ваше спасение своей жизнью.

– Его убили?

– Да, его застрелил тот русский юноша, которого вы чуть было не взяли в плен. Бедняга Абдул, он мог бы нам еще пригодиться.

Мария фон Белов приторочила сумку к седлу жалобно косящего на нее большим влажным глазом жеребца и потрепала его по холке.

– В любом случае, наш визит сюда был не напрасным. Мне удалось кое-что отыскать в пещерах.

– Золото?

Мария фон Белов нежно погладила сумку.

– Нет, Иоганн. Кости. Но эти кости могут оказаться дороже золота и серебра.

Осторожно, следя за тем, чтобы ноги жеребца не застревали между камней, они вернулись к поляне с уродливым деревом. Абдул лежал, привалившись к брюху своего коня – тот был еще жив и мелко дрожал, дрыгая задними ногами.

– Бедняга, – проговорила Мария фон Белов, наклонившись над конем.

Она вытащила из кобуры парабеллум и сунула ствол в ухо вороного. Грянул выстрел, конь в последний раз дернулся и затих.

– Не могу видеть страдания животных, – словно оправдываясь, сказала Мария. – Особенно лошадей.

Она встала на колени перед убитым Абдулом, расстегнула ему бурку и стала шарить у него за пазухой. Вытащила свернутую в трубочку бумагу – Раттенхуберу показалось, что это карта.

– Что ж, Абдул, ты служил мне верно, – с этими словами Мария извлекла из посеребренных ножен, висевших на поясе Абдула, длинный и острый кинжал. – Но служба твоя на этом еще не закончена.

И на глазах у изумленного Раттенхубера она в два приема перерезала мертвецу шею и, крепко схватив Абдула за волосы, отделила его голову от тела.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дайна

Винница, август 1942 года

Теперь ее звали Дайна. Имя это ей не нравилось, но выбора не было. Ей пришлось привыкнуть к новому имени, убедить себя, что ее звали так всегда. Жером – то есть уже не Жером, а Отто – научил ее, как нужно вживаться в свою легенду. Ты должна засыпать с мыслью о доме, в котором ты родилась, говорил он. Это маленький домик на дюнах у Балтийского моря, старый, построенный еще твоим дедушкой. Как звали дедушку? Витаутас, отвечала Катя. Он был рыбаком, и около дома у нас стоял деревянный лодочный сарай, в котором были развешаны пахнущие рыбой и солью сети. А папа не хотел быть рыбаком и уехал в город учиться на бухгалтера. Там он встретил маму, которая работала машинисткой в конторе. Привез ее в родительский дом. Бабушка невзлюбила маму, считала ее белоручкой и постоянно изводила придирами. Папа устроился работать счетоводом в поселке... Как назывался поселок, перебивал Жером. Юодкранте. Я родилась осенью, под грохот балтийских штормов. Маленькой девочкой играла на берегу, собирала ракушки и янтарь. Потом пошла в школу в поселке. А потом дедушка Витаутас умер, и оказалось, что он оставил нам приличную сумму денег. Он хоть и был простым рыбаком, но много лет потихоньку откладывал часть своих заработков в банк. Этих денег мне хватило, чтобы поехать после школы в Каунас и учиться там в медицинском университете. Потом пришли Советы, моего отца арестовали и отправили в Сибирь. За что? Кто-то донес на него, будто он в сговоре с директором рыбхоза занимается приписками. Меня выгнали с третьего курса университета как дочь врага народа. Это было прямо перед приходом немецких войск. Перед освобождением, поправлял

Жером-Отто. Мы, немцы, спасли вас от советской оккупации, и вы нам за это очень благодарны. Да, конечно, соглашалась Катя, чувствуя, как внутри у нее что-то ломается при этих словах, мы очень вам благодарны.

Дайна Кайрите была старше Кати Серебряковой на три года. Прилично говорила по-немецки и немного знала русский. Родного ее языка – литовского – в Виннице не знал никто, поэтому разоблачение ей не грозило. Гаупштурмфюрер Нольде познакомился с ней, когда работал в комиссии при Рейхскомиссариате Остланд, изучавшей расовую принадлежность литовского населения. К этому времени отчисленная из медицинского университета Дайна устроилась на скромную должность регистраторши в общественной больнице Каунаса. Когда гаупштурмфюреру понадобились сравнительные данные по анамнезам литовцев, русских и евреев, Дайна быстро и качественно сделала для него эту работу. Нольде обратил внимание на молодую и привлекательную регистраторшу и взял ее к себе ассистенткой.

Я просто ассистентка? – спрашивала Катя. Нет, не просто, усмехался Отто, но я же не стану говорить об этом прямо. Пусть строят догадки и сплетничают. Достаточно того, что мы появляемся вместе на людях.

Катя – то есть Дайна – не могла понять, почему он так спокоен. Вокруг были враги, они ходили рядом, здоровались и мило ей улыбались. Если бы кто-то еще месяц назад сказал бы Кате, что она будет жить среди фашистов, и что фашисты будут считать ее своей, она плюнула бы этому человеку в лицо. Почему ты не говорил мне, что так будет? – допытывалась она. Когда рядом не было товарищей, она обращалась к Отто на «ты». Мы же готовились совсем к другому, вспомни, как мы захватили фальшивого Гитлера на той базе! А ты знал, что нам придется играть эти мерзкие роли? Знал?

Не мерзкие, поправлял Отто. Ты должна полюбить Дайну Кайрите, должна жить ее жизнью. Твое поведение должно быть абсолютно естественным. Тогда ты сможешь сделать то, ради чего тебя сюда отправили. Посмотри на меня. Я похож на человека, которого ты знала под именем Жером?

Я люблю Жерома, говорила она. Я не могу любить эсэсовца Отто Нольде. Он твердой рукой брал ее за подбородок и заглядывал в глаза. Это Катя Серебрякова не может любить эсэсовца Нольде. А литовка Дайна Кайрите, отца которой НКВД сослало в Сибирь, может. Впрочем, это не обязательно. Она должна держаться за него, потому что гаупштурмфюрер – важный человек в нацистской иерархии, и рядом с ним ей ничего не угрожает. Ты знаешь, какой вывод сделала комиссия, в которой работал Отто Нольде? Что литовцы не являются арийцами, а представляют собой смесь славян и примитивных балтийских племен. И теперь по распоряжению Гиммлера восемьдесят процентов населения Литвы подлежат депортации и заключению в концлагеря. Так вот, Дайна Кайрите очень не хочет попасть в эти восемьдесят процентов. Поэтому она готова молиться на своего благодетеля Отто Нольде, хотя любви между ними может не быть.

Порой ей казалось, что она вот-вот сойдет с ума, как несчастный Ганс Майер. Танкист, конечно, тоже был врагом, но его Катя немного жалела. После того, как они с Шибановым вернулись из ремонтных мастерских, Ганс впал в глубокую депрессию. Он наотрез отказался идти в бильярдную, и до самой темноты просидел на берегу реки, обхватив тощие колени руками и бессмысленно глядя куда-то в пространство. Шибанов пытался растормошить его, но безуспешно. А ночью Майер повесился.

Это произошло в доме, где они остановились на постой. Хозяйка, одинокая вдова по имени Галина, оказалась женщиной деловой и хваткой. Услышав, что постояльцы собираются платить за кров и еду настоящими рейхсмарками, она мгновенно накрыла на стол, выставила бутыль мутноватого самогона и весь вечер развлекала гостей последними городскими сплетнями. Кате пришлось в голову, что известное выражение «болтун – находка для шпиона» подходит к Галине как нельзя лучше. К тому же видно было, что вдовушка явно пытается произвести выгодное впечатление на Майера.

Майер, однако, сидел за столом, как манекен, почти не ел, выпил несколько рюмок и ушел к себе в комнату. Галина предоставила в их распоряжение три комнаты: одну для русских «хиви», вто-

рую для СС-хельферин, и третью для немецкого унтер-офицера. Комната Майера раньше принадлежала покойному мужу Галины. На стене висела его фотография в парадной казачьей форме и наградная шашка. Ночью Майер снял эту шашку и накинул на торчащий из стены гвоздь тонкий бельевой шнур.

Гвоздь, к счастью, не выдержал, и танкист свалился на пол, где его, полузадушенного, и обнаружили прибежавшие на шум Теркин и Гумилев. Майер плакал и повторял «Ich kann nicht! Ich kann nicht!»⁶.

– Не было у бабы горя, так купила баба поросю, – хмуро сказал Шибанов, глядя на рыдающего Майера. – И что нам теперь с ним делать, с уродом? Кончить его потихоньку уже не получится – хозяйка по всей округе растрезвонит. Да и командир не велит. Какие мысли будут, бойцы?

– Пусть наша СС-хельферин попробует его вылечить, – предложил Гумилев и выразительно посмотрел на Катю.

Кате очень не понравился его тон. Ей вообще не нравилось, как Лев и Саша вели себя с ней после той дурацкой дуэли. Они как будто презирали ее. Можно подумать, кто-то дал им такое право!

Ну и что с того, что Лев пытался робко ухаживать за ней с первого же дня их знакомства? Он был смешной, и знал много, и разговаривать с ним было интересно, но Катя не могла воспринимать его всерьез. Даже после того, как он убежал в эту свою самоволку и притащил ей огромный букет роз и конфеты. Конечно, это был поступок... но поступок не мужской, а какой-то мальчишеский. Странно – Лев был на одиннадцать лет старше, а Катя все равно чувствовала себя рядом с ним взрослой.

С Сашкой другая история. Сашка еще на Урале ей не понравился. Наглый, манеры хулиганские, даром что капитан госбезопасности. Но когда Катя узнала его поближе, поняла, что это только маска. Шибанов был отчаянный и в то же время ранимый. Любил стихи, умел красиво ухаживать. В общем-то, у него были шансы, во всяком случае поначалу. А потом появился Жером, и стало ясно, что рядом с ним и Сашка, и Лев просто мальчишки.

6 Я не могу! (нем.)

С первого взгляда Катя поняла, что это мужчина всей ее жизни. При этом она никак не могла бы назвать его красавцем. Внешне он ей, скорее, не нравился. Она вообще не любила брюнетов – если судить только по внешности, то Сашка, несмотря на перебитый нос, давал Жерому сто очков вперед. Но от Жерома шла какая-то невидимая волна, а у Кати в голове будто включился радиоприемник, настроенный на эту волну.

Неделю или даже больше он не обращал на нее никакого внимания. Это было даже обидно – Кате казалось, что с другими бойцами «Синицы» Жером занимается с большим интересом, а ее просто терпит. Сколько позора было, когда выяснилось, что у нее не хватает сил держать два пистолета одновременно... Тогда он впервые к ней прикоснулся – легонько пробежал пальцами по ее запястьям, и Катю словно электричеством ударило. А он ничего так и не почувствовал...

Так оно все тянулось и тянулось – Сашка и Лев бегали за ней, как глупые щенята, а для Жерома она оставалась «сержантом медслужбы Серебряковой», и это было невыносимо. Пока в день ее рождения он вдруг не принес ей гиацинт и не поцеловал ей руку. В тот момент Катя поняла, что небезразлична ему, что он все это время просто умело скрывал свои чувства. С этим у Жерома все было в порядке. Он учил их считать эмоции человека по мимике и моторике, но попытки применить это искусство к нему самому не приносили успеха. Сейчас Катя понимала, что Жером прекрасно видел, что с ней творится. Дрожащие ресницы, пунцовые щеки, предательский блеск глаз – просто живая иллюстрация к типу «влюбленная дурочка». Еще удивительно, как он после всего этого все-таки воспринимал ее всерьез. И как же она была счастлива, когда Жером первый раз заговорил с ней о чувствах. Он сказал тогда – Катя, если бы я мог, то ни за что не взял бы вас на задание. Она, дура, даже обиделась. Почему? Я что, хуже других? Нет, напротив. Вы не хуже, а лучше. Вы лучше всех, Катя. Я ни за что не стал бы рисковать вами. Вы красавица, Катя. Достоевский сказал, что красота спасет мир, но вряд ли он имел в виду, что мир будет спасать красивая девушка с автоматом. Много изменилось за сто лет, правда?

Она не знала, что ответить. И тогда он впервые взял ее лицо в ладони – у него были сильные и теплые пальцы – привлек к себе и поцеловал. Самого поцелуя она не запомнила – в голове все кружилось и плыло. От Жерома пахло порохом – накануне у них были стрельбы. Пахло кожей новенькой кобуры, металлом вычищенного пистолета. Запаха самого Жерома Катя сначала не почувствовала. Через несколько дней, когда они уже стали близки, она, лежа без сна, вдруг повернулась и уткнулась носом ему в ключицу. Пахло теплом – она не сумела бы объяснить, как это возможно – и надежностью. Это был родной запах, единственно родной на всем свете, и Катя задохнулась от счастья. Вот она лежит в темноте рядом с самым лучшим мужчиной, и вдыхает его запах, и чувствует себя любимой, и нет никаких сомнений в том, что теперь все будет хорошо. Они выполнят задание, вернутся назад с орлом, Гитлер потеряет власть и война закончится. И они с Жеромом будут жить долго-долго, обязательно в Ленинграде, на Васильевском острове, и у них будет двое детей, мальчик и девочка.

Такая она была глупая и смешная. Про Сашку и Льва она даже думать забыла, а те устроили из-за нее эту дурацкую дуэль. Жером ей ничего не сказал – Катя случайно подслушала, когда он их отчитывал и грозил трибуналом. Вот же ослы! Подставили под удар всю операцию. Но признаться Жерому, что она знает о дуэли, Катя, конечно же, не могла. И дать понять ребятам, что ей все известно – тоже. Приходилось делать вид, что она не понимает, почему все так изменилось. Если раньше между Сашкой и Львом постоянно чувствовалось какое-то напряжение, то после дуэли они стали друзьями – не разлей вода. А к ней стали относиться так, будто она во всем виновата.

Короче, когда Лев предложил, чтобы Катя вылечила Майера, она довольно резко отказалась.

– Я не психиатр, понятно? Если бы у него было какое-то физическое повреждение – рана или перелом – я бы взялась. А мозги штопать я не умею, извините.

– Ну, ты хоть попробуй, – буркнул Шибанов. – Может, что и получится.

Майер сидел на полу и тихо плакал.

– Ничего не получится, – отрезала Катя. – Ты его довел до такого состояния, ты и лечи.

– Лечи! – фыркнул капитан. – Что я ему могу внушить? Ты не сумасшедший, дорогой, ты нормальный? Ты зарезал троих своих подчиненных, потому что я тебе так велел, но это в порядке вещей? И что не надо вешаться, потому что самоубийство это не выход для верного сына Рейха? Что мне ему надо внушить, объясни!

– Вот что, – сказал Теркин. – Давайте для начала его напоим.

– Зачем? – удивился Лев.

– Если его довести до кондиции, он просто уснет, – объяснил Василий. – И спокойно проспит до утра. А мы за это время придумаем, что с ним делать.

– Еще самогон на него переводить, – заворчал Шибанов, но сходил в горницу и принес бутылку с остатками мутного пойла. – пей давай, ариец хренов!

Майер послушно опрокинул стакан, поперхнулся и закашлялся. Гумилев сунул ему огурец. От второго стакана танкист попытался отказаться, но Шибанов скомандовал ему по-немецки – «ты выпьешь!», и Майер подчинился. Некоторое время он пытался что-то бессвязно объяснять Кате, называя ее почему-то Мартой, потом сказал «эншульдиге» и принялся натужно блевать в принесенное предусмотрительным Теркиным ведро. Когда бесчувственное тело перетащили на кровать, было уже три часа ночи.

– Завтра проведу с ним воспитательную работу, – сказал Шибанов, вытирая пот со лба. – Пусть считает себя контуженным, что ли. А на ночь будем его каждый раз поить до положения риз, чтобы не устраивал тут больше цирк с конями.

С тех пор Майер безвылазно лежал у себя в комнате. Хозяйке сказали, что он тяжело заболел. Гумилев и Шибанов заходили к унтер-офицеру только в марлевых повязках, и Галина, будучи бабой опасливой, свой любопытный нос к нему не совала.

На следующий день их навестил Жером. Он подъехал к дому на мотоцикле, распугав Галининых кур. Вошел в гостиную, небрежно кивнув хозяйке. Ничего от прежнего Жерома в нем не осталось – теперь это был надменный, уверенный в своем превосходстве над окружающими офицер СС.

– Где тут ваш больной? – спросил на ломаном русском.
– Там он, там, господин офицер, – забормотала перепуганная Галина.

Жером посмотрел на нее, как на заговорившую корову.

– Выйти из дома, – велел он. Брезгливо откинул занавеску, вошел в комнату, наклонился над кроватью Майера.

– Это вы, господин гаупштурмфюрер, – проговорил танкист. – Я ждал вас. Я хочу сообщить вам важную информацию. Механик Шульце – враг Рейха. Он русский диверсант. Он специально испортил бортовой редуктор, чтобы задержать прорыв к Сталинграду. Но я разоблачил его и сжег в печке живьем. Теперь фюрер будет спасен!

– Вы молодчина, унтер, – сказал Жером. – Ваш подвиг не останется без награды.

Он обернулся к угрюмо слушавшим их разговор бойцам «Синицы».

– Плохо дело, – негромко проговорил он по-русски. – Немцы обнаружили в степи сожженные тела и мотоциклы. Они, конечно, винят во всем партизан, но к нашему другу Гансу у гестапо тоже есть вопросы. Его ищут и, разумеется, рано или поздно найдут.

Шибанов провел пальцем по горлу и вопросительно поглядел на командира.

– Нет. В этом случае вопросов меньше не станет. А вот если отвезти Майера в госпиталь, то его безумие может сыграть нам на руку. Его попробуют допросить и поймут, что он сумасшедший. Это многое объясняет. Исчезновение экипажа танка. Гибель патруля. Эта его навязчивая идея о том, что надо уничтожать врагов Рейха и сжигать их тела – да гестаповцы ухватятся за нее обеими руками.

– Не похож он на убийцу, – возразил Шибанов. – Чтобы такой сопляк один положил весь патруль – я на месте гестаповцев в это ни за что не поверил бы.

– А они поверят. Потому что один сошедший с ума танкист лучше, чем партизанский отряд, безнаказанно уничтожающий патрули в запретной зоне. Короче говоря, его нужно как можно скорее доставить в госпиталь.

– Значит, с танком нам придется распрощаться? – спросил Теркин. – А жаль, хорошая была машинка.

– Понадобится – угоним, – успокоил его Жером. – Но сейчас вам предстоит прогуляться пешком.

– Куда это? – прищурился Шибанов.

– В лес.

Он сделал знак Теркину. Тот подошел к окну, выглянул.

– Все нормально, баба в огороде копается.

– Мне удалось кое-что узнать, – сказал Жером. – В окрестностях действительно есть партизаны. В леса немцы лезть боятся. В июле им, правда, удалось разгромить крупный отряд командира Петренко, но только потому, что партизаны попытались прорваться к ставке. С тех пор в округе более или менее тихо. В общем, бойцы, задача такая – проникнуть в леса севернее Винницы и наладить контакт с местными партизанскими формированиями.

– Это задача, – хмуро сказал Шибанов. – А цель какая, можно поинтересоваться?

– Можно. Цель – собрать всю возможную информацию об охране ставки и аэропорта. Возможно, у кого-то из партизан есть родственники, работающие в службе «Вервольфа». Если такие люди есть, они мне нужны со всеми потрохами. Ясно?

– Так точно. Значит, разделяемся?

– Временно. Мы с СС-хельферин остаемся в Виннице. Вы трое отправляетесь в лес. Времени у нас очень мало – думаю, дня через три-четыре мной начнет интересоваться местная служба безопасности. Так что постарайтесь все сделать быстро. Связь держим через бильярдную Вилли.

– А что с этим? – Гумилев кивнул на тихо бормочущего себе под нос Майера. – Вы сказали, его нужно в госпиталь?

– Да, я бы хотел, чтобы этим занялся Алекс. Легенда простая – вы встретили на улице немецкого офицера, который был явно не в себе. Решили, что ему нужна помощь и отвели в госпиталь. Кто это, вы не знаете. Он вас тоже не знает.

– А вот с этим могут быть проблемы, – сказал Шибанов. – Что если он начнет рассказывать о своих новых друзьях, которые помогли ему разоблачить предателей?

- Сделайте так, чтобы он нас забыл, – велел Жером.
- Память ему, что ли, стереть? Я никогда раньше не пробовал, может не получится.
- Ничего стирать не надо. Просто внушите ему, что он все это время действовал в одиночку.
- Как у вас все просто, – восхищенно присвистнул капитан. – Внушите то, внушите это... резвимся в чужих мозгах, как в песочнице... а вон оно к чему приводит.
- Да, – сказал Жером, – тут есть над чем поразмыслить. Если орел действует также, то генералы Гитлера должны быть не совсем адекватными людьми.
- Товарищ командир, – начала было Катя, но Жером посмотрел на нее так, что она осеклась.
- Господин гаупштурмфюрер, – поправил он. – Впрочем, вы, если хотите, можете называть меня Отто.
- Простите, Отто... а мне что делать?
- Продолжайте жить здесь – будет очень подозрительно, если вы все исчезнете спустя сутки. Галине объясните, что наши бойцы из РОНА скоро вернутся. Легенда ваша остается прежней – вы СС-хельферин литовского происхождения, Дайна Кайрите.
- «Ну при чем здесь легенда? – хотела крикнуть она. – Ты подумал о том, каково мне будет одной, в этом доме? Как мне будет страшно и одиноко? Ты вообще хоть о чем-нибудь подумал, кроме своих бесконечно меняющихся планов?»
- Но вслух она, конечно же, ничего не сказала.
- Сегодня я познакомлю тебя со своими новыми друзьями, – сказал на следующий день Отто. – Постарайся очаровать их. Я думаю, тебе это будет несложно.
- Мне это будет противно, – честно ответила Дайна.
- Я знаю, – кивнул он. – Но так нужно. Один из этих людей – главный шифровальщик в секретном отделе генштаба, который размещается в Вороновице.
- Это где?
- Неподалеку. Между Немировым и Винницей. Никто и понятия не имел, что здесь расположено такое паучье гнездо! Само по

себе это – невероятная удача. Но главное – в Вороновице время от времени бывает Гитлер.

– Он покидает ставку?

– Представь себе. Если нам удастся подобраться к нему там... или перехватить по пути... понимаешь, девочка?

– Хорошо, – сказала она, подумав. – Я сделаю все, чтобы им понравиться.

Друзей оказалось трое – очкастый эсэсовец Клейнмихель, старший прапорщик Хонер и тот самый шифровальщик по имени Рихард Кох. Кох был из них самым молодым и с некоторой натяжкой мог бы считаться симпатичным, остальные напоминали Дайне крыс. Тем не менее, она очень мило улыбалась всем, а когда Хонер, знакомясь, задержал ее пальцы у своих мокрых губ секунд на пять дольше, чем предписывал этикет, сделала вид, что ей это приятно.

– Вы счастливый человек, гаупштурмфюрер, – сказал Кох, разливая по рюмкам шнапс. – Работать с такой прекрасной ассистенткой – что может быть приятнее? И дело, и удовольствие!

– Можно подумать, в вашем отделе нет молодых украинок, – поддел его Отто.

Кох скорчил скорбную гримасу.

– Да местных к нам близко не подпускают! Повышенные требования безопасности, видите ли. А из фатерлянда присылают таких, прости Господи, гримз, что при взгляде на них сразу хочется уйти в монахи.

– Да это специально делается, чтобы такие бабники, как ты, не отвлекались и занимались делом! – захохотал Клейнмихель.

– Дайна, не обманитесь! Наш Кох только прикидывается тихоней – в действительности он отъявленный донжуан!

А ты сволочь, подумала Дайна. Топишь своего же товарища. Да и все вы сволочи.

Вслух она сказала:

– Мужчины все одинаковы. Или я ошибаюсь, и вы, штурмшарфюрер, идеальный семьянин?

Теперь уже засмеялись Кох и Хонер. Клейнмихель нервным движением снял очки и протер запотевшие стекла.

– Я не женат, фройляйн. Пока что.

Они сидели в бильярдной в подвале иезуитского коллегиума. Отто и Кох ожидали, пока освободится стол для русского бильярда – там сейчас играли высокий офицер с худым костистым лицом и пожилой седоусый маркер с фигурой профессионального борца. Офицер мазал и злился, его противник выглядел спокойным, как слон.

– У Петра трудно выиграть, – тоном знатока заметил Хонер. – А проигрывать ему небезопасно. Недели две назад бедняга Бользен проиграл ему сто марок...

– Какой Бользен? – перебил Кох. – Тот, которого партизаны убили?

– То ли партизаны, то ли сумасшедший танкист. В общем, тот самый. Но дело все в том, что проигрыш свой он отдавать не хотел. Стал орать на Петра, ударил его кием. Так Петр отнял у него кий, взял за шиворот – правда, как котенка! – и вынес наружу. Только там отпустил. Он же здоровый, как бык, несмотря на свои семьдесят лет. Бользен побежал жаловаться коменданту, но без толку.

– Почему это? – удивился Отто. – Неужели у вас тут унтерменшам позволяют поднимать руку на немецких солдат?

– Не всем, мой дорогой Нольде, – засмеялся Клейнмихель. – Далеко не всем. Поговаривают, что Петр оказывает кое-какие услуги службе безопасности. Вроде бы именно с его помощью весной раскрыли целую подпольную сеть во главе с комиссаром Бевзом. Но это, конечно, только слухи.

– В общем, если вам случится проиграть Петру, – перебил его Хонер, – лучше отдавайте проигрыш сразу и без споров.

– Я учту, – серьезно проговорил Отто. – Что ж, друзья, а не заказать ли нам еще шнапса?

– Плохо, – сказал он, провожая ее домой. – Очень плохо. Выходит, группа Бевза уничтожена еще весной. Я-то надеялся, что в городе действует подполье, но все контакты, которые у нас были, оказались обрубленными. Теперь понятно, почему.

– А как получилось, что в Москве об этом не знали?

Они говорили по-немецки. Отто требовал, чтобы они разговаривали по-немецки все время, независимо от того, есть кто-то рядом или нет.

– Вот так и получилось, – Отто досадливо прищелкнул пальцами. – Не осталось никого, кто мог бы сообщить в центр о разгроме подполья. Месяца два назад в район Винницы забросили офицера, который должен был наладить связь с партизанами, но он пропал без вести. Мы вынуждены действовать вслепую, Дайна.

– Но ведь ребята же обязательно что-нибудь узнают!

– Я тоже на это надеюсь, – ответил он коротко.

Он довел ее до калитки, притронулся сухими губами к ее щеке. Даже губы у него стали другими. Что же это такое, подумала она с горечью, неужели он так вжился в роль?

– Ты не останешься? – спросила она шепотом.

Отто покачал головой.

– Не сегодня.

Не понимаю, хотела сказать она. Кого теперь нам стесняться? Хозяйку?

– Как хочешь, – она старалась, чтобы голос ее прозвучал равнодушно.

– Мне нужно подумать, – сказал он, будто оправдываясь. – Все стало сложнее, чем я думал.

– Хорошо, – она клюнула его носом в щеку и поморщилась от запаха немецкого офицерского одеколona. – Ты наверняка что-нибудь придумаешь, я знаю.

Он шагнул в темноту и вдруг повернулся. Дайна по-прежнему стояла у калитки. Он подошел и взял ее лицо в ладони – как всегда это делал Жером.

– Ты ничего не понимаешь, – сказал он по-русски. – Совсем ничего. Глупышка моя.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Людвиг Йонс

Северный Кавказ, август 1942 года

На ночлег они остановились в маленьком домике, спрятавшемся в заросшей пихтами ложине. Озеро Туманлы-Кёль осталось в нескольких километрах позади – там разбила лагерь дивизия «Эдельвейс». Передовой дозор егерей поднялся выше в горы и рассредоточился по краям ложины. После неожиданной вылазки русских генерал Ланц настоял на том, чтобы посланцы фюрера передвигались только в сопровождении взвода разведчиков.

На пороге хижины их встретил высокий седой старик, непохожий на местного жителя. У него были длинные серебряные волосы, падавшие на костистые плечи, и выцветшие от старости голубые глаза.

– Рад видеть вас, господа, – сказал он по-немецки, протягивая Раттенхуберу широкую, как лопата, ладонь. – Людвиг Йонс, колонист из Гнаденбурга. Прошу, заходите в дом. Я угощу вас сытным ужином.

Йонс происходил из семьи немецких колонистов, переселившихся на Кавказ в семидесятых годах прошлого века. Его отец был швабом, мать родилась в Швейцарии. Родители Людвиг держали небольшую сыроварню, славившуюся на весь край и поставившую настоящий швейцарский сыр даже в дорогие рестораны Санкт-Петербурга.

– У нас было сорок две коровы, – вспоминал Йонс, накладывая в глубокие глиняные миски тушеную капусту с большими кусками мяса. Мясо, к сожалению, было все той же надоевшей Раттенхуберу бараниной, но в этой пародии на айсбан чудилось нечто трогательное. – Замечательные были, доложу вам, коровки! Породы

красная немецкая, до тридцати литров молочка давали! Ну и сыр из этого молочка получался!

Он со вздохом выставил на стол соленую горскую брынзу.

– А это же разве сыр? Так, одно название...

– Не переживайте, Людвиг, – сказала Мария фон Белов. – Очень скоро мы скинем русских в море и вы сможете вернуться в Гнаденбург.

– Он теперь называется «Виноградное», – с горечью проговорил старик. – И немцев там уже не осталось. В августе прошлого года всех арестовали и сослали в Сибирь.

Он налил гостям мутноватой, резко пахнущей араки.

– А ведь до войны мы были лучшими крестьянами в стране! Конечно, мы были вынуждены работать в советских колхозах, но наши колхозы постоянно перевыполняли план. Тогда немцев уважали! Сам Калинин говорил: не зря, мол, царица Екатерина пригласила немецких колонистов в Россию!

– Кто это – Калинин? – поинтересовался Раттенхубер.

– О, это очень большой человек в Советском Союзе! По-нашему говоря, президент. Правда, он говорил это, пока у Сталина с Гитлером был мир. Потом-то немцы сразу стали врагами, в том числе и те, кто никогда в жизни не брал в руки оружия...

– Как же вам удалось избежать Сибири? – спросила Мария. Йонс кривовато усмехнулся.

– Я вовремя понял, чем может обернуться эта война для немецких колонистов. Старуха моя померла еще три года назад, а детей у нас не было. Так что никто и не заметил, как я ушел в горы, а если кто и заметил, то промолчал.

Старик отломил сильными пальцами кусок лаваша, намазал на него брынзу.

– В горах у меня были знакомые пастухи-черкесы. Они-то и посоветовали поселиться в этом урочище. Здесь стояла покинутая людьми хижина, я подновил ее, перестелил крышу. У меня есть свой огородик, в реке полно форели.

– А русские вас не беспокоили?

– Русские? Да я их и не видел с тех пор, как ушел из Гнаденбурга. Хотя, нет, что же я вру! Месяца два назад сюда спускались с пе-

ревала солдаты. Но они не причинили мне никакого вреда, даже помогли поставить забор со стороны леса – а то кабаны повадились вытаптывать мои посевы...

Мария фон Белов отодвинула тарелку.

– С перевала, говорите? И много их там, на перевале?

Людвиг пожал плечами.

– Я не спрашивал. Но мне почему-то кажется, что не очень. Один, помню, сказал – «нам на Эльбрусе не воевать».

– А что им было нужно от вас?

– От меня – ничего. Они сбились с пути, ведь дорога к озеру проходит в двух километрах к востоку. Да, я забыл сказать – они тянули какой-то провод.

– Связисты? – нахмурилась фон Белов.

– Да вроде бы нет, – Людвиг заморгал. – Впрочем, я ведь крестьянин, не разбираюсь в армейских знаках различия.

– И где этот провод проложен?

– Завтра утром я покажу вам, – с готовностью сказал Йонс. – Они просили меня присматривать за проводом, чтобы его не повредили дикие звери.

Раттенхубер подозрительно сощурился.

– С чего это они доверили такую важную вещь вам, немцу?

– Ну, они же не знали, кто я. Документы у меня на имя Леонтия Юдина, это вполне русское имя. Здесь, в горах, немало охотников или пастухов, которые живут отшельниками. У них не было причин мне не верить.

Мария фон Белов поднялась из-за стола, одернув куртку.

– Что ж, это удачно. Благодарю за ужин, камрад Йонс.

– У меня есть еще вкусный пирог с ягодами! – запротестовал старик, пытаясь усадить гостью обратно. – Вы обязательно должны его отведать!

– Мы сделаем это позже, – улыбнулась фон Белов. – А сейчас я хотела бы взглянуть на провод.

– Но ведь уже темно! Я отведу вас туда, как только рассветет!

– Нет, Людвиг, – в голосе Марии послышался металл. – Мы пойдем туда сейчас же. Немедленно. Иоганн, возьмите фонарь.

Раттенхубер, которому не слишком хотелось лазить по ночному лесу, особенно после плотного ужина, со вздохом повиновался. Под причитания старика они вышли из дома и двинулись в лес по еле заметной в сумерках вилявшей по склону тропинке.

– Господин оберфюрер, позвольте узнать, куда вы направляетесь? – окликнул Раттенхубера один из дозорных. Разведчики устроились на ночлег прямо на земле, расстелив на мху брезентовые плащ-палатки.

– Не волнуйтесь, лейтенант, мы недалеко, – буркнул Иоганн. – Немного побродим по окрестностям и вернемся.

– Я пошлю с вами фельдфебеля, – офицер повернулся, чтобы отдать приказ, но Мария опередила его.

– Не нужно, лейтенант. Под мою ответственность.

«Излишне самоуверенна, – подумал Раттенхубер. – Сегодня эта самоуверенность едва не стоила мне головы».

Тропинка нырнула в заросли ореха-лещины. Огромные кусты тянули к вечернему небу свои искривленные руки, сплетаясь над головой и образуя подобие свода. Ноги путались в густых зарослях папоротника, на лицо налипала мерзкая паутина.

– В такой темноте и заблудиться недолго, – ворчал шедший впереди Йонс. Старик захватил с собой керосиновую лампу, и его жутковатая, вытянувшаяся тень рыскала теперь по темным кустам, прыгая то вверх, то вниз. Рядом с Йонсом бежала молчаливая белая собака, которую Людвиг звал странным именем Казбек. Ростом Казбек был, пожалуй, с волка, да и клыки у него были такие, что Раттенхубер рядом с ним чувствовал себя неуютно. Но Йонс заверил своих гостей, что Казбек его беспрекословно слушается и не позволит себе даже зарычать на них без приказа хозяина.

Раттенхубер светил фонарем по сторонам, но там не было ровным счетом ничего интересного – сплошная темно-зеленая стена. Неподалеку журчал невидимый ручей.

– Где-то здесь, – сказал, наконец, Йонс. Он стоял под могучим деревом с потрескавшейся корой и светил лампой у его корней. – Этот дуб самый старый в округе, потому-то я так хорошо и запомнил место...

Лампа прыгала у него в руке. В ее неверном свете выпирающие из земли толстые корни были похожи на извивающихся змей. Вдруг старик выхватил из травы еще одну змею, только совсем тонкую и длинную.

– Вот он, госпожа фон Белов, провод, за которым мне велели присматривать.

Мария подошла поближе и взяла «змею» у него из рук.

– Так-так, – проговорила она задумчиво, – я предполагала нечто подобное. Посмотрите, Иоганн.

Раттенхубер подошел и посветил фонарем. Провод был не таким уж тонким, как показался вначале – толщиной в два пальца, в грубой резиновой обмотке.

– Это не телефонный провод, – сказал он уверенно.

– Совершенно верно, это силовой кабель – Мария повернулась к Людвигу. – А куда русские пошли потом?

– Туда, – Йонс махнул рукой вниз по склону горы. – Я показал им короткую дорогу к озеру.

– Мы сможем пройти по этой дороге сейчас?

– Что вы, что вы! – замахал руками старик. – Через этот лес и днем-то ходить непросто, а ночью уж точно можно переломать себе все кости!

Фон Белов немного поразмыслила.

– Ладно, подождем до утра. Но завтра отправимся туда с первыми лучами солнца. А теперь возвращаемся.

Наутро Мария встала на два часа раньше обычного, но утреннюю гимнастику сделала, как всегда, в полном объеме – правда, обливание водой было заменено на купание в горном ручье. Раттенхубер сидел на скамеечке перед домом, курил и смотрел на медленно уползающий в низины туман. Фон Белов, скрытая зарослями дикой ежевики, мурлыкала какую-то песенку.

– Иоганн, вы не поможете мне? – крикнула она, прервав пение. – Я забыла в доме полотенце!

– Одну минуту, – Иоганн затушил папиросу и спрятал ее в банку из-под консервов, которую аккуратный Йонс поставил рядом со скамейкой. – Оно где-то в ваших вещах?

– Лежит прямо на кровати!

Раттенхубер вошел в дом. Топчан, который хозяин уступил фон Белов, был чересчур узким и твердым, чтобы его можно было называть кроватью. Сам Раттенхубер спал на полу, а Йонс ушел ночевать в хлев.

На топчане, кроме полотенца, лежало зеркальце, ридикюль с косметическими принадлежностями и кружевная деталь женского туалета, при взгляде на которую Раттенхубер невольно покраснел.

Все-таки женщина на войне – это абсурд, подумал он. Даже если она боксирует, как Макс Шмелинг, стреляет, как ковбой, и лихо водит мотоцикл. Все равно женское начало глубоко чуждо суровому миру войны. Все эти помады, пудреницы, кружавчики...

Он обратил внимание на книгу, лежавшую на подушке обложкой вверх. «Темная сторона древнегреческого космоса. Мир Гекаты», сочинение Рихарда Вальтера Даре. С чего бы это фон Белов заинтересовалась греками, спросил себя Раттенхубер. Мы же не на Крите, а на Кавказе. Впрочем, мало ли что может прийти в голову женщине!

– Вот ваше полотенце! – громко сказал он, подходя к кустам. Ежевика зашевелилась – Мария попробовала просунуть сквозь ветки руку, но тут же отдернула ее, оцарапавшись о колючки.

– Иоганн, вас не затруднит принести его мне прямо сюда?

Раттенхубер хмыкнул. Он не страдал излишней застенчивостью, но просьба фон Белов его несколько удивила.

– Хорошо, штандартенфюрер, – он обошел кусты и, топая сапогами прямо по воде, приблизился к тому месту, где принимала утреннюю ванну Мария фон Белов.

Она стояла по колено в ледяном ручье, повернувшись к Раттенхуберу боком. Обнаженная, в хрустальных каплях воды, сверкавших в лучах утреннего солнца.

– Я смущаю вас, Иоганн? – засмеялась Мария.

– Нисколько, – ответил Раттенхубер, стараясь не смотреть на ее гладкое, вызывающе соблазнительное тело. – Вот ваше полотенце, возьмите.

Фон Белов вполоборота повернулась к нему. Оберфюрер увидел небольшую крепкую грудь, плоский живот и треугольник светлых волос под ним. Рука, грациозно протянутая к нему, казалась

по-девичьи тонкой, но под шелковой кожей были заметны тренированные мускулы.

– Нагота – естественное состояние человека. Все дело в климате. Арийцы, создавшие эллинскую цивилизацию, могли позволить себе ходить обнаженными, а наши предки, германцы, к сожалению, нет. Отсюда и ложный стыд.

Раттенхубер не нашелся, что ответить. Он повернулся и вышел на берег прямо через заросли ежевики, не обращая внимания на царапающие лицо колючки.

«Чертова баба, – думал он про себя. – Еще и издевается! Прекрасно же знает, что мужчина на войне вечно голоден!»

Оберфюрер не считал себя аскетом, но определенных принципов все-таки придерживался. После смерти своей первой жены он несколько лет жил холостяком, но потом неожиданно для самого себя сделал предложение воспитаннице своих мюнхенских родственников Гундель. Как выяснилось позже, Гундель, совсем юная девушка, готовившаяся к карьере пианистки, уже давно была влюблена в статного белокурого офицера СС, охранявшего самого фюрера. Брак оказался счастливым, но детей у них долго не было – лишь недавно Гундель родила Раттенхуберу дочь.

Раттенхубер любил жену и старался хранить ей верность – конечно, порой он, как и многие другие, посещал офицерские бордели, но изменой это не считал. Мужчине нужна разрядка, особенно на войне. Главное – не приносить в дом заразу, но для этого офицерам СС выдавали специальные антибиотики. Уколот себя в бедро за час до посещения пуфа⁷ – и несколько дней никакая хворь гарантированно к тебе не пристанет.

Фон Белов – совсем другое дело. Красивая стерва, умеет себя держать, и видно, что любит командовать. Единственный раз, когда она безоговорочно подчинилась Раттенхуберу – в ту памятную ночь в доме Гитлера в ставке Wehrwolf, когда Иоганн, выполняя приказ фюрера, взял в руки серебряного орла. Но тогда ее воля была сломлена силой загадочного предмета. Кроме того, Раттенхуберу казалось, что Мария не забыла своего поражения и не оставляет мысли взять реванш.

⁷ Публичный дом (нем. жарг.)

«А теперь еще играть со мной вздумала, – думал он с раздражением. – Наверняка этот трюк с полотенцем подстроен специально!»

Он разозлился еще больше, когда поднял глаза и увидел сидевшего в секрете в ветвях огромной сосны разведчика. Егерь, не отрываясь, смотрел в бинокль не туда, куда предписывал ему воинский долг, а на заросли, за которыми купалась адъютант фюрера. Конечно же, он видел и дурацкую сцену с полотенцем.

– Солдат! – рявкнул Раттенхубер. – Чем вы занимаетесь на посту?

Разведчик вздрогнул и едва не свалился с дерева.

– Виноват, господин оберфюрер, – он тут же перевел бинокль на вершины Большого хребта. – Больше не повторится!

– Уж об этом я позабочусь! – лязгающим голосом пообещал Иоганн. Нашел командира егерей и устроил ему образцовую выволочку за разгильдяйство дозорных. Лейтенант, надо отдать ему должное, все же нашел в себе смелость спросить, в чем именно это разгильдяйство заключалось.

– Вместо того, чтобы отслеживать обстановку вокруг лагеря, ваш солдат наблюдал за... – тут Раттенхубер замаялся, – за частной жизнью офицеров!

– Это недопустимо, – согласился лейтенант. – Я немедленно накажу разгильдяя.

После этого Раттенхуберу стало немного легче. Он даже сумел выдержать обращенный на него лукавый взгляд Марии фон Белов, успевшей переодеться в полевую форму СС.

До старого дуба добрались быстро – все-таки по утреннему лесу идти было куда легче, хотя приятной эту прогулку Раттенхубер бы не назвал. Он изрядно вымок – ночью прошел дождь, и с мокрых веток за шиворот падали крупные холодные капли. Высокая трава отяжелела от росы, и вскоре сапоги оберфюрера заблестели, будто их полночи натирал усердный денщик.

– Пойдем вдоль кабеля, – распорядилась Мария фон Белов. – Первым идите вы, Людвиг. Затем я, потом Иоганн.

Йонс свистнул своего пса и, опираясь на вырезанную из белого дерева палку, принялся спускаться по скользкому склону. Несмо-

тря на годы, он двигался уверенно и ловко, как настоящий горный пастух. Мария фон Белов не отставала, легко перебираясь через поваленные деревья и грациозно перепрыгивая залитые дождем рытвины. Что же касается самого Раттенхубера, то он с трудом удерживал равновесие. Влажная глина чавкала под подошвами сапог, петли папоротника норовили оплести ноги, мокрые ветви хлестали по лицу. Через несколько минут спуск стал таким крутым, что ему пришлось хвататься руками за кусты. Черная змея кабеля, извиваясь, уходила все дальше и дальше.

– А что, если русские протянули его в долину реки? – спросил Раттенхубер. – Не станем же мы возвращаться на тридцать километров на север.

– Разумеется, нет, – фон Белов на мгновение обернулась к нему, мелькнули белые, как сахар, зубы. – Я думаю, этот кабель тянется недалеко, во всяком случае, не дальше озера.

– Осторожней! – крикнул ушедший вперед Людвиг. – Здесь обрыв!

Шагах в пятидесяти ниже того места, где стояли Раттенхубер и Мария, в склон горы будто вгрызлись огромные челюсти. Мешанина песка и камней, из которой торчали искривленные корни сосен, уходила вниз на добрые двести метров. Вдалеке виднелось озеро Туманлы-Кёль, похожее на тарелку из ярко-синего стекла.

Скрытый кустами кабель змеился по краю обрыва, ныряя в едва различимую сверху расщелину. Если бы Людвиг Йонс не поднял кабель из травы, Раттенхубер вряд ли заметил бы этот узкий провал, похожий на искривленный в недоброй усмешке рот.

– Нам туда, – сказала фон Белов, доставая из сумки свое альпинистское снаряжение. – На этот раз, Иоганн, я бы попросила вас последовать за мной. Там может оказаться небезопасно.

– Зачем вам вообще понадобилось туда лезть? – недовольно спросил Раттенхубер. – Можно приказать егерям, они живо распотрошат эту дыру.

– Мне нужно проверить кое-какие догадки, – туманно ответила фон Белов. – Людвиг, пожалуйста, оставайтесь здесь. Мы с обер-фюрером скоро вернемся.

Она обвязала канат вокруг вывороченного из земли корневища упавшей сосны, нацепила на свои высокие армейские ботинки стальные «кошки» и без малейших колебаний спрыгнула вниз с края обрыва. Держась за канат, Мария быстро достигла расщелины и помахала Раттенхуберу рукой.

– Все в порядке, Иоганн, спускайтесь!

Раттенхубер без особого энтузиазма последовал ее примеру. Расщелина, замаскированная от посторонних глаз густым кустарником, росшим прямо на камнях, оказалась входом в узкую, как лисья нора, пещеру. Мария протиснулась внутрь и посветила фонарем в темный угол пещеры, куда уходил силовой кабель.

– Смотрите под ноги, Иоганн, – крикнула она Раттенхуберу. – Здесь могут быть растяжки.

– Что вы хотите здесь найти?

– Уже нашла, – в голосе фон Белов не было слышно особенной радости. – Идите сюда, только осторожно!

Раттенхубер, наклонив голову, чтобы не стукнуться о нависавший гранитный свод, пролез внутрь. Кабель, собранный в моток, лежал на каменном полу пещеры.

– Они не рассчитали длину, – объяснила Мария. – Видите, куда он уходит?

Отрезок кабеля скрывался под завалом из земли и камней, громоzdившимся в дальнем углу. Кое-где острые каменные обломки перебили резиновую обмотку, и в свете фонаря тускло отблескивал металл.

– Мы опоздали, Иоганн, – фон Белов подошла к завалу и попыталась вытащить один из обломков. – Сработано на совесть. Я думаю, у них было несколько зарядов с электрическими взрывателями, расположенных на расстоянии двадцати-тридцати метров друг от друга. Вот для чего понадобился кабель. Они завалили не только вход, но и всю галерею.

Раттенхубер наклонился и поднял с пола металлическую пуговицу с пятиконечной звездой.

– Дайте взглянуть, – Мария направила луч фонаря на его находку. – От офицерской шинели. Вероятно, войска НКВД. У них отличные саперы.

– Вы знали о существовании этой пещеры? – спросил Раттенхубер.

Фон Белов пожала плечами.

– Догадывалась – так будет вернее. Здесь должен был быть вход в туннель, проходящий под Большим хребтом. Другой вопрос – знали ли русские о том, что это за туннель.

– А вы, конечно, знаете? – насмешливо спросил Раттенхубер.

– Если бы русские не взорвали свои заряды, – сказала Мария, не обратив внимание на его скептический тон, – то, пройдя по галерее, мы наткнулись бы на большие медные ворота. Скорее всего, русские не сумели их открыть, но не стали рисковать и решили уничтожить ведущий к ним ход. Что ж, разумно. Я на их месте поступила бы также.

Она с досадой пнула ногой моток кабеля.

– Делать нечего, придется возвращаться. К счастью, это не единственный путь, проложенный нартами.

– Кем-кем? – переспросил Раттенхубер.

– Неважно. У меня нет сейчас настроения объяснять. Пойдемте, а то наш бедный Людвиг решит, что мы заблудились в этом подземелье.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Партизаны

Где-то под Винницей, август 1942 года

А леса, ребята, на Украине совсем не такие, как у нас. Одно название – лес. Деревья стоят друг от друга далеко, как столбы, все просвечивает, словно в старом щелястом сарае. Ни сосен, ни елок, ни кустарника подходящего – ховаться негде. Но красиво, да. Солнечно. Как будто в картину Шишкина попал. Вот только очень беспокойно. По нашему русскому лесу крадешься тихонько, никто тебя не видит, не слышит. А немец прет как слон – шумит, ломает ветки, матерится по-своему. В общем, в нашем лесу чувствуешь себя дома, а тут – как в гостях. Причем в таких гостях, где тебе не особенно рады.

Несколько раз видели патрули. Они, правда, все больше по дорогам разъезжали. В основном мотоциклисты, вроде тех, которых мы в степи положили, но иногда и бронемашины попадались. Дороги немцы контролировали плотно, так что прав был Жора, когда решил на танке сюда не соваться. Конечно, бронемашина против танка не играет, но стоило радисту передать, что к ставке рвется захваченный противником панцерваген, и нас бы остановили через пять минут.

А в лес патрули почти не совались. Однажды только прошла мимо нас группа фрицев в пятнистой форме с овчарками на поводках. Человек десять их было. Мы лежим тихонько в траве, оружие, понятно, наготове, но все равно не по себе как-то. Трва это тебе не кусты, если взглянуть повнимательнее, то нас видно. А главное – собаки. Здоровые, злые, с поводков рвутся. Эти за полкилометра учуют! Хорошо, ветер в нашу сторону дул, иначе овчарки подняли бы лай. А так обошлось, прошли эти пятнистые в двадцати метрах, никто даже головы не повернул. Мы еще минут десять для верности полежали и только потом выдохнули.

– Ребята, – Левка говорит, – а я ведь по ним чуть-чуть очередь не дал! В последний момент сдержался.

Я ждал, что капитан сейчас его дрючить начнет по своему обыкновению, но он только сплюнул.

– Да у меня самого палец на крючке дрожал. Твари поганые.

За пару часов до этого мы деревню сожженную прошли. Одни черные срубы торчат да трупы на деревьях. Пятнадцать повешенных там было. Мужиков взрослых – трое, остальные дети да бабы. И у каждого на груди дощечка – «они помогали партизанам».

– Ладно, – говорю, – пошли дальше. Нам этих самых партизан искать надо.

Первую ночь спали в лесу. Деревня Бондари, судя по карте, была недалеко, но в темноте мы туда идти не рискнули. Решили, что на рассвете подойдем аккуратно, посмотрим, послушаем.

Капитан растолкал всех в четыре утра. Лес сырой еще, с деревьев клочья тумана свисают, как паутина. У меня нога затекла – не иду, а прыгаю на одной ножке. Ничего вокруг не видно, ну и нас зато тоже вряд ли кто приметит. Идем к этим Бондарям. Лес кончается, дальше – поле. Туман кое-где лежит, но немного его.

– Ползем, бойцы, – говорит Шибанов. – Вон туда, к балке.

Добрались до оврага. Тут уже можно было встать в полный рост. Деревня близко – но ничего не слышно. Не бывает так. Обычно хоть петухи кричат.

Смотрит на меня капитан.

– Вася, – говорит, – сходи, посмотри, что там да как.

Ладно, пошел. Осторожно так, от дома к дому перебегаю, глаз на затылке отрастил. И слушаю все время, может, хоть чего-то услышу.

Тишина в Бондарях. Дома пустые, жителей нет. В одну хату зашел – двери открыты – столы да стулья стоят, а вещи все куда-то делись. Ни посуды, ни одежды. Но не грабили, видно. Никакого разгрома, все чисто-аккуратно. Значит, сами хозяева унесли.

Обошел полдеревни. Пусто везде. На избе, где школа раньше была, висят какие-то листы с фамилиями – желтые уже, расплывшиеся от дождей. Видно, сборный пункт у них тут был.

А в сельсовете – туда я тоже заглянул – немцы когда-то сидели. Газеты немецкие по углам валяются, банки из-под консервов, на

столе даже каска чья-то со свастикой. Но опять же – никого. Я банку одну взял, посмотрел – она изнутри вся плесенью заросла. Давно отсюда немцы ушли.

Ну, походил я еще, убедился, что ни одной живой души в Бондарях не осталось, и позвал наших – три раза сойкой прокричал.

– Село выселили, – говорю. – Можно здесь оставаться.

– И ждать, пока сюда партизаны придут? – усмехается капитан.

– А если им здесь ничего не нужно? Так и будем тут сидеть до морковкина заговенья?

– Надо искать нормальную деревню, – Лев говорит. – Где люди живут. Что там у нас на карте?

– Коло-Михайливка, – отвечает капитан. – Но она еще ближе к ставке. Если уж отсюда всех выгнали, то в той Коло-Михайливке, верно, одни только немцы и живут.

– А если подальше на восток?

– А подальше к северо-востоку есть маленькое село Деруны. Километров восемь отсюда. Туда и надо идти.

Перекусили мы наскоро и отправились искать эти Деруны.

Оказалось это даже не село, а хутор – три дома на краю леса. Из труб дымок поднимается, во дворе собаки брешут – видно, живут люди.

Мы, конечно, сначала все вокруг осмотрели – ну, там, тропки, подходы, нет ли следов мотоциклетных шин на дороге – и только когда убедились, что все в Дерунах спокойно, постучались в ворота.

Собака кудлатая со всей своей дури лаем заливается, цепью гремит – аж Гитлеру в ставке, наверное, слышно. А хозяевам хоть бы что.

Потом все же выходит во двор баба. Лет под сорок, а может, чуть больше, но ничего такая, в моем вкусе. Есть за что подержаться. Ну, хохлушки – они вообще аппетитные. Идет к нам, не очень чтобы торопится.

– Здравствуй, хозяйка, – говорю. Я в таких случаях всегда стараюсь инициативой завладеть. – Нет ли у тебя, хозяйка, воды напиться, а то так жрать хочется, что и переночевать негде.

– А вы кто такие? – спрашивает баба. И голос у нее такой, как мне нравится – грудной, глубокий.

– Мы, – отвечаю, – бойцы вспомогательного подразделения Ваффен-СС Русская Освободительная Национальная армия. Меня, например, Василием звать.

Долго мы думали, как местным жителям представляться – и решились, что останемся гадами и предателями. Если немцев здесь уважают, значит, и нас примут, как родных. А если все-таки наткнемся на нормальных советских людей, так переубедить их мы сумеем. Жора, молодец, об этом позаботился.

– А чего тут делаете? – продолжает допрос баба. И не поймешь по ней, рада она видеть у своих ворот немецких прихвостней или готова нас на вилы поднять.

– Задание выполняем, – отвечает капитан. Веско так говорит, со значением. Так, чтобы задавать вопросы у бабы желания больше не возникало.

И кладет руку на ворота. Обозначает, стало быть, намерения.

– Ну, заходите, – говорит она так, словно мы у нее последний кусок изо рта вынимаем. – Только у меня снестать нечего. У самой семеро по лавкам.

Ну семеро – не семеро, а трое ребятишек в доме было. Один совсем мелкий, лет четырех, и двое постарше, годов восьми и двенадцати. Белобрысые все, глазастые. Сидят, смотрят на нас, боятся.

– А где мужик твой, хозяйка? – спрашивает капитан.

– Немцы забрали, – ровно отвечает баба. И ничего больше не говорит.

– Давно?

– Да в июне было.

И снова молчит. Понимай, как хочешь. Но капитан не отстает, упертый он.

– На работы, что ли?

– Может, и на работы. Только одна я осталась, а малых вон кормить чем-то надо.

Улыбается капитан.

– Ты не бойся, хозяйка, мы тебя не объедем. Ты нас чаем напои, и ладно. Посидим и дальше пойдем.

Лицо у бабы вроде попроще становится. Она ж небось думала, что мы у нее и вправду заночуем. Да что там, я и сам так думал! Правда, солнце еще высоко стоит, до ночи пол-леса можно облазить, партизан разыскивая.

– Раз так, – говорит, – за стол садитесь, бойцы. Петька, Лешка – ну-ка, быстро сбегали к тетке Матрене за сахаром!

Пацаны сразу в дверь. Самый маленький за ними было сунулся, но баба его тут же поймала и на место усадила.

– А ты сиди, нечего тебе бегать!

Поставила самовар. Я к ней как бы случайно приблизился, чтобы помочь.

– А можно, – говорю, – поинтересоваться, как вас зовут?

Посмотрела она на меня без особого тепла во взоре, как Левка бы выразился.

– Оксана. А для вас – Оксана Дмитриевна.

Ну, я ей, конечно, улыбаюсь, но вижу, что на внимание мое она вовсе не реагирует. Только хотел завернуть ей какой-нибудь комплиментик, как капитан спрашивает:

– А кто в соседях у тебя, Оксана Дмитриевна?

– Тетка Матрена да дед Степан, – отвечает. – У нас хутор маленький, мужиков не осталось, одни дети, бабы да старики.

– А что же с мужиками случилось? – щурится капитан. – Всех немцы забрали?

Пожимает Оксана плечами – а плечи у нее хорошие, сдобные.

– Кого забрали, кто в лес ушел.

– Значит, в партизаны?

Молчит. Неразговорчивая у нас Оксана Дмитриевна.

В это время прибегает средний пацаненок с кулечком сахара. Протягивает ей и скороговоркой тараторит:

– Тетка Матрена просила соли вечером занести!

Хозяйка его по головенке потрепала и говорит:

– Ладно, иди во дворе с Петькой поиграй, только смотри, не баловаться!

Налила нам чаю, сахар в блюдечко высыпала.

– Ну, и что ж у вас за задание такое, бойцы?

– Секретное, – отвечает капитан. – Не хочешь помочь нам, Оксана Дмитриевна? Денег заплатим.

– На что мне деньги? Все равно на них куплять нечего.

– Про партизан-то нам расскажи, – говорит Шибанов.

– А я про них знаю? Ходят где-то по лесам, сюда не заглядывают.

– А что про них говорят? Сколько их, кто командиры?

Вижу, хозяйка наша злиться начинает.

– Что я вам, гестапо, что ли? Пойди да у них и спроси, если такой любопытный!

– Ну, не хочешь помогать законной власти, как хочешь, – сурово говорит капитан. – Мое дело предложить.

После этого разговор у нас сам собой прекращается. Допиваем мы чай, благодарим хозяйку и собираемся уходить.

И вдруг Лева, который все это время сидел, рта не раскрывая, спрашивает:

– Простите, хозяйюшка, а где тут у вас, извиняюсь, сортир?

– Удобства во дворе, – отвечает Оксана Дмитриевна.

– Я на минуточку буквально, – извиняется Лева и выходит из дому. Ну, мы его ждем. Хозяйка как-то нервно на нас поглядывает. Минут через пять Лева возвращается как ни в чем ни бывало – веселый, глаза блестят. Спасибо, говорит, хозяйка, за доброту, за ласку.

Потом, когда уже в лес вошли, он нам говорит:

– А Петьки, старшего, во дворе не было.

Мы с капитаном на него смотрим вопросительно. А он только усмехается.

– Она пацанов за сахаром вдвоем посылала, вернулся только один. И во дворе он один играл – я весь участок осмотрел. К партизанам Петька ушел, про нас предупредить.

– Ага, – хмыкает капитан, – это нам очень даже кстати. Никого искать не надо, они нас сами найдут.

– И убьют, – говорит Лева. – Такие маленькие группы, как наша, для них вроде подарка к празднику.

Я даже остановился. А ведь прав наш Левка, думаю. Вот сейчас как из подлеска полоснут очередью – пишите потом письма мелким почерком.

– Ну, нет, – Шибанов головой мотает, – прямо сейчас – это вряд ли. Во-первых, пацан еще до них не добрался. Во-вторых, слишком близко к хутору. Тут они нас валить не станут, чтобы подозрений лишних не возбуждать. Подождут, пока мы поглубже в лес заберемся, там и кончат.

– Что-то неохота мне дальше идти, – говорю. – Может, на хутор вернемся?

– Вернемся, – раздумчиво говорит капитан. – Только очень и очень тихо. Вы слевой спрячетесь в кустах, а я на дерево залезу. И будем ждать развития событий.

Развернулись мы и крадучись двинулись обратно к хутору.

Долго тянулся тот день. Залегли мы с Левкой в ложбинке метрах в пятидесяти за огородом тетки Оксаны – мы ее еще с утра приметили, когда вокруг хутора бродили. Видно все как на ладони – и дом ее, и двор, и дорожку, которая по задам хутора к покосившейся баньке идет. Ну, правда, ничего интересного – во дворе белобрый Лешка играет, на крыше бани кошка сидит, умывается. Сама Оксана из дома не выходит. У соседей ее тоже полное спокойствие. А нас тем временем комары поедом едят.

Капитан сидит в развилке дерева с другой стороны огорода. В руках у него автомат. Это на случай, если пацан не к партизанам вовсе побежал, а к полициям. Вряд ли, конечно, учитывая, как Оксана тут на нас крысилась, но осторожность еще никому не мешала.

Пролежали мы так час, и тут со стороны леса слышим – бежит кто-то. Шаги быстрые, легкие. Петька возвращается. Ну, думаю, не близко у них тут партизаны-то.

Проскочил пацан мимо нас, и в дом. Проходит еще минут десять – хозяйка появляется. Повертела головой – и к баньке шаст!

Левка меня локтем толкает – смотри, мол, смотри! Она там кого-то прячет, точно тебе говорю!

Но нет. Ошибся на этот раз Николаич. Вышла хозяйка из бани – под мышкой у нее бутылка литров на пять, в руках корзинка со снедью всякой. С какой – без бинокля не видать, но чувствуется, что тяжелая.

– Ага, – говорю, – значит, для бойцов Русской Освободительной армии у нее жратвы нет. А для кого-то – прямо скатерть-самобранка.

– Хорошая женщина, – улыбается Левка. – Правильная.

– Гости у нее будут, – шепчу я ему. – Вот тогда и посмотрим – правильная или нет.

Лежим, ждем. Комары жрут, сволочи.

Часа через три начало темнеть. Капитана в ветвях уже не видно совсем. На крыльцо соседнего дома вышел старик, постоял

постоял, перекрестился размашисто и вернулся в дом. Где-то собака брешет. Вот и вся жизнь на хуторе.

Потом в горнице у Оксаны свет зажегся. На окне занавесочка желтенькая, уютно так. И почти сразу же слышу – на тропинке тихие шаги.

Николаич тоже услышал, напрягся весь. А слышал ли капитан – не знаю.

Партизан было шестеро. Один идет впереди, водит автоматом из стороны в сторону. Правильно, конечно, но толку от этой предусмотрительности немного. Если бы на нашем месте оказались немцы или полицаи, то с трех стволов положили бы всех шестерых. Но у немцев вряд ли терпения бы хватило в этих комариных кустах столько времени лежать.

Партизан я рассмотреть успел – четверо взрослых мужиков, парень лет двадцати пяти и один совсем молодой хлопчик, возраста нашей Катьки, наверное. Все с автоматами, мужики в военной форме, парни в штатском.

Идут они по Оксаниному огороду уверенно, будто не раз здесь уже бывали. Четверо заходят в дом, двое у крыльца остаются. Собака, та, что днем на нас излаялась вся, что характерно, ни звука не издает.

Как капитан с дерева своего слез – я не услышал. Увидел его, уже когда он в ложбинку нашу ужом вполз.

– Ну что, – одними губами шепчет, – все вроде тихо. Хвоста за ними нет. Идем знакомиться?

– А стрелять не начнут? – Николаич интересуется. – А то ведь могут с перепугу-то.

– Волков бояться – в лес не ходить, – улыбается капитан. – Вы обходите дом с тыла и берете на себя часовых – только ласково, ясно? А я пойду со старшими погутаю.

Сказано – сделано. Поползли мы с Николаичем к дому. Я на огороде в дерьмо какое-то вляпался, но это, говорят, к деньгам. Караулить партизаны, конечно, молодых оставили – за тем и взяли с собой, наверное. Ну, оно и проще. Я Левке показываю на того, что помоложе, а сам примериваюсь ко второму. Мой – здоровый такой парняга, плечи широкие, руки – как у меня ноги. Шея – прямо бычья. Я ему как

раз по шее, как Жора нас учил – тресь! Его, бедолагу, аж перекособочило – там, между ключицей и шеей, нервный узел. Я его едва под мышки успел подхватить, иначе он грохнулся бы, как дуб, и всех бы переполошил. Смотрю, Николаич своего пацаненка уже ремнем вяжет – тот и пикнуть не успел. Даже жалко, что науку, которую нам в «Синице» преподавали, мы против своих же и используем.

Только мы часовых уложили, как из темноты выходит наш капитан, показывает нам большой палец и спокойно так поднимается на крыльцо. И заходит в дом, даже не постучав.

Ну, думаю, сейчас начнется. Жду стрельбы, криков, грохота опрокинутой мебели. Все ж таки партизан там четверо – а Сашка-то наш один.

Но в доме тихо. Голоса какие-то бубнят, но на ссору явно не похоже. Проходит минут десять, дверь отворяется и выходит на крыльцо разлюбезная моя Оксаночка.

– Заходите в дом, товарищи, – приглашает. – И парней наших с собой берите.

Тут-то я и пожалел, что своему врезал. Потому что пришлось мне поднимать его, бесчувственного, и тащить на себе в дом – а было в нем пудов семь, не меньше.

Смотрю – стол накрыт что надо. И картошечка отварная, и огурцы соленые, и капуста квашеная, и яйца вареные, и сала шматок с прожилочками мясными – в общем, полный разносол. Ну, и бутылка, конечно, зря что ли ее хозяйка из баньки тащила? И народ, что за столом сидит, серьезно так закусывает. А капитан наш, Шибанов, сидит на почетном месте и сияет, как новенький пятак.

– Знакомьтесь, – говорит, – товарищи партизаны, это мои друзья и братья Василий и Лев. Вы не сердчайте, что они ваших пацанят немножко помяли, очень уж нам было желательно без стрельбы обойтись.

Парнишка, которого Лев окучил, глазами хлопает этак жалобно – сказать-то не может ничего, во рту у него портянка торчит. А мой и глазами даже хлопать не в состоянии, висит на мне, как мешок с картошкой.

– Эгх-м, – говорит тут лысый, как коленка, мужик с густыми, словно усы, бровями. Вот сколько раз я замечал – у лысых что усы, что бо-

рода, что брови – растут порой, как грибы после дождя. Почему так? Ну да ладно, не о том сейчас. – Эгх-м, что же это такое происходит, товарищи? Стеценко, Артюх! Это же форменное безобразие! Как вы могли дать себя спеленать, как младенцев, честное слово!

– М-м! – мычит парнишка с портянкой во рту. Мне почему-то сразу показалось, что это Артюх. – М-м-м!

– Вынь кляп, Николаич, – говорит Шибанов.

И по голосу его я понимаю, что он сейчас – работает! Просто по тому, как он это сказал, по таким чуть певучим ноткам в голосе, по каким-то мелочам, на которые несведущий человек и внимания бы не обратил – а я-то вижу. И, конечно, прием, нам оказанный, тоже требует какого-то объяснения. Допустим, поверили они, что мы из Москвы прилетели спецзадание выполнять. Но, во-первых, поверили как-то слишком быстро, что само по себе уже подозрительно. А во-вторых, мы вон их часовых сняли, а нас никто за ущерб и побои ругать и не собирается.

Ну, думаю, друзья партизаны, попали вы в переплет. С нашим капитаном не очень-то пошуткуешь...

И вдруг меня как молнией жахнуло.

За столом – четверо мужиков. Плюс еще Оксана, бой-баба. И всех их, получается, Сашка наш моментом захомутал! Это тебе не фрица желторотого заарканить. Пятерых одним махом! Растет у капитана силища-то его, аж жутко становится.

Между тем Николаич портянку-то вытащил, и парнишка этот как закричит дурным голосом:

– Засада! Михал Терентьич, тикайте, это засада!

– Дурак ты, Артюх, – говорит лысый. – Это наши люди, разведчики из Москвы. И хватит орать, а то тебя аж в Виннице слышно.

Парень глаза выпучил, но замолчал. А лысый поднимается из-за стола, отдает мне честь и представляется:

– Начальник штаба партизанского полка старший лейтенант Титоренко.

– Старшина Василий Теркин, – отвечаю.

Ну, так вот и познакомились.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хаген

Винница, август 1942 года

Утром она проснулась одна. Отто ушел еще до рассвета – она смутно помнила, как он поцеловал ее на прощание, но это могло быть и сном. Катя сбросила ноги на золотой от щедрого августовского солнца пол и пошевелила пальчиками. Ей было хорошо. Так, наверное, чувствуют себя кошки, греясь на припеке.

На столе лежала записка – обрывок бумаги с колючими немецкими буквами. «В шесть вечера будь на старом месте. Флиртуй с К. Жди». Все коротко и ясно. Старое место – бильярдная. К. – Рихард Кох. Ждать надо было то ли связника от партизан, то ли самого Отто. Записку она сожгла на свечке, пепел собрала в кулечек и выбросила в уборной.

Было воскресенье. До шести нужно было чем-то себя занять. Катя не представляла себе, что делают СС-хельферин в выходные дни. Загорают и купаются? Собирают цветы? Штудируют устав?

– Моей легенды хватит максимум на неделю, – предупредил ее Отто. – У меня хорошие документы, не вызывающее подозрений прикрытие. Предписание всем медицинским службам и городской администрации оказывать мне всяческое содействие. Но какому-нибудь особо рьяному чиновнику из службы безопасности может прийти в голову запросить Берлин. Беспокоить группенфюрера Конти лично, никто, конечно, не станет. Имперская служба здравоохранения – неповоротливая бюрократическая структура, так что ответ придет дней через пять, не раньше. Но надо быть готовым к тому, что он все-таки придет.

– Что ты успеешь сделать за пять дней?

– Многое можно успеть сделать за пять дней. Найти лазейку в отделе «Иностранные армии Востока». Узнать, когда и как приез-

жает в Вороновицы Гитлер. Дождаться, пока наши наладят связь с партизанами. Пять дней – это очень много.

Отто оказался прав. Дни тянулись невыносимо долго.

Как ассистентка гаупштурмфюрера Нольде, Дайна Кайните должна была помогать ему в работе. Дел у нее, правда, было очень немного. Первые два дня она исправно ходила в винницкую больницу и занималась сортировкой медицинских карт. Медперсонал относился к ней почтительно – видимо, всех пугала ее серая эсэсовская форма. Кате было неприятно смотреть, как ее соотечественники пресмыкаются перед фашисткой, но Дайна воспринимала такое отношение как что-то само собой разумеющееся. Вообще она довольно быстро привыкла к правилам, установленным на оккупированных территориях. Армейцы молчаливо признавали превосходство СС. Хиви лебезили перед теми и другими. Для местного населения даже хиви, к которым сами немцы порой относились с презрением, были привилегированным сословием. Исключения встречались, но крайне редко.

Сама Дайна занимала промежуточное положение между хиви и немцами. Благодаря Отто, все обращались с ней как с чистокровной немкой, но она очень остро чувствовала всю непрочность своего статуса. Порой Клейнмихель, посверкивая своими очками, смотрел на нее так, как будто перед ним сидела не СС-хельферин, а обычная славянская девушка, с которой представитель высшей расы мог сделать все, что угодно.

При мысли о том, что сегодня вечером ей предстоит снова любезничать с Клейнмихелем, Хонером и Кохом, ее замутило. Скорее бы уже вернулись ребята!

Пока никаких известий от ушедших в лес бойцов группы «Синица» не было. Каждый вечер Дайна отправлялась на прогулку по городу – все время выбирая новый маршрут. Но город был небольшим, поэтому вряд ли могла вызвать подозрение ее привычка всякий раз проходить мимо сложенной из красного кирпича водонапорной башни на углу улицы Котляревского. На восточной стене башни, на уровне человеческого роста, углем была начерчена свастика. Связник от партизан, появившись в городе, должен был нарисовать рядом со свастикой восходящее солнце.

Но дни шли за днями, а свастика чернела на стене башни в гордом одиночестве. Отто говорил, что оснований для беспокойства нет, но с каждым днем это молчание пугало Катю все больше. Она скучала по балагуру Теркину и даже по этим двум балбесам, Льву и Сашке. Все-таки нечестно со стороны Отто было бросать ее здесь совсем одну.

Катя оделась и вышла во двор. Галина, как обычно, работала в саду – собирала крупные наливные яблоки в большие плетеные корзины. Скоро потащит их на базар, а вечером будет жаловаться, что торговли совсем не стало. Ну, правильно – кто станет покупать яблоки, когда в каждом хозяйстве по несколько десятков яблоневого деревья? Немцы? Но им проще зайти в любой понравившийся дом и потребовать самых лучших яблок. Платить при этом, понятно, не обязательно.

Солнце стояло уже высоко. В такую погоду хорошо валяться с книгой у речки, в тени высоких трав. Книга у нее была – «Страдания юного Вертера» Гете. На немецком, естественно. Отто настаивал, чтобы она как можно больше читала по-немецки. Кате книга не нравилась, она с куда большим удовольствием почитала бы своего любимого Достоевского, но Дайна Кайните не интересовалась русской литературой.

– Госпожа Дайна, я вам там молочка парного в крыночке налила, – с заискивающей улыбкой обратилась к ней Галина. – И сырничков спекла, попробуйте, они теплые еще.

«Интересно, – подумала Катя, – если бы ты знала, кто я на самом деле, стала бы кормить меня молоком и сырниками? Или сразу побежала бы к полициям?»

– Спасибо, Галина, – сказала она вслух. – Я позавтракаю и пойду на реку.

– Это вы хорошо придумали, госпожа Дайна! На реке-то сейчас прелесть как хорошо! Вы сырничков-то с собой возьмите, вдруг там кушать захочется! Да я вам сейчас в бумажку заверну...

Суетливость вдовушки раздражала Катю. Можно было и не говорить ей, куда она направляется, но вдруг заглянет Отто? На всякий случай надо подстраховаться.

– А я вчера на базаре слыхала, – не переставая, трещала Галина, накрывая на стол, – один офицер, бедняжка, с ума сошел. Говорят, он всех своих солдатиков, что в танке у него были, порешил, вот ужас-то! А сам молоденький еще, совсем как тот, что одну ночь у меня ночевал.

– А что еще говорят? – не удержалась Катя. Галина сделала круглые глаза.

– Болтают еще, что он хотел самого Гитлера взорвать! Его теперь самый главный следователь из Берлина едет допрашивать, вот как!

– Что ж его допрашивать, если он сумасшедший, – с досадой сказала Катя. – А как зовут офицера, не знаешь?

– Вроде Гансом. Нашего-то, кажись, тоже Гансом звали? Я вот что думаю – не он ли, часом?

– А ты сходи в гестапо да спроси, – предложила Катя. – Скажи мол, так и так, у меня тут один больной офицер останавливался, не тот ли, что хотел Гитлера взорвать?

Галина замахала на нее руками.

– Что вы, что вы, госпожа Дайна! Что ж я, из ума совсем выжила, что ли? Меня ж тут же первую и сцапают! Бросят в подвал и...

Она осеклась, наткнувшись на ледяной взгляд Кати. Нет, не Кати – Катя никогда не умела смотреть так, как СС-хельферин Дайна Кайните.

– Значит, вот как ты представляешь себе работу гестапо?

– Ой, да нет же... просто боюсь я, госпожа Дайна, ну, боюсь, что с меня, дуры-бабы, взять...

– В таком случае советую тебе поменьше болтать, – жестко сказала Дайна. – Целее будешь.

На реке и вправду было чудесно. Ласковый ветерок уносил прочь струившийся с неба жар. Дайна нашла себе укромное место под раскидистым деревом, постелила на траву покрывало, убрала подальше от солнца сверток с едой. Раскрыла томик Гете. Минут через двадцать ей стало скучно. Она отложила книгу и некоторое время лежала с закрытыми глазами, вспоминая базу «Синица», тамошнюю реку и уху, которую варил Шибанов. Это было меньше месяца назад, а кажется, полжизни прошло уже с тех пор.

– Надо искупаться, – сказала она себе по-немецки. Отто учил ее – для того, чтобы добиться полного совпадения со своей легендой, нельзя расслабляться ни на минуту. – Жарко.

Дайна сбежала по склону, с разбегу влетела в воду, подняв кучу брызг. Вода еще не успела как следует прогреться и была восхитительно прохладной.

Она отплыла метров на пятьдесят от берега и вдруг почувствовала, что ноги словно сковало ледяной цепью. Видимо, ее угрозило проплыть прямо над холодными ключами, бьющими на дне. Дайна принялась изо всех сил работать руками, выгребая со стремнины. На ее счастье, течение здесь было не таким сильным. Дайна кое-как добралась до берега и принялась энергично растирать онемевшие мышцы ног.

– Прекрасная фройляйн нуждается в помощи? – окликнул ее чей-то голос.

Дайна обернулась. Выше по склону, там, где валялось ее покрывало, стоял высокий светловолосый немец в новенькой, с иголки, форме СС. В руках он держал «Страдания юного Вертера».

– Нет, благодарю вас, – Дайна старалась говорить вежливо, хотя ей совсем не понравилось, как он ее разглядывал. Катя бы сказала – пялился. – Я, кажется, немного переоценила свои силы, только и всего.

– Я видел, как вы тонули, – улыбнулся светловолосый. – Хотел уже прыгать за вами в реку, но вы прекрасно справились сами.

Он слегка приподнял фуражку с серебряным черепом и шагнул к ней.

– Меня зовут Хаген, фройляйн. Рад был бы назвать свою фамилию, но я служу в таком чертовски секретном подразделении, что не могу этого сделать.

Улыбка у него была чуть нагловатая. Чем-то он неувовимо напоминал Сашку Шибанова.

– Дайна Кайните, – представилась Катя. – Я медицинский работник.

Хаген обрадовался.

– Медсестра? Я обожаю медсестер. Особенно эти коротенькие белые халатики – они меня просто с ума сводят!

– Я не медсестра и, как видите, у меня нет халатика. И скажу вам честно, Хаген – вы меня смущаете. Я собиралась побыть одна...

– Ух ты! – восхищенно воскликнул светловолосый. – Одна на реке – это же черт знает как романтично! И читаете вы, я вижу, очень романтическую книжку. Вы, Дайна, наверное, только о любви и думаете, а?

– О чем я думаю, мое дело, – это прозвучало резче, чем ей бы хотелось. Но светловолосый почему-то ее пугал. – Я ассистент гаупштурмфюрера Нольде и не думаю, что он будет очень рад, если узнает...

– О чем? – пшеничные брови Хагена удивленно полезли вверх. – О том, что я хотел вам помочь, когда вы тонули? Или о том, что мы немного поговорили о книгах?

«Он прав, – подумала Дайна. – Не стоит строить из себя перепуганную курицу».

– Понимаете, Хаген, – смягчилась она, – мой шеф не любит, когда я разговариваю с неизвестными.

– Но мы ведь уже познакомились!

– Или знакомлюсь с кем-то без его разрешения.

– Да он просто тиран какой-то!

Дайна пожала плечами.

– Я на него работаю. А значит, должна подчиняться его требованиям.

Хаген вздохнул и бесцеремонно присел на ее покрывало.

– Женщина должна подчиняться мужчине – это факт. Но что делать, если в ее жизни появляется другой мужчина?

– Не слишком ли вы самоуверенны?

Он хмыкнул.

– Мне часто приходится это слышать. Но, Дайна, скажу вам честно – если я уверен в себе, то у меня есть на то основания. За моей спиной – десанты на Крите и несколько спецопераций во Франции. Недавно я вернулся из самого адского пекла, которое только можно себе представить – из осажденного Ленинграда!

Она вздрогнула.

– Откуда?

– Из Ленинграда, черт его подери! Не имею права вам это говорить, но меня только что представили к ордену. А вы твердите, что я самоуверен!

«Что же ты делал в Ленинграде, сволочь?» – хотела крикнуть Катя. Но Дайна ограничилась легкой усмешкой.

– Если бы вы знали, Хаген, как часто мне приходится слышать от мужчин о подвигах, которые они якобы совершали...

Она ожидала, что светловолосый разозлится, но он только дернул уголком рта.

– Конечно, все эти штабные крысы мастера рассказывать байки о своих военных похождениях. А ведь ни один из них к линии фронта и на сто километров не приближался. У меня, между прочим, все тело в шрамах. Хотите, покажу, Дайна?

– Не нужно! – воскликнула она, но Хаген уже скинул китель и начал стаскивать через голову рубашку. Он был поджарым и мускулистым, этот эсэсовец, и шрамов у него действительно было много. Один рваным зигзагом полосовал бок, другой тянулся от ключицы к левой груди. Хаген повернулся спиной, демонстрируя V-образный шрам под лопаткой, и не упустил возможности поиграть мышцами. Но Дайну заинтересовало другое – на руках и груди немца синели наколки. Дайна Кайните вполне могла не знать, что это такое, но Катя Серебрякова не раз видела подобные картинки в госпитале на Южном Урале. Среди раненых нередко попадались те, кто провел несколько лет в лагерях.

– А что это за татуировки? – спросила Дайна.

– Заметили? – чуть смущенно усмехнулся Хаген. – У нас в спецподразделениях принято делать такие.

Он напряг бицепс правой руки. Руку оплетала разорванная цепь с надписью «Macht geht vor Recht»⁸.

– Нравится? А как вам мой девиз?

Хаген протянул к ней левую руку. На предплечье было вытатуировано «Du sollst nicht den Schlag erwarten»⁹.

– Впечатляет, – признала Дайна. – А вот это что такое?

⁸ Сила выше Права (нем.)

⁹ Не жди, пока тебя ударят (нем.)

На левом плече Хагена была выколота оскаленная тигриная морда и латинские буквы «Т» и «L».

– Символ ярости, – эсэсовец скосил глаза в сторону – верный признак вранья, как учил их Жером. – В училище у меня было прозвище Тигр.

– Ладно, Тигр, одевайтесь и не мешайте мне загорать. Будем считать, что вы произвели на меня впечатление.

– Ну нет, – Хаген потряс головой, – раз уж я снял рубашку, то должен хотя бы искупаться.

Он скинул сапоги и начал стягивать брюки.

– Подождете меня, Дайна?

– Чтобы вы продолжали мне досаждать? И не подумаю.

– Тогда получится, что я согнал вас с чудесного местечка, а этого я простить себе не смогу. Обещаю распрощаться сразу же, как только накупаюсь, идет?

– Надеюсь, это случится еще до заката?

– Ну вы и злючка! Обожаю жестоких медсестер!

Хаген побежал к нависавшему над водой обрывчику, подпрыгнул и сделал сальто в воздухе. Выпрямился, как пружина, и почти без всплеска вошел в воду. Вынырнул и поплыл к другому берегу, мощно работая руками.

«Выпендривается, – подумала Катя. – Пижон фашистский».

Она быстро собрала вещи, сунула в корзинку томик Гете. Обернулась – Хаген был уже на середине реки. Ждать, пока наглый эсэсовец вернется, Дайна не собиралась.

– Вы не представляете себе, до чего это смешно! – воскликнул Рихард Кох. – Это очень старая игра солдат французского Иностранного легиона. Называется она «Именины кардинала Пуфа», или, для краткости, просто «Кардинал». Все, что нам требуется для этой игры – это хорошая компания и бутылка чего-нибудь крепкого. Вилли, у тебя есть что-нибудь крепкое?

– Шнапс, – лаконично ответил Вилли.

– Не пойдет, приятель. С нами будет играть дама. Что-нибудь вроде ликера, а?

– Есть домашний беренфанг¹⁰ и коньяк «Асбах».

– Тащи беренфанг. Вы не против, Дайна?

«Что такое этот беренфанг? – лихорадочно думала Катя. – «Ловушка для медведя»? Вот соглашусь, а потом окажется, что это невозможно пить. Или что от этого можно опьянеть быстрее, чем от водки. Проклятый Кох явно хочет меня споить, для того и придумал всю эту затею с игрой!»

– Конечно, нет, – ответила она с дерзкой улыбкой.

Беренфанг оказался тягучей золотистой жидкостью с медовым запахом. Кох аккуратно наполнил рюмки.

– Смотрите и слушайте внимательно! – проговорил он, обводя всех торжественным взглядом. – Повторять дважды я не буду. Каждому из вас придется произнести здравицу в честь кардинала Пуфа четыре раза, не сбившись ни в едином слове. Если же кто-то ошибется, ему тут же наливают штрафную, и он начинает игру с самого начала!

Кох взял рюмочку двумя пальцами и поднял его на уровень рта.

– Я пью этот бокал за здоровье кардинала Пуфа один раз! Sante¹¹!

Опрокинул рюмку ликера. Мечтательно закатил глаза.

– Теперь следует стукнуть пустым бокалом по столу – один раз. Хлопнуть ладонями по столешнице сверху и снизу – тоже по одному разу. А потом щелкнуть себя по носу и подпрыгнуть на стуле.

– Выглядит это по-дурацки, – сказал Клейнмихель.

– Погодите. Это еще только начало. Теперь вам нужно держать рюмку тремя пальцами. А говорить надо вот что – я пью за здоровье кардинала Пуф-Пуфа два раза! Sante! Sante!

На этот раз он осушил рюмку в два глотка. Дважды стукнул ею по столу. Похлопал ладонями по столешнице и по носу и дважды подпрыгнул.

– И какой в этом смысл? – спросил долговязый Хонер.

– Игра великолепно тренирует память. В третий раз нужно назвать кардинала Пуф-Пуф-Пуфом и трижды пожелать ему здоро-

10 Немецкий медовый ликер, буквально – «ловушка для медведя»

11 На здоровье! (фр.)

вя. Все прочее тоже делается трижды. Рюмку держите уже четырьмя пальцами.

Кох выпил очередную рюмку беренфанга. Лицо его покраснелось.

– Ну, и последний шаг. Штурмшарфюрер, наполните мне рюмку. Я пью этот бокал за здоровье кардинала Пуф-Пуф-Пуф-Пуфа в четвертый и в последний раз! Это важно, господа, запомните – в четвертый, и в последний раз! Sante! Sante! Sante! Sante!

Он четыре раза подпрыгнул на своем стуле и устало откинулся на спинку.

– Вот и все. Теперь попрошу повторить. Начнем, пожалуй, с Клейнмихеля – он, помнится, сказал, что я выгляжу дураком. Посмотрим, как будет выглядеть он сам.

– Глупости! – фыркнул очкарик. – Все элементарно. Я пью этот бокал за здоровье кардинала Пуфа один раз! Sante!

Он выпил ликер и похлопал ладонями по столу, однако забыл щелкнуть себя по носу.

– Ага, старина! – возликовал Кох. – Вот вам штрафная, и извольте повторить все с самого начала!

На этот раз Клейнмихель дошел до третьей ступени, но сбился и забыл сказать «Sante!». Торжествующий Кох вновь наполнил его рюмку. На дне бутылки оставалось не так уж много беренфанга.

«Может, до меня и не дойдет», – с надеждой подумала Дайна. Но радость ее была преждевременной. Кох покровительственно похлопал Клейнмихеля по плечу и заказал еще одну бутылку ликера.

– Платит, само собой, проигравший, – объяснил он.

– Мне нужно передохнуть, – объявил Клейнмихель. На висках у него выступили капли пота. – Пусть пока фройляйн Кайните играет.

– Что ж, – Дайна взяла протянутую Кохом рюмку и улыбнулась, – я пью этот бокал за здоровье кардинала Пуфа один раз...

Занятия на базе «Синица» не прошли даром. Ей, в общем-то, хватило бы и объяснения Коха – а уж после нескольких бесславных попыток Клейнмихеля Дайна выучила весь алгоритм наи-

зусть. Кох смотрел на нее округлившимися от удивления глазами. Когда Дайна подпрыгнула на стуле в четвертый (и последний) раз, он не удержался и зааплодировал.

– Потрясающе! Вы точно не играли раньше в эту игру?

– Клянусь, – Дайна прижала руку к груди. – Но ведь это не так уж сложно... для наблюдательного человека.

– Не знай я вашего шефа, обязательно заподозрил бы, что вы – шпионка, – засмеялся Кох. У Кати по спине пробежали мурашки. Не допустила ли она ошибку? Может быть, ей стоило пару раз запнуться?

– Кстати, где он? – спросил Хонер. – Мне позарез нужно взять реванш за вчерашний проигрыш в бильярд.

– Как всегда, занят важными делами, – Дайна заставила себя улыбнуться, хотя внутри у нее все дрожало от напряжения. Надо же было так сглупить! – Группенфюрер Конти ожидает его доклада в самое ближайшее время.

– Как же, как же, наслышаны, – пробормотал изрядно окосевший Клейнмихель. – Определение расовых характеристик населения Украины. Да только все это чушь! Хотите знать мое мнение? Все они тут ублюдки и унтерменши. Все до единого!

Он оглянулся, чтобы убедиться, что присутствовавшие в зале его слышали. Стоявший у бильярдного стола Петр как ни в чем ни бывало продолжал намазывать мелом кий.

– Не у вас ли были какие-то проблемы с анкетой при вступлении в СС, штурмшарфюрер? – прищурился Кох. – Я, помнится, видел бумагу из RuSHA, где вас отнесли к третьей группе по шкале доктора Шульц¹².

– На что вы намекаете, Кох? – Клейнмихель резко отодвинул от себя рюмку с ликером и попытался встать со стула. Хонер удержал его, положив руку на плечо.

– Просто не в первый раз замечаю, что о расовой чистоте больше всего любят рассуждать те, у кого с этим не все гладко.

– Я, во всяком случае, не позволяю себе непочтительно отзываться о высших руководителях Рейха! – зашипел Клейнмихель.

¹² Шульц, Бруно – руководитель VII (Расового) управления Главного управления Расы и поселений (Rasse- und Siedlungs Hauptamt; RuSHA). Создатель шкалы расовой принадлежности, состоявшей из пяти основных групп. К третьей группе относились арийцы с примесью альпийской, динарской или средиземноморской крови

– А вот вас, Кох, давно пора как следует потрясти! Думаете, я не помню, как вы отзывались о рейхсминистре пропаганды?

Судя по искреннему удивлению в глазах Коха, он и сам уже давно забыл, как отзывался о рейхсминистре пропаганды.

– Вы называли его сморчком-германцем! – Клейнмихель оперся руками на стол и торжествующе взглянул на шифровальщика. – Сморчком-германцем, вот как!

– Не надо кричать, – нервно сказал Хонер. – На нас уже и так все смотрят!

– Господи, – с искренним облегчением выдохнул Кох, – да ведь его многие так называют! Просто не у каждого хватает смелости проорать прозвище нашего Йози на всю бильярдную.

Клейнмихель понял, что допустил промах. Он сорвал очки и начал яростно протирать их тряпочкой.

– Вам это даром не пройдет, – прошипел он. – Не вечно же вас будет покрывать этот желчный мозгляк Хиршфельд!

– Вы меня поражаете, штурмшарфюрер, – сказал Кох, – мало того, что вы прилюдно оскорбляете одного из руководителей Рейха, вы еще раздаете презрительные характеристики вышестоящему начальству! Мне, пожалуй, стоит довести до сведения штандартенфюрера Хиршфельда, как вы о нем отзывались.

«Интересно, – подумала Дайна, – чем закончится эта ссора? Может быть, эсэсовец вызовет Коха на дуэль? Или хотя бы попытается дать ему в морду?»

Ее бы вполне устроило, если бы эти крысы вцепились друг другу в глотки. В Кохе, по крайней мере иногда, проскальзывало что-то человеческое – хотя и недостаточно для того, чтобы считать его человеком. В Клейнмихеле не чувствовалось и этого.

Но крысы не спешили пожирать друг друга. Возможно, они просто привыкли пользоваться другими приемами – подсиживанием, доносами, провокациями. Решить вопрос честным поединком у них просто не хватало духу.

– Да я тебя в порошок сотру! – процедил разъяренный Клейнмихель. – Один звонок моему дяде в Берлин – и от тебя мокрого места не останется.

Кох слегка побледнел, но решительно выставил вперед подбородок.

– Боюсь, у твоего дяди сейчас слишком много других забот. И с чего ты взял, что он в Берлине? По-моему, он занят тем, что сжигает евреев из варшавского гетто.

«Надо запомнить, – сказала себе Катя. – Дядя Клейнмихеля – высокопоставленный чин в СС».

– Ради меня он с удовольствием отвлечется на полдня. И тогда, Рихард...

Кох поднялся из-за стола.

– Здесь становится трудно дышать, – сказал он, пристально глядя на Дайну. – Слишком воняет сапогами гестапо. Пойдемте, фройляйн, прогуляемся на свежем воздухе.

– Но я должна дожидаться Отто, – пробормотала не ожидавшая такого поворота Дайна.

– Господин Нольде никуда не денется. К тому же мы не станем уходить далеко. Погуляем вдоль монастырских стен.

Дайну совсем не привлекала перспектива романтической прогулки с Кохом, но оставаться в компании Клейнмихеля и Хонера ей хотелось еще меньше. Она пожала плечами, делая вид, что уступает напору старшего шифровальщика.

– Ну, разве что ненадолго...

В этот момент на лестнице загрохотали сапоги. Дайна обернулась и увидела, что в подвал спускаются трое высоких, плечистых эсэсовцев. Одного из них она знала – это был Хаген.

– Бармиксер, шесть кружек пива, – крикнул Хаген, бросая на стойку несколько банкнот. – И стол для американского бильярда!

– Пул в другом зале, – буркнул Вилли, наливая пиво. – И он сейчас занят.

– Занят? – переспросил Хаген с искренним удивлением. – Бруно, ты слышал? Он сказал – стол занят!

Флегматичный, похожий на медведя Бруно пожал плечами.

– Придется освободить.

Третий эсэсовец, напоминавший викинга рубленным голубоглазым лицом и очень светлыми волосами, похлопал его по плечу.

– Только без эксцессов, парни. Здесь вам не Париж.

Бруно и Хаген двинулись в сторону второго зала, откуда слышались веселые крики и костяные удары сталкивающихся шаров. По пути Бруно задел стул Клейнмихеля и тот едва не свалился на пол.

– Эй, поосторожнее! – возмущенно крикнул эсэсовец. Бруно даже не обернулся.

– Не лезь, – Хонер схватил его за рукав и громко зашептал: – Это же парни Скорцени, они все прирожденные убийцы! Тут тебе даже берлинский дядюшка не поможет...

– Вы что-то хотели сказать моему другу? – Хаген с ухмылкой, не предвещающей ничего хорошего, навис над щуплым Клейнмихелем. – Или, может быть, мне послышалось?

Его холодный взгляд, как прожектор, скользнул по лицам всех, сидящих за столом, и остановился на Дайне.

– Не может быть! – воскликнул Хаген, мгновенно забыв о Клейнмихеле. – Прекрасная медсестра! Вот так встреча!

Он бесцеремонно подвинул к себе стул и сел, закинув ногу за ногу.

– Вы что, знакомы? – шепнул Дайне Кох. Она едва заметно пожала плечами.

– Когда вы исчезли, я чуть с ума не сошел, правда! Я же просил вас не уходить!

– А я не давала обещания ждать вас, – возразила Дайна. – К тому же вы так увлеклись плаванием...

– Да, плавать я люблю, – Хаген смешно помахал руками, демонстрируя, как именно он плавает. – Для парня, который вырос на берегу Северного моря, это нормально.

– Хаген! Ты куда пропал? – донеслось из дальнего зала.

– Начинайте без меня! – крикнул Хаген в ответ. Он не отрывал взгляда от Дайны. – Ну и ну! Сама судьба свела нас в этой бильярдной, фройляйн Дайна! Или как там пишут в ваших сентиментальных романах?

– Боюсь, что Гете ничего не писал о бильярдных, – фыркнула Дайна. – И судьба здесь ни при чем. Просто в Виннице не так много мест, где можно отдохнуть.

Двое связистов, пройдя мимо их столика, направились к стойке, за которой протирал бокалы невозмутимый Вилли.

– Черт знает что такое! – громко жаловался один. – Мы заплатили за час игры, у нас оставалось еще пятнадцать минут. И тут являются эти наглецы, утверждая, что они герои Рейха и для них, мол, такого понятия, как очередь, не существует! Эй, Вилли, мы требуем, чтобы нам вернули деньги!

– С какой это радости? – поинтересовался бармиксер. – Стол, надеюсь, исправен?

– Исправен, но при чем здесь это?

– При том, что вы сами добровольно уступили его господам офицерам. Либо требуйте деньги с них, либо убирайтесь к черту.

– Добровольно? Вилли, ты издеваешься? Да они бы нам головы оторвали, скажи мы хоть слово поперек!

Бармиксер перекинул полотенце через плечо.

– Значит, Юрген, ты отдал им стол, потому что испугался? И кто мне объяснит, почему я должен платить деньги за твою трусость?

– Ты кого называешь трусом? Я полгода был на Восточном фронте!

– Тянул провода из штаба полка в штаб дивизии?

Второй связист обнял товарища за плечи.

– Ладно, Юрген, не кипятись, пойдем. Нам все равно надо возвращаться к девяти в казарму.

– Вот ведь скоты, – усмехнулся Хаген. – Бьюсь об заклад, мои товарищи вежливо попросили их уступить им стол, а эти недоноски просто побоялись возразить. А потом начали скандалить с безобидным бармиксером!

– Зато вы ведете себя так, как будто никого не боитесь, – заметила Дайна.

– Слушайте, фройляйн, ну кого мне тут бояться? Вот этих штабных крыс?

Хаген протянул руку и схватил Клейнмихеля за костистый подбородок.

– Вы посмотрите на него! Вылитый Крысиный король из сказки!

Клейнмихель дернулся, очки слетели у него с носа.

– Не смей распускать руки, шарфюрер! Я старше вас по званию и я...

Хаген отпустил его подбородок и тут же зажал острый нос Клейнмихеля указательным и средним пальцами.

– А теперь повторите эту фразу еще раз, – попросил он. – Ту, которая начинается со слов «я старше вас по званию». Очень забавно, знаете ли, звучит.

У Клейнмихеля из глаз брызнули слезы. Дайне на мгновение даже стало жаль его.

– Прекратите издевательство, Хаген, – сказала она резко. – Вы выглядите отвратительно.

– Что ж, хорошо, – Хаген пожал плечами и отпустил противника. – Если прекрасная фройляйн просит...

Штурмшарфюрер, откинувшись на спинку стула, тяжело дышал и осторожно трогал свой покрасневший нос, как бы желая убедиться, на месте ли он.

– Я всего лишь хотел доказать вам, милая Дайна, что вы развлекаетесь не в той компании. Пойдемте со мной, я познакомлю вас со своими друзьями. Мы прекрасно проведем время, и потом доставим вас домой в целости и сохранности.

«Сговорились они все, что ли? – подумала Катя. – Когда же, наконец, появится Отто?»

Она уже собиралась вежливо отклонить предложение Хагена, но тут в разговор неожиданно вклинился Кох.

– Фройляйн никуда не пойдет, – грубо сказал он, кладя руку на запястье Дайны. – Тем более с таким человеком, как вы.

Хаген повернул голову и некоторое время с интересом изучал набычившегося шифровальщика.

– С каким это таким человеком? – спросил он, наконец, вкрадчиво. – С трусливым? Слабым? Некрасивым? Может быть, с просяживающим штаны в штабе?

Кох смотрел на него, выпятив челюсть. Вид у него был довольно забавный.

– Некультурным! – выпалил он.

– Как сказал Йозеф Геббельс, когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет¹³, – усмехнулся Хаген. – Как быстро вы сможете вытащить ваш пистолет, обершарфюрер?

¹³ Хаген ошибается, как и большинство тех, кто цитирует эту фразу. Ничего такого Геббельс никогда не говорил. Легенда восходит к высказыванию драматурга средней руки Ханнса Йоста «Когда я слышу слово «культура», я снимаю свой браунинг с предохранителя»

Дайна не успела и глазом моргнуть, как в руке у Хагена оказался парабеллум, нацеленный прямо в грудь Коха. Скорость, с которой эсэсовец проделал этот трюк, поражала воображение.

– Вы же не будете стрелять? – пробормотал Кох, не отрывая взгляда от парабеллума. – Я имею в виду, по-настоящему?

– Ты думаешь, дядя Хаген с тобой играет? – хмыкнул эсэсовец. – Нет, мой дерзкий дружок, сейчас у нас все взаправду. Знаешь, что со мной будет, если я пристрелю тебя здесь? Мне не дадут ордена. Жаль, конечно, но я без него как-нибудь проживу. А как ты проживешь с дыркой в правом легком – я не знаю.

Лицо шифровальщика посерело и стало похоже на кусок заплесневелого сыра.

– Не надо, шарфюрер, я прошу вас... Уберите пистолет, пожалуйста...

Хаген любовался его страхом.

– Уберу, – сказал он, наконец, – если ты извинишься за то, что назвал меня некультурным.

– О, – с облегчением вздохнул Кох, – я, разумеется, приношу вам свои самые искренние извинения!

– И признаешь, что ты всего лишь маленький и трусливый штабной засранец.

– Я... – Кох бросил быстрый взгляд на Дайну. – Нет, шарфюрер, мы так не договаривались!

– Как хочешь, – Хаген щелкнул предохранителем.

– Господи, – сказала Дайна, вставая. – Как все это глупо! Уберите свой пистолет, Хаген, и пойдемте к вашим друзьям.

– Что ж, благодари фройляйн, маленький ублюдок, – парабеллум Хагена с той же фантастической быстротой скользнул в кобуру. – Прошу вас, Дайна.

Кох сидел на стуле, неестественно прямой и бледный. По щеке его медленно стекала слеза.

Хаген, галантно поддерживая Дайну за локоть, провел ее в дальний зал. Там было почти пусто; молчаливый Петр вытирал тряпкой зеленую доску, на которой мелом был написан счет предыдущей игры, похожий на медведя Бруно кружил у стола, выбирая позицию для удара, а светловолосый спокойно пил свое пиво.

– Ты где застрял, висельник? – начал было Бруно, но, увидев Дайну, осекся. – Эге, да ты не один!

– Прошу извинить нашего друга, фройляйн, – светловолосый поставил кружку на стол, не торопясь, подошел к Дайне и, взяв ее ладонь, поднес к губам. – Рольф, к вашим услугам. Этот медведь с кием – Бруно. Ну, а с Хагеном вы, вероятно, знакомы уже давно. Если, конечно, вы и есть та волшебная фея, которую он встретил на берегу реки и о которой прожужжал нам все уши.

– Ну, не стоит так, Рольф, – Хаген, ничуть не смутившись, подмигнул Дайне. – Фройляйн сидела в окружении каких-то штафи-рок, и я решил, что мой долг – познакомить ее с настоящими мужчинами. Итак, господа, имею честь представить вам фройляйн Дайну Кайните.

«Запомнил, надо же», – подумала Катя.

– Рада познакомиться, господа, – сказала она вслух.

– У вас интересный акцент, – сказал светловолосый. – Откуда вы, фройляйн?

– Из Литвы. Я стараюсь совершенствовать мой немецкий, но у меня еще не все получается...

– О, ваш немецкий безупречен, – улыбнулся Рольф. – Только вот этот акцент... Ваш родной язык – русский?

«Откуда он узнал? – подумала Катя. – Хаген сказал, что они недавно вернулись из Ленинграда...»

– Нет, литовский, – ответила она как можно беспечнее. – Но я много общалась с русскими, особенно в университете.

– Держу пари, у вас был русский парень, – засмеялся Хаген. – Ничто так не помогает выучить язык, как общая постель. Я сам так выучил греческий.

Дайна холодно улыбнулась, давая понять, что не намерена распространяться на эту тему.

– Хаген сказал, вы работаете в Имперской службе здравоохранения, – сменил тему Рольф. – А что вы делаете здесь, на Украине?

– Помогаю своему шефу. Он занимается расовыми исследованиями.

– Послушай, Рольф, – неожиданно вмешался в разговор Бруно, – вы ведете себя просто неприлично. Насели на бедную девочку,

как мухи на мед. А ведь фройляйн явно не прочь сыграть партию-другую в бильярд, верно?

– Совсем не против, – Дайна благодарно улыбнулась ему. – Но я, наверное, вам помешала. Вы же уже начали игру?

Светловолосый Рольф небрежно махнул рукой.

– Наоборот, мы уже почти закончили. Сейчас этот потомок Вильгельма Телля забьет в лузу черный мяч, и игра будет сделана. Ну, я же говорил! Становитесь к столу вместо меня, фройляйн.

Дайна сыграла шесть партий – две с Бруно, две с Рольфом и две с Хагеном. У Бруно ей удалось выиграть один раз, Хагена она разделала подчистую, но Рольф проделал то же самое с ней.

– С вами приятно играть, фройляйн, – сказал он, снова целуя ей руку. – Надеюсь, вы еще одарите нас своим обществом?

– Это зависит от того, долго ли вы пробудете в Виннице.

Хаген пожал плечами.

– Кто знает? Только бог и папа Отто.

Дайна вздрогнула.

– Гаупштурмфюрер СС Отто Скорцени, – пояснил Рольф. – Наш обожаемый шеф. Именно ему мы обязаны удовольствием торчать в этой дыре в свой законный отпуск. Правда, ваше присутствие, фройляйн, даже такую дыру способно превратить в рай.

– Рольф, – Хаген шутливо погрозил ему пальцем, – хоть ты и мой командир, но если будешь кадрить мою девушку, я наплюю на субординацию.

«Ничего себе, – подумала Дайна, – я уже его девушка? Шустрый малый этот Хаген».

– Как твой командир, – сказал Рольф, – я приказываю тебе проводить фройляйн домой. Время позднее, на улицах наверняка небезопасно.

Дайна взглянула на часы. Половина одиннадцатого, а Отто как сквозь землю провалился.

– Благодарю, – сказала она, – но я вполне способна вернуться домой сама.

– Нет-нет! – Хаген решительно взял ее за руку. – Настоящий солдат Рейха никогда не отпустит девушку ночью без сопровождения!

В первом зале по-прежнему было много народу, но Кох и его приятели куда-то исчезли. Проходя мимо стойки, Хаген небрежно вытащил из кармана несколько мятых купюр и бросил их Вилли.

– Отличный бильярд у тебя, приятель.

– Заходите еще, – буркнул бармиксер. Особой теплоты в его голосе Дайна не услышала.

Они поднялись по лестнице и вышли во двор.

– Где же вы живете, Дайна? – Хаген приобнял ее за талию. – Думаю, что где-то недалеко от реки, верно?

Она отстранилась.

– А если недалеко от кладбища, что тогда?

Хаген хрипловато рассмеялся.

– Люблю медсестер с чувством юмора!

– Я не медсестра.

– А я не только медсестер люблю. Куда нам идти?

«Он узнает, где я живу, – подумала Дайна. – И будет приходить, когда ему вздумается. Что же делать?»

– Если вы не торопитесь домой, – по-своему истолковал ее колебания Хаген, – могу предложить зайти в гости ко мне. Это недалеко, к тому же у меня есть чудесный французский ликер...

– Нет, – Дайна повернулась и зашагала к воротам. – Не знаю, за кого вы меня принимаете, Хаген, но я направляюсь домой. Проводить меня не нужно – моему шефу это не понравится.

Хаген догнал ее и пошел рядом.

– Откровенно говоря, – сказал он, – меня не очень волнует, что понравится вашему шефу. Так куда мы идем?

– На улицу Владимира Великого, – Дайна чувствовала, что бросается с головой в омут. На улице Владимира Великого, бывшей Первомайской, снимал квартиру Отто. Он никогда не запрещал ей приходить туда, но ему наверняка не понравится, что она притащила за собой хвост. Но и оставаться наедине с Хагеном Дайна боялась. Она слишком хорошо помнила его глаза, когда он целился из парабеллума в грудь Коха.

– Не думал, что вы живете в центре города, – проговорил ее спутник. – Мне казалось, что вы снимаете комнату в небольшом домике где-нибудь на окраине...

– Как видите, нет, – они шли мимо старого парка, и цокот каблучков Дайны разносился далеко по пустынной площади. – И все-таки я очень прошу вас, Хаген – не провожайте меня до подъезда. Мой шеф...

– Да, я знаю. Тиран и деспот. Но будьте уверены, меня это не пугает.

– Разумеется, это же не ваш шеф...

Серый силуэт дома, в котором жил Отто, рос с каждой минутой. Вот уже поворот, арка, ведущая во двор...

Хаген вдруг остановился и придержал ее за руку.

– Постойте, Дайна. Куда вы так торопитесь?

– Уже поздно. Спасибо за вечер, все было просто замечательно. Но теперь я должна идти...

– Ну, нет! Не подарив своему кавалеру прощального поцелуя?

Хаген притянул ее к себе. Наклонился и попытался поцеловать – она почувствовала, как его щетина колет ей губы.

Дайна ударила его. Коротко и точно, как учил ее инструктор по рукопашному бою на базе «Синица». Хаген почувствовал ее движение и успел подставить руку – все-таки он был очень быстрым, – но ей удалось вырваться. Придерживая пилотку, она побежала к темному проему арки.

– Стойте, Дайна!

Странно, но в его голосе не было злости. Только удивление.

– Да постойте же вы!

Хаген бежал сзади. Ноги у него были длиннее, и Дайна поняла, что до подъезда добежать не успеет.

Она проскочила в арку и налетела на идущего навстречу человека.

– Эншульдиге... – пробормотала она и осеклась. Это был Отто.

– Добрый вечер, Дайна, – сказал Отто ровным голосом. – Почему ты так поздно?

Она не успела ответить, потому что вслед за ней в арку влетел Хаген.

– О, черт, – только и сказал он.

– Отто, – дрожащим голосом проговорила Дайна, – познакомься, это Хаген. Он любезно согласился проводить меня до дома... Хаген, это мой шеф гаупштурмфюрер Отто Нольде.

Мужчины молчали, изучая друг друга. Ей казалось, что это тянулось невыносимо долго, может быть, полчаса. Потом Хаген сказал:

– Приятно познакомиться, господин гаупштурмфюрер. Должен заметить, у вас прекрасный ассистент.

Отто – да нет же, не Отто, Жером! – поглядел на него, как на заговорившую кошку. На скулах у него вздулись желваки.

– Вы свободны, шарфюрер, – произнес он голосом, который Дайна – нет, не Дайна, а Катя – однажды уже слышала. Таким же голосом он обещал отдать Сашу и Льва под трибунал. – Я вас больше не задерживаю.

Еще минуту они стояли друг напротив друга, и Дайна физически чувствовала, как искрит и шипит электричество между ними. Потом Хаген коротко поклонился Дайне, развернулся и исчез под сводами арки.

Отто осторожно взял ее за руку.

– Пойдем домой, – сказал он. – Потом все расскажешь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наследники нартов

Северный Кавказ, август 1942 года

– Зачем вам все-таки понадобилась эта голова? – спросил Раттенхубер. Мария сидела за столом, застеленным старой советской газетой, и сортировала добытые в пещере кости. В одну кучку она складывала большие, человеческие, в другую – мелкие, принадлежавшие каким-то животным. Отрезанная голова Абдула лежала поодаль, единственный глаз мертвого абрека был широко раскрыт и, как казалось Раттенхуберу, внимательно наблюдал за происходящим в комнате. Шея была вымазана толстым слоем смолы, которую по просьбе Марии растопил в тазу Людвиг Йонс. Старик, к счастью, не видел, как фон Белов извлекла из своего мешка окровавленную голову, и, деловито сполоснув ее в ручье, окунула в растопленную смолу.

Мария ответила не сразу.

– Я могла бы вам объяснить, Иоганн, – сказала она, наконец, – но, боюсь, вы мне не поверите.

Раттенхубер, сидевший на лавке под окном и чистивший свой «Вальтер» смоченной в мыльной воде ветошью, проворчал что-то неразборчивое.

– Как вы думаете, Иоганн, почему русские напали на вас там, около реки?

– Потому что я поверил Ланцу и расслабился, – буркнул обер-фюрер. – Удивительно, что они не подстрелили меня, как куропатку, первым же выстрелом!

– Вы чересчур самокритичны, Иоганн, – усмехнулась фон Белов. – На самом деле все не так просто. Древние кладбища обладают сильной энергетикой, притягивающей зло и убийства. Вы не замечали этого, когда работали полицейским в Мюнхене?

Раттенхубер задумался.

– Ну, у нас были любители устраивать на кладбищах всякие непотребства. Но до смертоубийства дело дошло только раз – один подонок задушил свою беременную подружку и спрятал ее тело в старом склепе. Обычно же подростки играли там в черные мессы, распинали собак и кошек...

– Среди этих костей, – Мария кивнула на маленькую кучку, – есть и собачьи. И это совсем не случайно. Кладбища привлекают людей с садистскими наклонностями по двум причинам. Во-первых, это превосходная декорация для игры в смерть. Во-вторых, некротическая энергия старых захоронений воздействует на неустойчивую психику, как наркотик. Держу пари, что тем русским мальчишкам внезапно ужасно захотелось вас убить. Точно также и бедняга Абдул бросился с шашкой на одного из них, не потому, что это было нужно – русский был безоружен и не представлял никакой опасности. Дело в том, что Абдула захватила жажда убийства. Он увидел, что русский пытается скрыться, и решил зарубить его. Это было бессмысленно, и в результате он погиб. Кладбище поглотило его жизнь, и на какое-то время успокоилось. Поэтому для нас с вами все закончилось благополучно.

– По-вашему выходит, что кладбище само заставляет людей стрелять друг в друга? Но ведь это же полная чушь!

– Не каждое кладбище. Чем древнее некрополь, тем сильнее его энергия. Многое, кстати, зависит и от того, как умерли нынешние обитатели старых могил. То место, где мы вчера с вами были – особенное. По местной легенде, там похоронены воины, погибшие в бою с горными демонами.

– Это всего лишь легенда, – Раттенхубер отложил ветошь и взялся за ершик, которым чистил дуло «Вальтера». – Кто может знать, как все было на самом деле?

– Все, что мы знаем о прошлом – легенды, Иоганн. Шлиман, руководствуясь сказкой Гомера, отыскал Трою. Удивительно, что предания этих диких гор рассказывают, по сути, о тех самых нибелунгах, что вдохновили гений великого Вагнера. Только здешних нибелунгов звали нартами.

– А, это те, о которых вы не захотели рассказывать мне нынче утром?

Мария фон Белов задумчиво вертела в руках чью-то желтую треснувшую посередине кость.

– Нарты были могучими исполинами, бросившими вызов богам. Они совершали великие подвиги, боролись с хтоническими чудовищами...

– С какими чудовищами? – переспросил Раттенхубер.

– С хтоническими, то есть олицетворявшими грубую силу земли и подземных миров. Кончилось, разумеется, все плохо. Нарты чересчур возгордились своим могуществом, и богам это не понравилось. Они не могли совладать с распоясавшимися великанами, поэтому решили действовать шантажом. Боги послали на землю засуху, которая длилась семь лет. Люди начали умирать от голода, и нарты, чтобы спасти их, ушли из мира.

– Как это – ушли?

– Легенды разных племен говорят об этом по-разному. В некоторых песнях поется, что нарты выпили расплавленную медь, потому что никакое оружие не могло причинить им вред. Другие рассказывают, что они сами вырыли себе могилы и легли в них. Третьи же – и это самое любопытное! – говорят, что нарты ушли в глубь земли, под корни гор, по вырытому ими тоннелю. А тоннель этот был закрыт медными воротами, чтобы никто не сумел последовать за ними. Чувствуете общие мотивы?

– Медь и подземелья, – сказал Раттенхубер. – Погодите, так медные ворота в пещере, которую взорвали русские?...

– Да. Я впервые услышала об этом тоннеле, когда работала в археологической экспедиции доктора Вирта. Есть и еще один тоннель, называемый Gojakan urg, его я видела своими глазами, но он находится около Грозного, а там русские еще держат оборону. Я подозревала, что медные ворота могут находиться не-подалеку от кладбища, которое мы посетили, и, как видите, не ошиблась.

Раттенхубер задумался.

– И что, те дыры в скале, куда вы лазили, это и есть могилы нартов?

Мария покачала головой.

– Конечно, нет. Нарты жили на земле в незапамятные времена, а кладбищу от силы тысяча лет. И потом, нарты ведь были великанами, а эти кости, как вы видите, вполне обычные.

– Тогда к чему вы все это мне рассказали? И причем здесь все же мертвая голова?

– Когда нарты ушли под землю, как, кстати, и нибелунги – люди стали подражать им. В германской истории этим именем стали называться короли бургундов, на Кавказе – кланы отчаянных воинов. Те, кто лежит в склепах, выдолбленных в скале – члены такого клана. От обычных людей их отличали только татуировки, покрывавшие все их тело – но они сгнили вместе с мягкими тканями, поэтому я не могу их вам продемонстрировать.

– А что же демоны, с которыми они якобы сражались?

– А вот здесь-то и начинается самое интересное. Легенды говорят, что демоны эти охраняли вход в туннель и разрывали на куски всякого, кто осмеливался проникнуть за медные ворота. Воины, подражавшие древним нартам, конечно же, не могли с этим смириться. Они предприняли дерзкую вылазку вглубь туннеля... вот только вернулись оттуда далеко не все.

Мария протянула Раттенхуберу кость. Тот брезгливо отстранился.

– Поглядите, Иоганн, это лучевая кость руки. Видите, какие следы? Их оставили чьи-то очень мощные челюсти.

– Может быть, волки?

– Может быть, – согласилась фон Белов. – Только это очень странные волки, Иоганн. Вот *ossa metacarpi*¹⁴, видите?

Она перебирала тонкие трубчатые палочки, словно играла в какую-то игру.

– Здесь к ним должны крепиться три верхние фаланги. Но они отсутствуют. Вообще. Во всяком случае, в том захоронении, где я побывала – а там перемешаны останки по меньшей мере дюжины людей – все пястные кости обгрызены начисто. Если это были волки, то зачем им понадобились пальцы покойников?

Раттенхубер недовольно поморщился.

¹⁴ Кости пясти (лат.)

– Вы пытаетесь отыскать здесь какую-то мистическую подоплеку, Мария, а ведь дело может оказаться куда более простым. Представим, что эти ваши покойники сражались с диким племенем, использовавшим в бою огромных псов. Отсюда – следы челюстей на лучевой кости. У этого племени был мерзкий обычай отрубать своим побежденным врагам пальцы рук. Этим объясняется отсутствие фаланг. Как видите, с точки зрения полицейской логики, все очень просто.

– Не отрубать, а отгрызать, – поправила его фон Белов. – Следы на костях недвусмысленно свидетельствуют о том, что пальцы у них просто откусили.

– Дикари еще и не на такое способны, – не сдавался Раттенхубер.

– Ну, хорошо, – засмеялась фон Белов, – если вам легче поверить в существование дикарей, лакомящихся пальцами, чем в пещерных демонов – так и быть. Что же касается головы, то она требуется для одного чрезвычайно древнего ритуала, который использовался при проникновении в подземный мир.

– Собираетесь лезть под землю?

– То, что я ищу, спрятано глубоко. Не имея ключей, к сокровищу не подобрешся.

– Так голова – это ключ?

В дверь робко постучали. Мария быстро прикрыла лежавшие на столе останки газетой.

– Простите, госпожа, – Йонс искательно заглянул в глаза фон Белов. – Не желаете ли свежего козьего молочка, я только что подоил свою Ильзе...

Он вошел и поставил на стол глиняную крынку, неловко задев газету. Шурша, газета упала на пол, открыв голову Абдула и россыпи костей.

– О майн Готт! – проговорил Людвиг и, отшатнувшись от стола, стал медленно оседать на пол. Вскочивший Раттенхубер успел подхватить его подмышки и посадил на лавку – старик неожиданно оказался очень тяжелым.

– Как не вовремя, – досадливо поморщилась фон Белов. – Йоганн, дайте ему понюхать нашатыря.

Нашатырь подействовал – Йонс замотал головой и открыл глаза.

– Господин полковник, госпожа фон Белов, зачем это? Стол же... это ж для еды... а вы туда такую погань положили!

– Ничего страшного, потом продезинфицируете. Спирт для этих целей я вам выдам. Спасибо за молоко, но, думаю, вам лучше побыть на свежем воздухе.

– О-хо-хо, – бормотал старый Йонс, пока Раттенхубер вел его к выходу. – Это что ж такое, господин полковник? Зачем вам это такое непотребство?

– Госпожа фон Белов – ученый, – как можно мягче разъяснил Раттенхубер. – Ей нужны кости древних людей, понимаете, Людвиг? Изучает она их.

– Не понимаю, – горестно покачал головой старик. – Кости так кости... но голова-то, она же новая. Я даже парня этого знал, его звали Кривой Абдул. Разбойник был еще тот! Что же это, а?

– Его убили русские, – сказал Раттенхубер. – Убили и отрезали голову... для устрашения.

Эту версию придумала специально для генерала Ланца сама фон Белов – правда, генерал видел лишь обезглавленное тело.

– Ни за что не поверю, – Йонс остановился и помассировал рукой грудь. – Русские не отрезают голов. Горцы – да, иногда могут, если очень ненавидят кого-то. Но русские... нет, господин полковник, как хотите, а что-то здесь не сходится.

«Рассуждаешь ты много, вот что», – недовольно подумал Раттенхубер. Старика била мелкая дрожь.

Он порылся в карманах и достал пачку валидола. Силой засунул ее в трясущуюся ладонь Йонса.

– Это должно помочь. А вообще, Людвиг, мой вам совет – поскорее забудьте про все это.

Вернувшись в дом, Иоганн обнаружил, что Мария уже собрала все останки, упаковав их в два свертка. Головы Абдула нигде не было видно.

– Напугали вы старика, – сказал Раттенхубер.

– Я не слепая, – неожиданно резко отозвалась фон Белов. – Теперь он, чего доброго, еще откажется идти с нами.

Оберфюрер оторопел.

– Вы что, собираетесь тащить беднягу на перевалы?

– Не такая уж он старая развалина, – отрезала Мария. – Этот Йонс, между прочим, всю прошлую зиму просидел здесь в горах один, и, как видите, не помер. Нервы у него, конечно, слабоваты, но идти он вполне сможет.

– Но зачем он вам?

– Послушайте, Иоганн, вам не кажется, что вы задаете слишком много вопросов?

«Что-то наша дамочка сильно не в духе, – подумал Раттенхубер. – Никогда еще ее такой не видел».

– Как вам будет угодно, штандартенфюрер, – сказал он холодно.

– Моя задача – охранять вас, а не развлекать разговорами.

Мария поняла, что перегнула палку. Она подошла к Раттенхуберу и доверительно взяла его за руку.

– Ну, бросьте, полковник... не надо обижаться! В конце концов, homo sum¹⁵, и у меня тоже может быть плохое настроение. Если бы русские не взорвали тоннель, нам не понадобилось бы лезть наверх, к перевалам. Мы открыли бы ворота...

– За которыми, по вашим словам, прячутся горные демоны, – усмехнулся Раттенхубер.

– Для них-то я и приготовила голову. Вы по-прежнему мне не верите?

Она по-прежнему сжимала запястье Раттенхубера своими теплыми пальцами, и оберфюрер неожиданно почувствовал, что ему приятно это прикосновение.

– Если бы вы знали, как я была близка к цели пять лет назад! Я стояла уже на пороге великой тайны! Если бы только у меня была карта...

– Так зачем вам понадобился старик Йонс? – грубовато спросил Раттенхубер, высвобождая руку.

Фон Белов досадливо поморщилась.

15 Homo sum (humani nihil a me alienum puto) – я человек (и ничто человеческое мне не чуждо) – известная цитата из древнеримского писателя Теренция. Употребляется к месту и не к месту

– Сам он мне совершенно не нужен. Лишний балласт, к тому же излишне впечатлительный. Но вот его пес... это совсем другое дело.

Она со вздохом взяла с топчана книгу доктора Даре и принялась рассеянно перелистывать страницы.

– Могучий зверь, настоящий Проводник. Без него мы вряд ли сумеем найти дорогу.

– Дорогу? – удивился Раттенхубер. – Я полагал, что у вас есть карта.

– Карта, дорогой мой Иоганн, это всего лишь кусок бумаги. К тому же – буду с вами откровенной – в моем распоряжении только половина карты. Но там, куда я хочу проникнуть, мы заблудимся без Проводника.

– Вы меня окончательно запутали. Получается, мы не знаем, куда идем? Но фюрер говорил, что вы точно установили местонахождение тайника.

Мария захлопнула книгу и швырнула ее обратно на топчан.

– Послушайте, Иоганн! Я действительно знаю, что представляет из себя тайник, и где он находится. Если я скажу вам, что на заднем дворе этого дома закопан клад, будет ли это означать, что я дала вам точные координаты?

– Разумеется, нет. Чтобы найти его, мне придется перекопать весь задний двор.

– Вот именно! В данном случае «задний двор» – это квадрат со стороной в десять километров, сплошные горы и непроходимые дебри. К тому же то, что мы ищем, находится под землей.

Раттенхубер подошел к окну и с равнодушным видом стал разглядывать сверкающие на солнце снежные вершины.

– У меня к вам только один вопрос, Мария. Сообщили вы об этом фюреру, прежде чем получить разрешение на поездку, или предпочли скрыть от него некоторые неприятные подробности?

– Скрыть? Не смешите меня, Иоганн. Фюреру незачем вникать во все детали. Я взяла на себя ответственность за успех нашей экспедиции – по-моему, этого вполне достаточно.

Раттенхубер не нашелся, что ответить.

Маленький отряд дядьки Ковтуна добрался до перевала уже ночью.

Могли бы и пораньше, но наткнулись на партизан. Партизан было человек двадцать, в основном кубанские казаки, хотя командовал отрядом карачаевец, бывший агроном из станицы Зеленчукской. Звали его Асланбек, и Лехе Белоусову он сразу не понравился.

– Драпаете? – спросил он Ковтуна, обводя маленький отряд недобрый взглядом.

– Драпают вошки с одежды, – с достоинством ответил дядька Ковтун. – Мы организованно отступаем.

– Думаешь в Сухуми отсидеться? – презрительно спросил Асланбек.

«Сухуми? – удивленно подумал Леха. Он был там совсем еще пацаненком – мать ездила в санаторий, и взяла его с собой. Сухуми запомнился ему сказочным городом, где можно было сколько влезет купаться в теплом море, и от пуза объедаться медовой хурмой. Неужели побережье уже так близко?»

Ковтун пожал плечами.

– Какой Сухуми? Мы идем на перевал. Кто там сейчас, знаешь?

– Стрелковый полк, – неохотно ответил Асланбек. – А тебе какая разница?

– Та, что у меня есть важные сведения о передвижении врага. А ты, дорогой, препятствуешь мне довести их до сведения командования.

– Ты мне зубы не заговаривай, – рассердился Асланбек. – Я вот сейчас шлепну тебя и всех твоих парней, как трусов и паникеров – будешь тогда знать!

– Тогда я уже знать ничего не смогу, – рассудительно ответил дядька Ковтун, – потому что мертвые не имеют не только сраму, но и розума. Давай-ка лучше отойдем и в сторонке с тобой потолкуем...

О чем говорили два командира, для Лехи осталось тайной. Но только после этого разговора Асланбек дал команду своим, и те опустили нацеленные на казаков винтовки.

– Ладно, идите, – хмуро сказал карачаевец. – Дорога свободна, но если наткнетесь на нашего брата, скажите – «Къарнаш¹⁶ Асланбек велел пропустить».

– Вы тут смотрите в оба, – посоветовал ему Ковтун, – немец прет с севера огромной силищей, а солдат у него подготовленный, хваткий.

– Напугал ежа голой жопой, – хмыкнул кто-то из партизан.

– Не учи ученого, – сказал Асланбек. – На этой дороге мы дивизию остановим.

– Ну, бог в помощь, – усмехнулся Ковтун. – Пошли, ребята.

Больше по дороге на перевал им никто не встретился.

Звезды высыпали над горами крупные, как горох. Луна пряталась где-то за острой, как клык, вершиной, голубоватым светом поблескивал далекий ледник.

– Стой, кто идет! – окликнул их хриловатый голос. Леха огляделся, но никого не увидел.

– Свои, – отозвался дядька Ковтун. – Гвардии сержант Ковтун и четверо парней из Майкопа.

– Оружие на землю, – скомандовал голос.

– Давай, ребятки, – Ковтун повернулся к своему отряду. – Это наши, точно. Не дрейфьте!

Леха неохотно положил винтовку на дорогу. Остальные последовали его примеру.

От темных, будто вырезанных на фоне звездного неба, скал, отделились фигуры невидимых до того солдат. Они окружили казаков, наставив на них стволы автоматов.

– Документы, – потребовал обладатель хрилого голоса. Ковтун протянул ему документы.

– Полк наш держал оборону Апшеронского, – сказал Ковтун. – Шла на нас дивизия генерала Руоффа. Полк poleg весь, человек пять только выжило. Я сначала хотел к побережью идти, да потом встретил вот этих пацанов и передумал.

– Почему? – спросил хриплый, просматривая бумаги.

– Ну, один я может, и прорвался бы, а ребят на верную смерть тащить не захотел. Решил податься в горы – тут ведь, поди, пять стволов не лишние будут.

¹⁶ Къарнаш – брат (черкесск.)

– Значит, так, – сказал хриплый, кладя документы Ковтуна в карман гимнастерки. – Кто вы такие, разбираться буду не я, а оперуполномоченный НКВД Кураков. А пока что руки за спину и вперед.

– Какой это Кураков? – обрадовался Ковтун. – Не Александр Павлович?

– Знакомы? – подозрительно спросил хрипый.

– Да служили вместе, еще до войны. Он же, Александр Павлович, тоже из кубанских казаков. Должен помнить меня.

– Ну, вот сейчас все и узнаем, – пообещал хрипый. Особенной доброжелательности в его голосе Леха не уловил.

«Что ж это такое, – думал Белоусов, чувствуя спиной холодный металл автомата, – свои же, а обращаются с нами, как с врагами! Того и гляди, расстреляют. Лучше бы мы затеяли бой с немцами, там, внизу, полегли бы как герои...»

Но их никто не расстрелял. Оперуполномоченный НКВД Кураков, большой, толстый мужчина с роскошными черными усами, действительно оказался хорошим знакомым дядьки Ковтуна.

– Ох, Ковтун, старый ты разбойник, – сказал он, обнимая приятеля. – Сколько ж лет мы с тобой не виделись?

– Три года, Сашко. Ты тогда в оперуполномоченные ушел, а я остался в полку молодых обучать.

– Точно! Твои хлопцы? – энкавэдешник ткнул пальцем в Белоусова.

– Теперь уж мои. Я их с-под Майкопа выводил.

– Ну, молодец, – Кураков прошелся вдоль понуривших головы казаков. – Хорошее дело сделал. Что грустим, орлы? Кончилось ваше отступление. Здесь теперь будет ваш рубеж, на нем будем стоять и с него не сойдем. Все ясно?

– Так точно, товарищ капитан!

– Ну, тогда сейчас идите, похлебайте щей и спать. Завтра отдыхать не придется.

После сытного ужина – первого за все дни их скитаний по горам – новоприбывших разместили на ночлег. Им выделили большую брезентовую палатку, в которую могло бы запросто по-

меститься десять человек. На полу лежали новенькие спальные мешки, но кроме четверых молодых казаков, в палатке больше никого не было.

Леха устроился в самом дальнем углу, так, что с левого бока у него было брезентовое полотнище. Повертелся, устраиваясь в мешке поудобнее. После ночевки на голой земле палатка казалась раем. Вот только сон почему-то не шел, перед глазами вставало то перекошенное лицо фрица, зарезанного Ковтуном в урочище, то каменная физиономия эсэсовца, которого они пытались подстрелить у реки.

Потом он все-таки задремал, но спал плохо и чутко, потому что посреди ночи вдруг проснулся от тихих голосов за стенкой палатки. Разговаривали двое, и один из них был точно дядька Ковтун.

– Как же такое вышло? – спрашивал он кого-то. – Не моего ума это дело, конечно, но подумай сам – здесь же важнейший стратегический пункт! Если его не удержать, немец через неделю будет в Черном море купаться! Наши братишки кровь проливают под Туапсе, только чтоб фрицы к побережью не вышли, а выходит, что зря? Если можно здесь пройти, через горы, зачем тогда Туапсе? Новороссийск зачем?

– Прав ты, сержант, – ответил второй голос – тусклый и глуховатый, – не наше это дело – обсуждать стратегию. Стратегией генералы в штабах занимаются. Наше дело – кровь проливать.

– Да крови-то не жалко, жалко ее зазря пролить! Я ведь как думал: на перевалах стоит 46-я армия, значит, они укреплены, как надо... А тут получается, у вас одна-единственная рота перевал держит? Даже не батальон!

– А это ты не мне скажи! – разозлился второй. – Это ты генералу Сергацкову расскажи! Здесь полк должен был стоять, понимаешь? А вместо полка – три роты, одна моя, две других в ущелье Клыч. Я звоню в управление 46-й армии, прошу меня соединить с Сергацковым, а меня соединяют почему-то с генералом Петровым из НКВД! Оказывается, он теперь возглавляет штаб войск обороны Кавказского хребта! Что за войска обороны? Та же 46-я

армия, только непонятно, кто кому подчиняется. То ли Петров Сергацкову, то ли наоборот! А в результате у меня под началом девяносто пять солдат, и я с ними должен остановить этих твоих эдельвейсов!¹⁷

– Уже сто, – поправил собеседника Ковтун. – С нами пятерыми считая. Но положение, конечно, аховое.

– Против дивизии не выстоим, – голос стал как будто еще тусклее и тише. – Сколько, говоришь, сил у этого твоего Ланца?

– До хрена и больше. Слушай, капитан, а можешь ты сейчас вот прямо позвонить в штаб и ошарашить их? Я так понимаю, никто там, в Сухуми, не верит, что немцы могут пройти через горы, оттого и не дают тебе подкреплений. А ты скажи, что фриц уже на пороге стоит! Что у тебя совершенно точные сведения! Пусть хоть полк пришлют, уже легче станет.

– «Хоть полк»! – передразнил его капитан. – Да я спасибо скажу, если те две роты, что внизу сидят, ко мне поднимутся!

Он закашлялся, сплюнул, проворчал что-то невнятное себе под нос.

– Ну так позвонишь? – спросил Ковтун.

– Позвонить, конечно, я могу. А что если спросят меня – откуда такие сведения?

– Скажешь – гвардии сержант Ковтун предоставил. Наблюдал, мол, за передвижением дивизии три дня и три ночи.

17 Специально для тех, кто считает, что автор пытается поставить под сомнение подвиг советского народа во время Великой Отечественной войны, поясню: к сожалению, слова командира роты, оборонявшей Клухорский перевал - не домысел автора. В книге военного историка В.В. Бешанова «Год 1942 – «учебный» - описаны грубейшие ошибки советского командования по организации обороны перевалов Кавказского хребта. «Основное внимание генералов Тюленева и Сергацкова было направлено на организацию обороны побережья. Высокогорные перевалы советское командование считало сами по себе непреодолимой преградой для противника и подготовке их к обороне не придавало особого значения. Фактически никакой обороны и не было. На перевалы заблаговременно не потрудились завезти взрывчатые вещества и материалы для устройства заграждений, не оборудовались позиции, не заминировали горные проходы и тропы. Наконец, на перевалах отсутствовали войска. В основном их прикрывали небольшие силы от роты до батальона, которые к тому же не имели связи со своими штабами. Личный состав таких отрядов не был подготовлен к действиям в горах, поэтому не мог создать надежную оборону и предвидеть возможные действия опытного противника. Северные склоны перевалов не оборонялись, разведка там не производилась. Командиры соединений и частей редко бывали на перевалах и плохо знали, как организована оборона. Уже после войны командир 815-го полка майор В.А. Смирнов рассказывал, что, находясь на Марухском перевале, он ни разу не видел своего командира. Некоторые перевалы вообще не были заняты войсками». Тех же читателей, кто не доверяет историку Бешанову, адресую к классическому труду маршала Советского Союза А.А. Гречко «Битва за Кавказ»

– А теперь вот представь, – сказал капитан после некоторого молчания. – Попадаю я на генерала НКВД Петрова. И первое, что он меня спрашивает: а какого рожна ты, капитан, не задержал гвардии сержанта, оставившего свой пост и сбежавшего с поля боя?

– Ты что, капитан, – с обидой проговорил дядька, – умом тронулся? На каком таком основании ты меня должен задерживать, если твой оперуполномоченный подтверждает, что я не немецкий шпион, а гвардии сержант Ковтун?

– На основании постановления Военного Совета фронта «О задержке неорганизованно отходящих отдельных подразделений и одиночек военнослужащих с поля боя» от 31 июля сего года, – четко, как будто рапортуя вышестоящему начальству, ответил капитан. – Согласно этому постановлению, сержант, путь тебе – в штрафные роты. Не вздумай возражать, ясно? Приказ есть приказ. Тебе и твоим хлопцам повезло, что Кураков у нас мужик настоящий, не то, что некоторые. А вот насчет генерала Петрова и его особистов я тебе обещать ничего не могу. Так что про тебя ничего говорить я не стану, не обижайся.

– Тьфу ты! Думаешь, мне славы захотелось? Скажи, что твоя собственная разведка отличилась. Есть у тебя разведка?

– Нету, – хмуро ответил капитан. – Разве что беженцы могли сообщить. Тут несколько дней назад просто столпотворение было – народ с севера сотнями шел, пешком, на телегах, со всем скарбом...

– И кто ж из крестьян так хорошо в военном деле разбирается? – с усмешкой спросил Ковтун. – Знает генерала Ланца и понимает, что такое горные егеря?

Капитан молчал. Молчание его было таким зловещим, что Леха у себя в спальном мешке поежился, как от холода.

– Слушай, капитан, – сказал Ковтун, – там, внизу, мы встретили партизанский отряд. Командует им такой Асланбек, мужик вроде дельный. Вот на него и вали, тем более, что я ему подробно все рассказал.

– Асланбек? – голос собеседника повеселел. – А что, сержант, это неплохая мысль! Я свяжусь со штабом немедленно. Может, еще и успеем.

Послышались шаги – Ковтун и капитан уходили от палатки.

Леха чувствовал себя голым и безоружным, хотя винтовки им вернули. Вот, значит, почему в палатке столько свободного места! На перевале попросту не хватает людей. А подкрепления пришлют, только если капитан убедит офицеров далекого штаба в том, что немцы действительно двинули главные силы через горы...

Он вспомнил ползущую по речной долине серо-зеленую змею, представил, как эта змея взбирается на седловину между двух снежных гор и скользит вниз, мимо ледников, к теплому и ласковому побережью Черного моря у сказочного города Сухуми. А на ее пути – только крохотные партизанские отряды да разбросанные по всему хребту стрелковые роты.

И он, Леха Белоусов, со своей винтовкой.

«Меня здесь убьют, – вдруг подумал он. – Нас всех здесь поубивают, и пройдут по трупам, и спустятся к теплому морю. Зачем только я подслушал этот разговор? Теперь умирать будет в сто раз страшнее...»

Он и сам бы не мог объяснить, почему смерть показалась ему вдруг такой отвратительной и ужасной. Одно дело – погибнуть в бою, зная, что твоя смерть не напрасна, что об нее, как о камень, споткнется нога захватчика. И совсем другое – когда знаешь, что твоя смерть ничего не изменит.

Он лежал в темноте, глядя в брезентовый потолок палатки, и пытался унять подступавшую откуда-то изнутри постыдную дрожь.

«Я – казак, – говорил себе Леха, – я – русский солдат! А русские никогда не сдаются и не отступают. Я уже и так запятнал себя, когда не вступил в бой с немцами у Апшеронского. Когда ушел в эти горы. Правда, я же не знал тогда о приказе, про который говорил капитан! Но это меня не оправдывает. Я должен искупить свою трусость. Никуда я больше отсюда не побегу. Пусть убьют. Пусть убьют, раз уж так вышло, что нас – рота против дивизии. Но перед тем, как погибнуть, я убью столько немцев, сколько смогу. И змея, которая готовится проглотить Сухуми, станет

меньше. И может быть, именно это позволит в конце концов перебить ее поганый хребет...»

Только под утро, когда в палатку влез, ругаясь шепотом, дядька Ковтун, Леха почувствовал, что владевшее им напряжение вдруг ослабло – мгновенно, будто кто-то разрезал сдавливавшие тело веревки. Он мягко соскользнул в сон, глубокий и черный, как омут. А проснулся от грохота рвущихся бомб и рева тяжелых бомбардировщиков.

Дивизия «Эдельвейс» пошла на штурм Клухорского перевала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Медея

Северный Кавказ, август 1942 года

Егеря взяли перевал за полтора часа.

Разведчики доложили генералу Ланцу, что Военно-Сухумская дорога, по которой несколько дней назад шли на юг беженцы из адыгейских аулов и кубанских станиц, небезопасна – в лесах прячутся партизаны, получившие приказ задержать продвижение немецких войск в горы. Ланц посоветовался с гауптманном Гротом и решил действовать хитростью. Он посулил щедрую награду местным пастухам, и те согласились провести егерей известными им одним овечьими тропами.

Егеря прошли там, где пройти, казалось, было невозможно. Они дважды перешли вброд бурный, доходящий до пояса поток ледниковых вод и обошли передовые позиции русских. Отряд лейтенанта фон Хиршфельда с тяжелыми пулеметами и гранатометами после многочасового восхождения поднялся на крутой западный гребень перевала, господствующий над местностью. Теперь егеря видели, кто им противостоит.

– Доннерветтер, – сплюнул лейтенант фон Хиршфельд, – мне говорили, что придется иметь дело с целым батальоном, а я вижу здесь одну несчастную роту!

Тем не менее, он решил действовать наверняка. По его просьбе генерал Ланц вызвал авиацию. Бомбардировщики 4-го воздушного флота Вольфрама фон Рихгоффена пронеслись над седловиной гор и сбросили зажигательные бомбы, отвлекая внимание защитников перевала. Затем ушли дальше к побережью и отбомбились по Сухуми.

Рота, надо отдать ей должное, оборонялась стойко. Если бы наступление осуществлялось только снизу, по Военно-Сухумской

дороге, русским, возможно, удалось бы задержать егерей на сутки, а то и на двое. Но эдельвейсы свалились им на голову с западного гребня Клухора, и это решило исход боя. Через полтора часа потерявшая больше половины личного состава рота под шквальным огнем противника отступила вниз по южному склону Большого хребта. Егеря, охваченные горячкой легкой победы, бросились их преследовать, но наткнулись на заградительный огонь еще двух стрелковых рот, засевших в ущелье реки Клыч.

– Черт с ними, – решил фон Хиршфельд, – этих мы всегда успеем прикончить.

Он отдал приказ прекратить преследование и ждать подкреплений от медленно поднимавшегося по северному склону генерала Ланца.

Фон Белов и Раттенхубер оказались на перевале спустя час после того, как здесь затихла стрельба. Егеря по-хозяйски обустроивались в блиндажах и палатках русских, кто-то уже разжигал огонь в закопченных буржуйках, кто-то деловито обшаривал трупы защитников перевала. Веселый баварец с большим родимым пятном на щеке наигрывал на губной гармошке все ту же вездесущую «Эрику».

– Наши потери – шесть человек, – с гордостью доложил Хиршфельд Раттенхуберу. Вообще-то он не обязан был этого делать, но генерал Ланц мог прибыть еще нескоро, а лейтенанту до смерти хотелось, чтобы его воинское мастерство оценили по достоинству. – Потери русских – более семидесяти человек, не считая тяжело раненых, которых они забрали с собой.

– Отлично, лейтенант, – кисло сказал Раттенхубер. Он не понимал, почему русские оставили на перевале такие незначительные силы и подозревал здесь ловушку. Заманить передовые части «Эдельвейса» на плохо охраняемый перевал, а потом уничтожить их превосходящими силами – это было бы разумно, если бы не потеря русскими всех господствующих высот. Впрочем, когда подойдет генерал Ланц, русские в любом случае уже ничего не смогут сделать. – Вы превосходно справились.

– Хайль Гитлер! – бодро воскликнул Хиршфельд, вытягивая правую руку. На его загорелом лице профессионального альпиниста сверкали ярко-голубые арийские глаза.

Раттенхубер вернулся к лошадям. Мария фон Белов озабоченно осматривала ногу своего буланого жеребца – несмотря на мази, которые она накладывала на рану, кабардинец хромал все больше. Бедняга Йонс сидел на большом плоском камне и тяжело дышал, время от времени прикладывая руку к сердцу. Ездить верхом он не умел, к тому же лошади для него все равно бы не нашлось – пришлось старику тащиться по узким овечьим тропам пешком. При переходе через ледяной поток двое дюжих егерей несли его на руках, но старик все равно ухитрился замочить ноги. Сейчас на него жалко было смотреть. Огромный Казбек сидел рядом с хозяином и преданно заглядывал ему в глаза, как бы говоря: я вижу, что тебе худо, да вот беда, помочь ничем не могу.

– Коня придется оставить здесь, – сказала фон Белов. – Нога загноилась, боюсь, как бы не было воспаления надкостницы.

– Дальше идти пока все равно некуда, – пожал плечами Раттенхубер. – Егеря сработали чисто, но русские ожесточенно обороняют южный склон.

– Думаю, к вечеру мы их оттуда сбросим, – к Марии вернулось хорошее настроение. – Впрочем, главное в любом случае уже сделано. Клухор теперь наш. Знаете, Иоганн, что означает слово «Клухор»? Это искаженное «колх-ор», или «путь колхов». Ну, а кто такие колхи, вам, надеюсь, объяснять не надо.

– Обитатели Колхиды, – буркнул оберфюрер. – Те, у которых аргонавты похитили Золотое Руно.

– Совершенно верно! А как звали жрицу колхов, которая помогла Ясону добыть сокровище, помните?

Раттенхубер разозлился. Пусть для этой возмнившей о себе дамочки он всего лишь тупой полицейский, но кое-какое образование он все-таки получил.

– Медея, – сказал он сухо. – Вы намерены продолжать экзамен?

– До чего вы обидчивы, Иоганн! – улыбнулась Мария. – Я всего лишь хотела рассказать вам сказку... правда, довольно страшную. В ней, пожалуй, есть даже кое-что детективное. Ну так что, готовы вы выслушать историю о самом жестоком серийном убийце древнего мира? Да и вы, Людвиг, послушайте, это отвлечет вас от забот о собственном здоровье!

– Я в порядке, – буркнул Йонс.

– Тем более. Медея была жрицей богини Луны Гекаты. Кроме того, она была дочерью местного царя. Про ее жизнь до прибытия в Колхиду аргонавтов известно очень мало. Судя по всему, ей смертельно надоела эта забытая богами провинция – иначе трудно объяснить, почему она с такой легкостью стала помогать пришельцам.

– Насколько я помню, – сказал Раттенхубер, – она влюбилась в предводителя аргонавтов, Ясона.

Мария фон Белов фыркнула.

– Дальнейшие события показывают, что Медее понадобился благовидный предлог, чтобы сбежать из Колхиды. Внезапно вспыхнувшее чувство к красавцу-греку оказалось как нельзя более кстати. Но я уверена, что в действительности Медея просто использовала Ясона. Впрочем, слушайте дальше.

Она отбросила испачканную желтой мазью тряпку и сняла с пояса флягу с водой. Плеснула на ладони и энергичными движениями потеряла их друг о друга.

– Как известно, Золотое Руно было величайшим сокровищем Колхиды. Наивные греки верили, что речь действительно идет о чудесном баране, которого колхам послали боги, а наши ученые поспешили объяснить этот миф тем, что жители Кавказа якобы намывали золото, опустив в ручей баранью шкуру. Попробовали бы они сами так намывать золото!

– И что же это было, по-вашему?

– Я уверена, что в мифе о Золотом Руно отражены гораздо более древние и таинственные реалии.

Мария присела на камень рядом с Людвигом Йонсом. Протянула руку и потрепала Казбека по холке. Пес недовольно заворчал.

– Не стоит вам этого делать, госпожа, – предупредил Йонс. – Казбек не любит, когда его трогают чужие.

– Это правильно, – сказала фон Белов, убирая руку. – Хороший пес должен знать только одного хозяина. А ему знакома команда «свой»?

– Да, – помедлив, ответил Йонс. – Но сейчас я ее не давал.

– Я заметила. Итак, вернемся к Руно. Оно тесно связано с небом и небесными телами – в данном случае, с созвездием Овна. Для

понимающего человека это ясный знак – то, что греки называли Руном, упало когда-то с неба. Еще более забавно, что в ранних версиях мифа фигурировал вовсе не баран, а человек по имени Крий. Колхи содрали с него кожу, позолотили ее и повесили в святилище Гекаты.

– И что же все это должно означать? – спросил Раттенхубер.

– Довольно странно слышать такой вопрос от детектива. Например, можно вообразить себе некоего межзвездного путешественника, прибывшего на Землю в специальном защитном костюме золотистого цвета. После его смерти дикари снимают с него костюм и вешают на ветвях священного дуба. Чем вам не Руно?

– Я знал одного человека, – сказал Раттенхубер, – его звали Вендерс. Он утверждал, что принимает телепатические сигналы с Марса, где живут невысокого роста человечки с зеленой кожей. Он выступал с лекциями в Мекленбурге и пользовался большой популярностью. Потом он затеял сбор средств для постройки телескопа, в который можно было бы разглядеть марсианские города и прочие диковины. Собрал двенадцать тысяч марок и был таков. Позже его арестовали в Гамбурге как брачного афериста.

– На что вы намекаете? – нахмурилась фон Белов.

– Когда я слышу про звездных пришельцев, сразу вспоминаю этого Вендерса, только и всего.

– Это говорит лишь об ограниченности вашего кругозора, дорогой оберфюрер. Вы ничего не слышали про плато Наска в Перу?

– Представьте, нет. Там тоже побывали зеленые человечки?

– Весьма вероятно, но об этом как-нибудь в другой раз. Так вот, Медея была не только жрицей Гекаты, но и хранительницей Руна. Однако, когда в Колхиду прибыли аргонавты, она, не задумываясь, согласилась помочь им стянуть сокровище. Святилище, согласно легенде, охранял дракон. Медея нейтрализовала чудовище, опоив его сонным снадобьем, после чего Ясон зарезал дракона, забрал Руно и поспешил убраться из Колхиды. Медея, естественно, последовала за ним. С собой она взяла своего маленького брата Апсирта. Колхи снарядили погоню. Когда их корабли были уже совсем близко, Медея разрежала брата на кусочки и разбросала их по морю. Ее отцу пришлось остановить корабли, что-

бы собрать останки Апсирта для захоронения. Так Медея помогла аргонавтам ускользнуть от погони.

– Изобретательная дамочка, – сказал Раттенхубер. – В 1932 году в Киле был похожий случай. Хозяйка мясной лавки зарезала своего сожителя, искромсала его на куски и скормила собакам...

– Иоганн, – в голосе Марии фон Белов был лед, – если вы не прекратите комментировать мой рассказ примерами из вашей полицейской практики, я, пожалуй, займусь более важными делами.

– Нет-нет, продолжайте, пожалуйста! – усмехнулся оберфюрер. – Чрезвычайно занимательная история. А вы как считаете, Людвиг?

– Я человек простой, – пробормотал Йонс, – и в таких делах ничего не понимаю. Но сдается мне, эта ваша Медея была очень злой женщиной. Слыханное ли дело – брата родного убить!

– Погодите, это еще только начало! Дальше было еще интереснее. Аргонавты вернулись на родину, где правил дядя Ясона, Пелий. У Ясона с Пелием были старые счеты – тот убил его отца и брата. Но просто так до Пелия было не добраться – он окружил себя надежной охраной. Кстати, Иоганн, вам, как профессионалу, это должно быть интересно. Медея придумала хитрый план. Она завязала дружбу с дочерьми царя – девицами чрезвычайно наивными – и под большим секретом рассказала им, что владеет искусством омоложения. Для большей убедительности она взяла старого барана, разрубила его на куски...

– Как покойного братца, – вставил Раттенхубер.

– Ну да. Только потом она бросила эти куски в котел с кипящим колдовским зельем и вынула оттуда живехонького ягненка.

– Фокус, – сказал Раттенхубер.

– Я тоже так думаю, – кивнула фон Белов. – Но на дочек Пелия он произвел большое впечатление. Они решили сделать папочке сюрприз и омолодить его. Вот только когда они побросали разрезанного Пелия в котел, Медея внезапно отказалась его воскрешать. Ясон был отомщен, но ему с Медеей пришлось бежать из города.

– Они еще легко отделались, – заметил Иоганн.

– Ну, Ясон все-таки был национальным героем. В Коринфе, где их приняли с почетом, Медея некоторое время вела тихую семейную жизнь. Она даже родила Ясону двоих сыновей. Но эта идиллия быстро закончилась. Медея наскучила Ясону, и он решил взять в жены дочь коринфского царя Главку. Мечь отвергнутой Медеи была страшна: она пропитала ядом красивую одежду и послала ее сопернице в качестве свадебного дара. Когда Главка надела платье, оно вспыхнуло, как просмоленный факел. Вместе с Главкой погиб и царь Коринфа. Но Медее этого было мало – ей хотелось нанести изменнику такой удар, от которого он бы уже никогда не оправился.

– Вы же говорили, что ее чувства к Ясону были неискренними?

– Это совершенно неважно. Ясон оскорбил ее, и его нужно было наказать. Медея убила своих детей на глазах у мужа – напомним, это были мальчики, то есть наследники героя. А затем, прежде чем Ясон успел остановить ее, скрылась с места преступления на колеснице, посланной ее покровительницей Гекатой. Расчет Медеи оказался верен – убийство детей подкосило Ясона. По одной версии, он повесился на оливе, по другой – скитался бесцельно по Элладе, пока не нашел смерть под обломками своего старого корабля «Арго». В любом случае, с героем Ясоном было покончено.

– Типичная женская мстительность, – не утерпел Иоганн.

– Ну, нельзя отрицать, что Медея действовала с размахом. Отомстив неверному мужу, она отправилась в Афины, где вышла замуж за местного царя. Там она попыталась отравить сына царя, Тесея, но была изобличена. Ей снова пришлось бежать, и на этот раз она вернулась на свою родину, в Колхиду.

– Не побоялась, что ей припомнят убийство брата? – спросил заинтересовавшийся рассказом Йонс.

– Скорее, надеялась на счастливый случай. И, надо сказать, Медее крупно повезло: ее отец, который, возможно, захотел бы покарать ее за смерть Апсирта, был убит своим родственником по имени Перс. Медея, не долго думая, возглавила борьбу против узурпатора и прикончила его своими руками.

– Это уже седьмое по счету убийство, – заметил Раттенхубер. – Не считая покушения на Тесея в Афинах.

– Совершенно верно, – кивнула Мария. – Вы наблюдательны, оберфюрер. Интересно, что все эти преступления остались совершенно безнаказанными: напротив, боги отправили Медею на Острова Блаженных, где она вышла замуж за величайшего из героев Ахилла и обрела бессмертие. Это удивительно, потому что обычно олимпийские боги карали смертных за такие преступления, как убийство своих родственников и особенно детей. Здесь же все ровно наоборот.

Со стороны южного склона послышалась беспорядочная стрельба. Раттенхубер обернулся: над позициями, захваченными сегодня утром, поднимались белые столбы дыма. Егеря цепью бежали к склону, подгоняемые резкими командами лейтенанта фон Хиршфельда.

– Похоже, русские предприняли контратаку, – озабоченно сказал оберфюрер. – Здесь оставаться небезопасно, нужно перейти в укрытие.

– Да бросьте, Иоганн, – Мария беспечно махнула рукой. – Русским ни за что не отбить высоту. Сейчас Хиршфельд сбросит их со склона.

Над горами, натужно ревя, пронесся истребитель с черными крестами на фюзеляже. Тяжело ударили пулеметные очереди, взлетели фонтаны каменной крошки.

– Секрет Медеи, – как ни в чем не бывало, продолжала Мария фон Белов, – в том, что у нее была весьма могущественная покровительница, богиня Геката. Именно она обеспечила своей жрице то, что христиане назвали бы отпущением грехов. Но поскольку в нордической эллинской культуре не было еврейского понятия греха, все поступки Медеи следует объяснять тем, что, убивая людей, она выполняла волю своей богини.

– Человеческие жертвоприношения? Но ведь греки были цивилизованным народом!

– Разумеется, оберфюрер, – снисходительно улыбнулась фон Белов. – Вот только культ Гекаты намного древнее эллинской культуры. Он пришел из глубин Фракии, страны, расположенной на юге Балканских гор. Там же, на Балканах, издавна верят во встающих из гроба мертвецов, которые по ночам пьют кровь у случайных прохожих на перекрестках...

– Вампиры? Штандартенфюрер, да вы просто насмотрелись фильмов Мурнау!

– На Балканах этих существ называют «поколи». Между прочим, в начале восемнадцатого века власти Австро-Венгрии не раз отправляли в Сербию специальные команды солдат, вооруженных винтовками с серебряными пулями. Существуют подлинные протоколы расследований, датирующиеся 1725 годом – в этих документах говорится о том, что полевые хирурги австрийской армии проводили вскрытия покойников, подозреваемых в вампиризме. И по меньшей мере в двух случаях речь действительно шла о вампирах¹⁸!

– Не знаю, что насчет Сербии, – неожиданно заявил прислушавшийся к спору Людвиг Йонс, – но здесь, в горах, рассказывают страшные сказки о ведьме Арупап. Вот вы, госпожа, упомянули о перекрестках, так местные жители издавна считают, что перекрестки дорог, по которым никто не ходит – самые жуткие места, особенно ночью...

– Совершенно верно, Людвиг, – кивнула Мария. – Я тоже слышала сказки про Арупап. Но так ли уж важно, как зовут это чудовище? На Балканах, в древней Греции, здесь, на Кавказе, знали, что ночь принадлежит жестокому и внушающему ужас женскому божеству, связанному с Луной и перекрестками забытых дорог. Мне лично больше нравится называть ее Гекатой, но это дело вкуса.

– И для чего, позвольте спросить, вы рассказали нам эту чрезвычайно увлекательную историю? – спросил Раттенхубер.

– Всего лишь для того, чтобы немного развлечь вас, – усмехнулась фон Белов. – Кроме того, мы с вами вот-вот вступим на земли, принадлежавшие некогда древним колхам, а значит, находившиеся под покровительством богини Гекаты.

– Фрау фон Белов, – взмолился Йонс, – я не хочу больше никуда идти! У меня внизу хозяйство, коза, огородик. Позвольте, я спущусь обратно!

Мария бросила на старика быстрый и, как показалось Раттенхуберу, сочувственный взгляд.

18 Случай австрийского солдата Арнольда Павле, укушенного вампиром во время войны с турками, и сербского крестьянина Петра Благоевича из села Кисилова

– Не сейчас, Людвиг. Еще не сейчас. Вы мне вскоре очень понадобятся. Но если наши храбрые альпийские стрелки выбьют русских из долины Клыч сегодня к вечеру, то завтра я вас отпущу. Даю слово.

Леха Белоусов оказался одним из тех, кому удалось выжить в бою на перевале. Пуля немецкого егеря пробила его каску, но голову каким-то чудом не задела. Только в ушах у него теперь стоял непрекращающийся шум и звон.

Максима Приходько ранило в плечо. Антохе Боброву осколком мины оторвало кисть левой руки. Васю Шумейко расстрелял фашистский автоматчик.

А дядька Ковтун вышел из боя без единой царапины. И не только вышел, а и вывел из-под шквального огня семнадцать человек. Командира, того самого, что обещал позвонить в штаб и потребовать подкреплений, Ковтун вынес на себе.

– Вот они, фрицы, – ворчал он, разглядывая в бинокль зазубренные скалы, нависавшие над седловиной. – Расселись, как воронье поганое. Чуюло мое сердце, что они проберутся с той стороны, ох, чуюло...

– Там нельзя было подняться, – простонал капитан. – Мы проверяли этот гребень, туда даже одному человеку трудно взобраться, не то что двум ротам пулеметчиков!

– Говорю ж тебе, это едельвейсы, – терпеливо объяснил Ковтун. – Они, собаки, тренированные...

Они шли вниз по ущелью – все семнадцать человек, оставшиеся в живых после штурма перевала. Здоровые помогали идти раненым. Тех, кто не мог идти сам, тащили на носилках. Через каждый километр приходилось делать привал.

Сзади, на южном склоне, раздавалась беспорядочная стрельба – там две стрелковые роты пытались прикрыть их отход. Но ясно было, что долго им так не продержаться.

– Ничего, – скрипел зубами капитан, – в ущелье они застрянут. Оно узкое, как бутылочное горлышко, там им не развернуться. А на выходе из ущелья стоит 394-я дивизия...

– Что, прям целая дивизия? – хмыкнул Ковтун.

– Да нет, конечно... там штаб ее, может, пара батальонов... но чтобы запереть ущелье, этого хватит.

Тут он страшно застонал и потерял сознание.

Лехе хотелось плакать. У него не получилось умереть, обороняя перевал от немцев. Он вообще ничего не соображал после этой дурацкой пули, угодившей в каску. Когда дядька Ковтун схватил его за шиворот и отшвырнул к тропинке, спускающейся по южному склону, он даже не понял, что ему снова приказали отступать. Но теперь, немного придя в себя, Леха осознал, что они отступают. Отступают, потому что ничего не могут сделать с прущей через перевал силищей. И в то, что фашистов сумеют остановить где-то там, впереди, у выхода из ущелья, Белоусов уже не верил.

– Почему так вышло, дядька Ковтун? – спросил он у гвардии сержанта. – Почему так мало наших было на перевалах? Я же видел, егерей тоже было немного! Да будь у нас батальон, они ни за что не пробились бы!

– А потому что в штабе долбодятлы сидят, – устало ответил Ковтун. – Не верили, что фриц через горы ползет – вот и получили. Ладно, Леха, не горюй, мы с тобой еще повоюем!

Гул в ушах усилился. Леха потряс головой, но стало только хуже.

– Смотри, – Ковтун толкнул его железным локтем, – да не туда, глаза-то подними! Наши летят...

Белоусов посмотрел вверх и губы его против воли сами раздвинулись в улыбке.

В ярко-синем небе над ущельем появились самолеты – обычные «этажерки» У-2 с пятиконечными звездами на фюзеляжах. Их крылатые тени скользили по склонам, по обращенным к небу лицам солдат разбитой роты. Самолетов было всего пять, но они были! И летели туда, где отбивались от нападающих егерей стрелки 815-го полка.

– Наконец-то зашевелились! – буркнул Ковтун. – Сейчас отбомбятся маленько по немцам, все ж какая-то польза...

Но он ошибся. Бомбежки они так и не дождались. Самолеты, сделав круг над перевалом, ушли обратно на юг.

– Русские сбрасывают своим стрелкам оружие и боеприпасы, – доложил фон Хиршфельд генералу Ланцу. – Они используют для этого свои легкие бомбардировщики. За рекой и у водопада окопались две стрелковые роты. Позвольте мне выбить русских из ущелья, генерал!

– У вас будет возможность еще раз отличиться, лейтенант, – заверил его Ланц. – В ущелье я пошлю полк майора Залминтера. А ваши егеря, фон Хиршфельд, пройдут по крутым склонам и повторят тот трюк, который позволил вам так быстро взять Клухорский перевал. Мы будем бить русских таким способом до тех пор, пока они не сообразят, что защищаться надо не только от фронтальной атаки, но и от атаки сверху.

– Мои егеря не подведут, – козырнул фон Хиршфельд.

– Дорогой генерал, – Мария фон Белов, стоявшая чуть поодаль, послала Ланцу самую очаровательную из своих улыбок, – позвольте мне опять присоединиться к отряду лейтенанта. Мне кажется, во время штурма перевала мы не были ему в тягость...

– Это слишком опасно, – нахмурился Ланц. – Вас все время тянет в самое пекло, Мария. Почему...

Неподалеку неожиданно разорвался снаряд. У фон Хиршфельда с головы сорвало бергмютце, адъютант Ланца от испуга слегка присел.

– Здесь не менее опасно, генерал, – Мария спокойно поправила растрепанные ударной волной волосы. – В конце концов, року все равно, где искать свои жертвы. Но для выполнения миссии, возложенной на меня фюрером, мне необходимо как можно скорее попасть на ту сторону хребта.

– В таком случае спрашивайте лейтенанта, – недовольно проговорил Ланц. Видно было, что хлопоты с непоседливой дамочкой из ставки ему уже осточертели. – Если он не против...

– Почту за честь, – галантно козырнул фон Хиршфельд. – Как и в прошлый раз, вы пойдете в арьергарде.

Этот переход оказался еще сложнее, чем подъем на перевал Клухор. Егеря ползли по отвесным скалам, как ящерицы-гекконы. Глубоко внизу, в ущелье, трещали автоматные очереди и тяжело бухали гранатометы – это полк майора Залминтера методично выдавливал русских на середину ущелья.

– Мы свалимся на них сверху, когда они меньше всего будут этого ожидать, – сказал егерь, страховавший Раттенхубера. – Никто и глазом моргнуть не успеет, а ущелье будет нашим.

– А через пару дней мы будем купаться в Черном море и пить сухумское вино, – подхватил другой. – Правда, для этого придется немного попотеть.

Раттенхубер проснулся за мгновение до того, как чья-то рука коснулась его щеки.

– Вставайте, Иоганн, вы нужны мне, – Мария фон Белов почти шептала, но голос ее звучал требовательно. – Нам предстоит небольшая экскурсия.

Оберфюрер вылез из своего спального мешка, мучительно соображая, сколько сейчас может быть времени. Легли они около полуночи, и ему казалось, что он едва успел смежить веки.

Мария выглядела свежей, как будто спокойно спала целую ночь. Она была одета в охотничий костюм, за спиной у нее был рюкзак.

– Три часа ночи, – словно прочитав его мысли, сказала Мария. – Полагаю, до рассвета мы управимся.

– Управимся с чем?

– Мы отправляемся к водопаду. Возьмите с собой плащ-палатку, возможно, придется немного помокнуть.

Иоганн вылез из палатки, стряхивая с себя последние клочья сна. Было слышно, как вдалеке ровно шумит водопад – будто идет невидимый дождь.

– Разбудите Людвига, – велела фон Белов. – Он нам нужен. И пусть обязательно возьмет с собой своего пса.

Раттенхубер, ворча себе под нос, направился к палатке старика. Казбек лежал около входа, вытянув мощные лохматые лапы. Не успел Иоганн приблизиться, пес проснулся и сел, предупреждая ворча.

– Ну, ну, старина, – ласково сказал оберфюрер, – это же я, твой приятель.

Но Казбек был решительно не намерен признавать Раттенхубера своим приятелем. Когда Иоганн сделал еще один шаг, он зарычал и оскалил острые клыки.

– Тихо, Казбек, – донесся из палатки сонный голос Йонса. – Что это ты разошелся?

– Людвиг, – позвал Раттенхубер, останавливаясь. – Просыпайтесь. Вас хочет видеть госпожа фон Белов.

Про то, что Мария хочет видеть также и Казбека, он решил не говорить – все равно огромный пес ни на шаг не отходил от своего хозяина.

– Отлично, – сказала фон Белов, оглядев с ног до головы Раттенхубера и Йонса. – Сейчас нам нужно будет закончить с одним маленьким дельцем. Вы должны беспрекословно выполнять все, что я буду вам говорить. Все вопросы потом, но я обещаю, что отвечу на все. Иоганн, не могли бы вы одолжить мне на несколько минут свой нож?

– Пожалуйста, – недоумевая, Раттенхубер протянул ей массивный охотничий нож, который висел у него на поясе.

– А теперь – за мной, – скомандовала Мария. Она уверенно направилась к шумевшему в темноте водопаду. В свете крупных звезд, сиявших над ущельем, ее фигура казалась вырезанной из черного бархата.

Метрах в двадцати от водопада, в тени возвышавшегося над ними альпинистского приюта, фон Белов остановилась.

– Здесь пересекаются две дороги, – пробормотала она. – Одна из них очень старая и совсем забытая – это древний путь колхов. Вторая проложена намного позже, но по ней совсем недавно отступали русские. Это, конечно, против правил, но, может быть, кровь, которой полита эта дорога, будет угодна богине...

– Что вы сказали? – спросил Раттенхубер.

– Ничего, неважно. Людвиг, я попрошу вас встать вот сюда, прямо в центр перекрестка. Да, вот так. Теперь сядьте на корточки и обнимите вашего пса. Держите его крепко.

– Зачем, моя госпожа? – встревожился старик. – Что вы собираетесь делать?

– Я же сказала – все вопросы потом!

В голосе фон Белов прозвучало раздражение. Напуганный Йонс подчинился и крепко обнял недовольно ворчавшего Казбека.

– Иоганн, встаньте сбоку. Будьте готовы при необходимости пустить в ход оружие.

Раттенхубер, по-прежнему ничего не понимая, вытащил из кобуры свой Вальтер.

– Теперь слушайте меня внимательно, Людвиг. Я сейчас сяду рядом с вами и тоже обниму собаку. Перед этим вы должны командовать Казбеку, что я – своя. Вам понятно?

– Да, – дрожащим голосом проговорил Йонс. – Казбек, фрау – своя. Своя!

– Очень хорошо, – Мария присела рядом со стариком и обняла огромного пса за шею. – Теперь можете его отпустить. Встаньте и стойте в двух шагах позади.

Фон Белов аккуратно погладила Казбека по лобастой голове. Потом принялась чесать ему шею. Казбек глухо ворчал, но Раттенхуберу показалось, что процедура ему, в общем-то, нравится.

– Хороший пес, – говорила Мария, почесывая Казбека под челюстью. – Хороший, умный, сильный... Самый лучший пес в этих горах!

Потом она заговорила на каком-то неизвестном Раттенхуберу языке, но псу, как видно, было все равно. Он ворчал, прикрывал глаза и иногда вытягивал шею, чтобы удобнее было чесать. Мария произносила слова монотонно, растягивая гласные, и Иоганн в какой-то момент обнаружил, что ее абракадабра действует на него усыпляюще. Он перевел взгляд на Йонса – тот тоже выглядел сонным. Казбек склонил тяжелую голову набок, будто прислушиваясь к необычным словам.

Дальнейшее произошло так быстро, что Раттенхубер даже не успел осознать увиденное.

В руке Марии фон Белов блеснуло лезвие ножа. Не переставая нашептывать что-то на ухо псу, она с быстротой кобры полоснула ножом по мохнатой шее Казбека.

Пес дернулся и захрипел. Кровь выплеснулась у него из пасти на охотничью куртку фон Белов. Он попытался сомкнуть челюсти на руке, в которой был зажат нож, но силы оставили его. Мария отпустила Казбека, и он тяжело рухнул в пыль у ее ног.

Йонс тонко закричал, но голос его утонул в шуме водопада. Он бросился на Марию фон Белов и замахнулся, чтобы ударить ее по голове. Раттенхубер схватил его за шиворот и отволоч в сторону.

– Только без глупостей, Людвиг!
– Держите его крепко, Иоганн, – бросила фон Белов, не оборачиваясь. – Сейчас мне никто не должен мешать.

Она сняла с плеч рюкзак и поставила его на землю. Развязала тесемки и достала оттуда горсть старых костей, найденных в склепах пещерного кладбища. Принялась аккуратно раскладывать их вокруг вздрагивающего в конвульсиях тела Казбека, явно придерживаясь определенного плана.

«Она сошла с ума, – подумал Раттенхубер. – Сначала зарезала собаку, теперь выкладывает рисунки из костей».

Йонс трясся в его руках, как эпилептик. Он уже не кричал, только что-то бессвязно бормотал себе под нос.

– Ну, ну, Людвиг, – Раттенхубер, продолжая удерживать старика за плечи, усадил его на землю. – Успокойтесь. В конце концов, это же только собака. Я распоряжусь, чтобы вам выдали компенсацию...

– Что? Что? – рыдая, проговорил Йонс. – Компенсацию? Мой Казбек... он был таким умным, таким преданным... и я сам... сам велел ему сидеть смирно...

– Я сожалею, Людвиг. Очень сожалею, поверьте. Фрау фон Белов находится здесь с важной миссией, и она...

– Ведьма она, вот что! – выкрикнул Йонс и затрясся еще больше. – Черная ведьма! Я еще тогда понял, когда голову эту страшную увидел. Надо было мне сразу бежать, бежать, куда глаза глядят...

– Но вы не убежали, Людвиг, – заметил Иоганн. – Теперь уже нет смысла бранить себя.

«Мне нужно остановить ее, – сказал он себе. – Иначе как бы мне самому не пришлось пожалеть о том, что я не сделал это вовремя».

– Мария! – позвал он, продолжая придерживать Йонса за плечи. – Послушайте, Мария!

Женщина даже не обернулась.

Она стояла на коленях рядом с мертвой собакой и сосредоточенно замыкала фигуру из костей. Насколько мог разглядеть в темноте Раттенхубер, это было что-то вроде звезды с длинными и острыми лучами.

Мария пела. Она пела негромко, так, что шум падающей воды не позволял разобрать слова. Но от интонации ее голоса у обер-фюрера по спине поползли мурашки.

Это был очень древний, смутно знакомый ему напев, то ли плач, то ли вой. Что-то первобытное, что-то темное, непонятно откуда известное Раттенхуберу, который никогда в жизни не слышал таких ритуальных песнопений. Может быть, звуки этого плача пробудили в нем память предков, живших в дремучих лесах и боявшихся ужасов ночи, ее крылатых демонов. Демонов зла, рыщущих над ночной землей и готовых растерзать заблудившегося путника. Путника, беспомощно озирающегося на перекрестке давно забытых дорог.

Вот из темноты доносится шорох огромных крыльев... Чья-то черная гибкая тень опускается с беззвездных небес. Она наклоняется над путником, вытягивает длинную шею. Блестят острые клыки.

Надо бежать, но человек не может. Он парализован чужой холодной волей. Он уже почти мертв от сжавшего его сердце ужаса. И все-таки он умирает не сразу. Он еще успевает почувствовать, как рвут его плоть мощные когти, как перекусывают его шею чудовищные челюсти.

Иоганн потряс головой, отгоняя навязчивое видение. Мария продолжала петь свою жуткую песню, но теперь она лежала на теле убитого Казбека, вцепившись обеими руками ему в кожу. Можно было подумать, что она оплакивает пса, которому сама только что перерезала горло.

– Прекратите! – крикнул Людвиг Йонс, пытаясь вырваться из железных рук Раттенхубера. – Прекратите это немедленно!

Мария взвыла. Йонс схватился обеими руками за голову, пытаясь заткнуть уши.

Фон Белов обернулась к мужчинам. Лицо ее было похоже на гипсовую маску, белокурые волосы разметаны, как солома.

– Заткните его, Иоганн! – прошипела она. – Великая Богиня идет!

Раттенхубер тряхнул Йонса, как котенка. У того лязгнули зубы, и он действительно замолчал. На мгновение вокруг стало очень тихо.

Даже гул водопада как будто растворился в царившем над ущельем безмолвии. Воздух стал ломким, как тонкий лед. Раттенхуберу показалось, что где-то рядом распахнулись невидимые двери, и все звуки, окружавшие их – шум воды, шорох сосен, пение ночных птиц – канули в открывшуюся за ними бездну. Наступило молчание, безграничное, давящее, наводящее ужас.

В этой абсолютной тишине оберфюрер увидел, как по ошетилившемуся лесом склону ущелья скользит огромная крылатая тень. «Планер, – подумал Раттенхубер. – Над горами летит русский планер. Он летит беззвучно и в свете луны кажется гораздо больше, чем на самом деле. Если я подниму глаза, я его увижу».

Но заставить себя посмотреть наверх он так и не смог.

Он стоял над обмякшим Йонсом, сосредоточенно разглядывая песок у себя под ногами. Вальтер у него в руке казался бесполезной игрушкой.

Время замерло.

Что-то происходило там, впереди, внутри выложенной из старых костей звезды. Что-то бесшумно передвигалось в темноте, большое, невидимое в ночи. Один раз Раттенхуберу показалось, что он ощутил на своем лице дуновение воздуха от взмаха огромного крыла.

Все его нервы были напряжены до предела. Сердце било в ребра, как таран в ворота осажденной крепости.

Кончилось это так же внезапно, как и началось. Звуки вернулись, будто кто-то выпустил их на свободу. В уши ударил гул падающей воды. Оберфюрер вскинул голову и увидел Марию фон Белов. Она, раскинув руки, лежала прямо в центре перекрестка. Кости, составлявшие пентаграмму, были разбросаны в беспорядке. Раттенхубер искал глазами Казбека, но не нашел его. Пес бесследно исчез, будто его и не было.

Раттенхубер подошел и поднял Марию фон Белов на руки. Она оказалась неожиданно тяжелой – все тело адъютанта фюрера словно окаменело. На лице, туго обтянутом неестественно белой кожей, застыло странное, незнакомое Иоганну выражение – смесь ужаса и экстаза. Зрачки закатились, рот был полуоткрыт, влажно сверкали зубы.

Раттенхубер отнес свою подопечную к водопаду и без особых церемоний сунул ее голову под струю воды.

– Если еще раз задумаете совершить такую гнусность, – сказал он, когда Мария отплевалась и отфыркалась, – на меня можете больше не рассчитывать.

– Бросьте, Иоганн, – хриплым голосом отозвалась фон Белов, – вы даже не понимаете, что мне удалось совершить.

– Неужели? По-моему, все предельно ясно. Вы прикончили ни в чем не повинную собаку и довели до сердечного приступа безобидного старика.

– Я открыла нам путь, Иоганн. Путь в самое сердце древней страны тайн. Богиня Луны услышала меня и приняла мою жертву. Теперь славный пес будет нашим проводником в лабиринтах подземного мира.

– По-моему, вы бредите, – грубо сказал Раттенхубер. – И, кстати, куда вы дели Казбека?

– Вы что, ничего не поняли? – фон Белов удивленно посмотрела на телохранителя. – Пса забрала она, Геката, Повелительница трех миров.

– А вы, стало быть, Медея?

– Браво, Иоганн. Вы действительно хороший полицейский. При случае я упомяну об этом фюреру.

Раттенхубер сплюнул и отвернулся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Западня

Где-то под Винницей, август 1942 года

– Вот здесь и живем, – сказал Титоренко, обводя рукой поляну. Поляна была бугристой, как будто из-под земли пробивались великанских размеров грибы. «Землянки», – понял Гумилев. – Восемьдесят пять человек у меня в отряде. Имеем на вооружении 45-миллиметровую пушку, пять станковых и десять ручных пулеметов. Есть еще один лагерь, неподалеку. Но там народу поменьше.

– Постоянно на одном месте? – спросил Шибанов, кусая травинку. – Не рискованно?

Титоренко махнул рукой.

– Да не, мест-то много. На зиму поближе к Озерищам переселимся, там у нас теплые схроны. Ну а пока и здесь неплохо. Немец сюда лезть боится, а если сунется, мы его опять раскатаем, как Тарас Иваныч учил...

– Значит, не вышло у Петренко до ставки добраться?

Титоренко помрачнел.

– Оттуда мало кто вернулся. Тебе с Антоном Крюковым поговорить надо, он там с Тарасом Иванычем был и в живых остался. Правда, ногу потерял.

– Ну так давай сюда своего Антона! Что с того, что без ноги. Мне ж с ним не плясать.

Начальник партизанского штаба развел руками.

– Нету здесь Антохи. Вернулся в Пружаны, к бабе своей. Я, говорит, на одной ноге по лесу уже не побегаю, а отряду лишние глаза и уши рядом с немцами не помешают. Так что он теперь у нас там навроде разведчика.

– А что, в Пружанах немцы есть?

– Наведываются иногда. Староста там местный очень перед ними выслуживается.

Шибанов задумчиво побарабанил пальцами по стволу осины.

– Чего-то я в толк не возьму, Михалыч. Если староста там – иуда, а Крюков ваш без ноги домой пришел, как так получилось, что немцы его сразу не сцапали? Ясно же, что он ногу не на рыбалке потерял?

– Старосте тоже жить охота, капитан, – вздохнул Титоренко. – Выдаст он Антоху, мы его повесим. А так он молчит, и фрицы ничего не знают.

– Сложно тут у вас, – крякнул Шибанов.

К ним подошла молодая круглолицая женщина со смеющимися васильковыми глазами.

– Пойдемте, товарищи, к костру, я вам борща налью.

– Борща – это хорошо, – оживился Теркин. – Я украинский борщ очень уважаю! Особенно если с чесночком да с краюшкой черного!

– Действительно, – спохватился Титоренко. – А то я вас тут разговорами замучил совсем.

Борщ оказался отменным. Гумилев быстро съел свою порцию и по приобретенной в лагере привычке вытер миску хлебным мякишем.

– Понравилось? Хотите, я вам еще налью? – спросила круглолицая.

– Если можно, – Гумилев протянул ей миску. Шибанов похлопал его по плечу.

– Ешь, Лева, ешь, набирайся сил. Они тебе понадобятся.

Гумилев вопросительно посмотрел на капитана.

– Идеи появились?

– Думаю, надо нам расспросить этого Крюкова как следует. Следишь за моей мыслью?

– Значит, пойдем в Пружаны?

Шибанов вздохнул.

– Времени у нас немного, вот в чем беда. Мы уже и так три дня потратили, а толку чуть. Хотел я вас со старшиной попросить сходить в Пружаны вдвоем, а сам тем временем занялся бы рекогносцировкой на местности. С другой стороны, сомнения меня гложут. Сможете вы все как надо разузнать? Вопросы верные задать?

– А то мы дети, – обиженно буркнул Теркин.

– Ну почему – дети? Нас вон в школе НКВД полгода специально учили, как допрос правильно вести.

– Так то – допрос, – сказал Гумилев. Что-то в словах капитана его покорило. – А мы ведь просто с человеком побеседовать хотим.

– Ну и хорошо, – Шибанов крепко сжал его запястье. – Я ведь, хлопцы, в вас не сомневаюсь. Одна просьба – не задерживайтесь там. Хорошо бы вам к ночи уже вернуться.

К ним подсел Титоренко. Улыбнулся, глядя на то, как гости упиывают борщ.

– Я твоим бойцам провожатого дам, капитан. Он сам с тех мест, все тайные тропки знает.

Повернулся, свистнул.

– Жигулин, ко мне!

Подбежал боец – невысокий, по-бабьи одутловатый. Винтовка за спиной у него болталась из стороны в сторону.

– Вот, знакомьтесь, Ефрем Жигулин. Ефрем, отведешь товарищей в Пружаны. Шепнешь Антохе, чтобы объяснил им все, что они попросят. Товарищи серьезные, из Москвы.

– Ну, командир, – досадливо протянул Шибанов. – Давай только без подробностей.

Титоренко и сам понял, что сказал лишнее. Сердито насупил густые брови.

– В общем, передай, что я велел ему отвечать на все вопросы. Подробно, понял?

– Понял, товарищ начштаба, – неожиданно молодцевато ответил Жигулин. – Передам все в лучшем виде!

– Потом приведешь товарищей обратно. И смотри, отвечаешь за них головой!

– Обижаете, товарищ начштаба, – боец дурашливо закатил глаза. – Разве Ефрем Жигулин вас подводил когда-нибудь?

– Кончай паясничать, – Титоренко повернулся к гостям, пожал плечами. – Вы не смотрите, что он с виду такой балбес, парень-то он неплохой. И образованный – учился до войны на зоотехника.

Неплохой парень Ефрем Жигулин оказался, к несчастью, невероятно болтлив. Всю дорогу он изводил Гумилева и Теркина рассказами о своих боевых подвигах, которых в его биографии, судя по всему, накопилось больше, чем у среднестатистического рыцаря Круглого Стола. На середине повести о том, как Жигулин заманил большой отряд немцев в болото, где они все и потонули, Гумилев не удержался и сказал:

– Знаешь, тебе повезло больше, чем Сусанину.

– Это почему? – не понял Ефрем.

– Сусанина поляки убили. А ты вон живой.

– Да ну, Сусанин, – недовольно поморщился Жигулин. – Это когда было! Да и вообще, сказки все это. Вы б еще татарское иго вспомнили. Я ж вам про настоящую жизнь рассказываю! Вот кончится война, непременно закончу учебу, а потом книгу напишу! «Война глазами партизана», ничего название, да? Или вот еще хорошее – «Суровые мстители». Правда, здорово?

– Чего уж мелочиться, – сказал Теркин. – Назови книжку «Меня боялся сам Гитлер». И чтоб обязательно с портретом автора на обложке.

– Да ну, – порозовел Жигулин, – нескромно как-то...

Некоторое время он молчал, пытаясь понять, не смеются ли над ним гости, но поскольку Теркин и Гумилев не стали развивать тему, наслаждаясь долгожданной тишиной, ни к какому определенному выводу так и не пришел.

– А сильно фрицы Москву-то разбомбили? – спросил Ефрем минуты через две. Видимо, молчать дольше он был физически не способен.

– А ты сам-то в Москве бывал? – вопросом на вопрос ответил Теркин.

– Сеструха у меня три года назад ездила. Красотища, говорит, невероятная. Вот я и интересуюсь – осталось от той красоты чего или немец, тварюга, все подчистую разнес?

– Осталось, осталось, – буркнул Гумилев. – Москва и не такое переживала.

– А вы прям из самой столицы? – не унимался Жигулин. – На самолете прилетели, да?

– На самокате прикатили, – потерял терпение Теркин. – Слушай, боец, ты помолчал бы хоть десять минут, а?

– Ладно, – Ефрем обиженно скривил рот. – Могу и помолчать, я не гордый...

К Пружанам вышли к вечеру. Село было большое, домов на двести. Ефрем провел гостей укромной тропкой, петлявшей по краю тенистой дубравы и выходившей к глубокому оврагу, отделявшему село от леса. По дну оврага стлался жемчужный туман.

– Вам лучше тут пока посидеть, – сказал он, подводя Гумилева и Теркина к сплетенному из ветвей орешника подобию грота. – Я пока с кузнецом переговорю. А то он мужик недоверчивый, может вас и на порог не пустить.

– С каким кузнецом? – не понял Гумилев. Жигулин посмотрел на него, слегка оттопырив нижнюю губу.

– А командир вам не говорил? Антон Алексеич раньше на кузне работал. А как ногу потерял, механиком заделался. Если вам починить надо что – ну, там, машина у вас, к примеру, или, может, мотоцикл – он вам все в лучшем виде сделает. Не нужно, нет? А то я договорюсь...

– Ты давай договорись, чтобы он нас как родных принял, – сказал Теркин. – И побыстрее – одна нога здесь, другая там. Нам еще обратно возвращаться.

Когда Ефрем исчез в густых зарослях, Василий покачал головой и вздохнул.

– И бывают же такие балаболы! Я и сам погугорить люблю, но меру знаю. Скажи, Николаич – я ж не такое трепло, как этот? – он махнул рукой в сторону оврага.

Гумилев хмыкнул.

– Вася, по сравнению с ним ты просто монах-молчальник.

Некоторое время они просто сидели, глядя на тонущее в сиреневых сумерках село. Потом Теркин закинул руки за голову и лег на спину.

– Хорошо-то как, – проговорил он мечтательно. – Жить бы и жить на свете, радоваться...

– Странно слышать от тебя такие речи, Василий, – сказал Гумилев, – ты ж у нас заговоренный. Всех нас еще переживешь.

Теркин ответил не сразу, а когда ответил, голос его был непривычно серьезен.

– Этого, Николаич, никто знать не может.

– Ты про неуязвимость свою? Да брось. Это же дар, а дар он на всю жизнь, а не на время. Вот, к примеру взять... да хотя бы Сашку. Думаешь, у него гипнотические способности тоже не навсегда? Не бывает так!

– Это другое, – возразил Теркин. – Сашка в своем деле может хорошо сработать, а может промашку дать. Ну, все ж люди, правильно? Только его промашка – это дело поправимое, а моя... – он помолчал. – Да ладно, что об этом говорить! Мне вот, Николаич, другое интересно – по какой причине тебя к нам в группу взяли? Способностей у тебя особых вроде нет, а Жорка над тобой чуть ли не больше всех трясется.

– Скажешь тоже, – фыркнул Лев. – Он меня, по-моему, считает самым бестолковым.

– Со стороны видней, Николаич. Бережет тебя Жора, а почему – не понимаю. Нет, то, что мужик ты хороший, я не спорю. Просто странно. Как будто нужен ты ему для чего-то, а для чего – никто, кроме Жоры, не знает.

Гумилев покачал головой.

– Я-то уж точно не знаю.

Больше они не разговаривали – лежали, глядя в быстро темнеющее небо.

Минут через двадцать в овраге послышались тихие шаги. Теркин сел, снял с плеча автомат и направил на тропинку.

– Все в порядке, – из-за кустов показалась бабья физиономия Ефрема Жигулина. – Ждет вас кузнец. Идемте, только осторожно – немцы в селе.

Антон Крюков оказался мужиком крепким, как и положено кузнецу. Высокий, широкоплечий, он даже на костылях и без одной ноги производил впечатление человека, с которым лучше не ссориться.

– Значит, вот что я вам скажу, – он пододвинул к себе стакан черного, как смола, чая и пальцами покрошил туда кусок рафина-

да. – Тарас Иваныч был настоящий командир, от бога, такой боец, что второго такого вы отсюда до Киева не найдете. Но и у него ту клятую ставку потрясти не получилось. Да и не знали мы точно, что там ставка.

Сделал большой глоток и шумно выдохнул.

– Вы, мужики, на чай налегайте, он силы дает. А спиртного дома не держу, извиняйте.

– Да мы сюда вроде как не пьянствовать пришли, – сказал Теркин. – Ты, Антон Алексеич, где ногу-то потерял?

– Как прижали нас к речке, как пошли из минометов гвоздить – вот и потерял. А дальше реки все равно не продвинуться было. По ней катера с пулеметами ходят, а сразу за рекой – колючая проволока. Получается как между молотом и наковальней.

– Выходит, зря товарищ Петренко людей туда повел?

Кузнец сморщился.

– Ну, что значит – зря, не зря. Ему особист из Москвы приказ передал – он и повел.

– Что за особист? – спросил Гумилев. Въедливая манера Шибанова вникать в каждую деталь оказалась заразной.

– Был тут один... майор Кошкин. Тоже все интересовался, что за объект в Стрижавке строят.

– А с ним что случилось?

– Да сгинул в том же бою... Наши тогда почти все погибли. Мне, можно считать, повезло.

– Повезло, конечно, – поддакнул сидевший с краю Жигулин. – Мы в лесу в землянках спим, а ты в доме у бабы своей под боком!

– Дурак ты, – зло оборвал его Крюков. – Я за то, чтобы в отряде воевать, полжизни б отдал. Только что за боец из меня без ноги... А здесь – погано, фрицам кланяйся, полиция кланяйся, старосте, бесу хитрому, улыбайся. Иной раз думаешь – взять автомат, да всех крыс этих черных в распыл пустить. Самого убьют, конечно, но хоть напоследок повеселиться...

– Антон Алексеевич, – сказал Гумилев, – живой вы куда больше пользы принесете. Расскажите, пожалуйста, максимально подробно о ваших попытках проникнуть в ставку. Вот карта – если сможете нарисовать, куда и как вы шли, будет просто замечательно.

– Не пройти вам туда, – покачал головой Крюков. – Охрана там зверская. Я уж потом, после того, как Тарас Иваныч погиб, сам думал – как да что. Ничего так и не придумал. Со всех сторон – колючка, патрули, два кольца оцепления. Здесь и здесь – он ткнул пальцем в карту – танковые соединения, по два взвода. Легкой бронетехники вообще не счесть. Еще танковая рота стоит здесь, у аэродрома. Шоссе Стрижавка – Винница охраняется круглосуточно, там блокпосты стоят через каждые пять километров.

– А если здесь попробовать? – Теркин показал, где. – Тут покинутая деревня, немцев вроде нет.

– Это Бондари, – усмехнулся Крюков. – Мы там пятнадцать эсэсовцев положили, с тех пор они наблюдательный пункт отсюда убрали. Через Бондари пройти можно, но вот тут, у Коло-Михайлилки, у немцев сосредоточены большие силы. Как раз здесь-то немецкие танки нас и встретили.

– Но вы напролом шли, а если попробовать тихой сапой?

– Попробовать-то не фокус. А вот пройти через это мелкое сито – тут, ребята, надо невидимками быть.

Резкий стук в окно заставил Гумилева и Теркина вскочить на ноги, схватившись за автоматы.

– Кто это? – нервным шепотом спросил оставшийся сидеть Жигулин. На лбу его выступили крупные капли пота.

– Не знаю, – одними губами ответил кузнец. – Давайте пока вон в комнату спрячьтесь. Если полицаи, уходите через окно. Ефрем, выведешь?

– Ага, – часто закивал Жигулин. Он с трудом выбрался из-за стола и поманил Гумилева и Теркина в неосвещенную комнату, отгороженную от горницы плотной занавеской.

Василий первым делом бесшумно прокрался к окну и осторожно выглянул наружу. Видимо, он остался доволен увиденным, потому что повернулся к Гумилеву и успокаивающе кивнул головой – все в порядке.

Все трое затаили дыхание. Было слышно, как кузнец тяжело протопал в сени, стуча своим костылем об пол. Заскрипела отворяемая дверь.

– Что ты все запираешься, Алексеич, – услышал Гумилев чей-то недовольный голос, – как будто прячешь кого! Я-то что, мое дело маленькое, а если вдруг немцы ненароком заглянут? У Пахоменки-то, слышал, всю семью батогами пороли – показалось им, вишь, что дети у Петро слишком часто в лес бегают. Он кричит – ягоды они там собирают! – а ему: врешь, собака, ты с партизанами путаешься! И в батоги...

Лев заглянул в щелку. В дверях горницы стоял тщедушного сложения мужичонка с красными слезящимися глазами. Крюков не пускал его дальше порога, заслоняя своей широкой спиной занавеску и прятавшихся за ней гостей.

– Так то Пархоменко, – проговорил кузнец рассудительно. – У Петро просто вид такой – даже когда правду говорит, все равно кажется, что врет.

– Ну, смотри, Алексеич, – мокрые глаза мужичонки воровато ощупывали комнату, – мое дело совет добрый дать, по-соседски, как говорится. Да, я ж к тебе по делу. Махорки не отсыплешь мне до понедельника? В понедельник я в город поеду, оттуда привезу.

– Махорки? – переспросил Крюков. – Отчего ж не отсыпать. Пойдем, сосед.

– Куда это? – удивился красноглазый. – Кто ж табак в сенях хранит?

– Пошли, пошли, – кузнец взял его за плечо, легонько подтолкнул к двери. – Ты ж за куревом пришел? Курева дам. А гостей я нынче принимать не намерен.

Он вернулся минут через десять, злой и встревоженный.

– Выходите, все в порядке. Прогулялся я за ним малость – он домой к себе вернулся. Верно, действительно за махоркой заходил.

– А чего хмуритесь тогда, Антон Алексеевич? – спросил Гумилев.

– Да не нравится мне что-то. Сам не пойму что, а вот только чую – что-то не так. Макар, конечно, мужик скользкий, но немцам вроде не стучит. Я бы знал, если что.

– Хочешь сказать, ты здесь все про всех знаешь? – насмешливо спросил оправившийся от испуга Жигулин.

Крюков пожал мощными плечами.

– Знаю, что гниловат тут народишко. Лучшие в лес ушли, а те, что остались, вертятся, как ужи на сковородке – и нашим, и вашим. Доверять никому нельзя.

– Что, и тебе? – не унимался Ефрем.

– По-хорошему – и мне нельзя. Откуда вам знать, может, я немцам уже давно проданся?

– Ну и шутки у тебя, Антон, – скривился Жигулин. – Вот доложу товарищу Титоренке, он тебе мигом устроит просветление.

– Хватит ругаться, – оборвал его Теркин. – Мы еще дело свое не доделали. Давайте вернемся к карте, товарищи.

– Да про карту я уже все вам рассказал. Большому отряду в Стрижавку не пробиться. Маленькой группе – может быть, и получится. Будь у меня две ноги, я бы все-таки по реке попробовал спуститься. Знаете, как казаки в старое время делали? Тростниковую трубочку срезали и через нее дышали, под водой сидя.

– Это правда, – подтвердил Лев. – В византийских хрониках есть рассказ о том, как славяне незамеченными подошли так к самим стенам Константинополя.

Кузнец с уважением взглянул на него.

– Вон как, не знал. Казаки, значит, от них переняли. В общем, я бы так сделал. Вы вот про Бондари говорили – там сейчас поста немецкого нет, к реке можно свободно подойти. Оттуда, правда, до ставки километров пятнадцать, проплыть их под водой вряд ли кто-то сумеет. Но на берег можно выбраться за вторым кольцом оцепления, а это гораздо ближе. Семь-восемь километров – и вы, считай, уже в логове.

Крюков огорченно хлопнул себя по культе.

– И я бы с вами пошел! Плюнул бы на все, и пошел бы! Да только на кой черт я вам там нужен такой...

– Слышь, Алексеич, – неожиданно спросил Жигулин, пристально рассматривая кузнеца. Зрачки у него сузились, глаза, как маленькие буравчики, сверлили жесткое лицо Крюкова. – А где супруга-то твоя, Алена Ивановна? Я сразу как-то не сообразил, а теперь смотрю – холостякуешь ты.

У Крюкова задвигался на шее кадык.

– В городе Алена, – неохотно проговорил он. – Работу нашла.
– Ух ты! – восхищенно воскликнул Жигулин. – Работу! Ну, повезло... и кем же она там трудится?

Кузнец посмотрел на него тяжелым взглядом.

– Тебе-то что, Ефремка? Тоже захотел грошей подзаработать?

Теркин хмыкнул, хлопнул Гумилева по плечу.

– Ну, ребята, вы тут поговорите, а мы покурим пойдем.

Крюков кивнул.

– Осторожней только, чтоб с улицы вас не увидали. Тут, знаете, любопытных глаз хватает.

Лев и Василий, закинув автоматы за плечи, вышли на крыльцо. Пока они разговаривали, на село упала ночь – темень стояла такая, что опасения кузнеца казались напрасными.

– Чего-то они между собой не поделили, – сказал Теркин. Доставать папиросы он не торопился. – И не вчера, а давно.

– Я тоже заметил. Не любят они друг друга.

– Как тебе кузнец?

– Да вроде нормальный мужик. А что, думаешь...

Теркин цыкнул зубом.

– Да не то, чтобы думаю... А только вот тоже какое-то у меня чувство смурное. Как кузнец сказал – что-то не так. Пора уходить, как считаешь?

– Вот так, не попрощавшись?

– Да не в прощании дело. Этого балабола надо забрать. Без него в лесу ночью заплутаем.

Он подумал, похрустел пальцами.

– Вот что, Николаич, я сейчас схожу до ветру, заодно погляжу, все ли в округе спокойно. Ты пока перекури, чтоб правдиво все было. Вернусь – берем Ефрема за шкирку и обратно к партизанам.

– Может, вместе поглядим?

– Ты вон за дорогой смотри. А я по задам пройду.

Ткнул Льва в бок локтем и растворился в ночи.

Лев постоял немного, прислушиваясь к далекому лаю собак. Достал папиросу, чиркнул спичкой. Огонек на мгновение выхватил из темноты стройные абрисы тополей за околицей. В небе перемигивались крупные звезды.

– Дяденька, а дяденька! – услышал он чей-то шепот. Обернулся, положив руку на автомат.

– Дяденька! – испуганно шептал кто-то из-под большого куста сирени, росшего у калитки. – Мне сказать вам что-то надо, подойдите сюда!

«Ловушка?» – подумал Лев. Голос был совсем мальчишечий, тонкий. На всякий случай сдернув с плеча автомат, Гумилев шагнул к сирени, присел на корточки.

– Дяденька, – торопливо заговорил невидимый мальчишка, – уходить вам надо, сейчас полицаи придут! Уходите быстрее, а то схватят вас! Выдали вас, дяденька!

– Кто? – Лев просунул в кусты руку и ухватил пацана за худое плечо. – Кто выдал?

– Батька мой! – мальчишку трясло от страха. – Он со старостой говорил, а я подслушал. Бегите к своим, дяденька, пожалуйста!

«А кто твой батька?» – хотел спросить Гумилев, но не успел. В темноте послышался слабый, едва различимый звук – будто шуршала плотная ткань. Лев отпустил мальчишку, воткнул папиросу в землю и поднялся.

К дому кузнеца с двух сторон крались темные силуэты.

Неожиданно для себя Лев запаниковал. Что делать? Бежать в дом, предупредить Крюкова и Жигулина? А если за это время враги возьмут их в кольцо? Нет, не успеть! И потом, где-то рядом бродит в темноте Теркин. Значит, надо стрелять первым. Как там говорил Наполеон – вяжемся в бой, а потом посмотрим?

Четыре темные фигуры приблизились к калитке. Теперь Лев мог рассмотреть их как следует. Двое в полицейской форме, в кепках с длинными козырьками. В руках автоматы. Еще двое – просто здоровые бугаи в пиджаках и кепках-восьмиклинках. Вторая группа бесшумно огибала ограду, уходя в густую тень тополей. Сейчас они окружают дом, понял Гумилев, и тогда нам точно не выбраться!

Он щелчком сбросил предохранитель и дал очередь по тем, что стояли у калитки.

Увидел, как повалился один из полицаев. «Убил!» – мелькнула торжествующая мысль. Второй полицейай быстро отпрыгнул в сто-

рону и выстрелил в ответ – оторванная пулей ветка хлестнула Гумилева по лицу. В доме что-то грохнуло, в окнах погас свет.

Лев отступил назад, продолжая стрелять от пояса короткими очередями. Срезал штатского, выхватившего обрез. За плетнем, вдоль которого кралась вторая группа, загрохотали выстрелы – стреляли по дому. Слышался густой злой мат, тяжелое хриплое дыхание, стоны раненых.

«Прорвемся!» – азартно подумал Гумилев. Паника прошла, осталось холодное упоение боем. Он никогда не думал, что может получать такое наслаждение от уничтожения врагов. Указательный палец, словно онемев, давил на спусковой крючок, смертельная дрожь автомата передавалась телу и сладкой волной растекалась по позвоночнику. Так, наверное, чувствовали себя берсеркеры!

Патроны кончились так быстро, что он даже не сразу сообразил, что случилось. Вырвал опустевший магазин и стал вставлять другой – но тот, как нарочно, перекосило. Лев сразу почувствовал себя голым и беззащитным. Попятился назад, споткнулся и потерял равновесие.

Краем глаза успел увидеть движение сбоку, отшатнулся, но было поздно. Приклад автомата врезался ему в висок, мир взорвался слепящим белым огнем, опрокинулся и погас.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Карта Диксона

Северный Кавказ, август 1942 года

Оберштурмбаннфюрер СС Эрвин Гегель терпеть не мог прыгать с парашютом.

Ему приходилось это делать трижды – последний раз на Крите – и каждый прыжок был хуже предыдущего. Гегель не мог поверить, что есть люди, которым это занятие нравится, хотя Скорцени рассказывал ему, какое упоительное чувство испытывает, оказываясь в ночном небе с парашютным ранцем за спиной.

Лететь, как камень, к земле и лихорадочно молиться о том, чтобы парашют все-таки раскрылся – нет уж, увольте, вокруг и без того хватает адреналина. Где-то над сальскими степями по самолету оберштурмбаннфюрера неожиданно открыла огонь зенитная батарея русских – хотя, если верить бодрым сводкам с северокавказского фронта, вооруженное сопротивление Красной Армии здесь было подавлено по меньшей мере неделю назад. Гегель пережил не самые приятные минуты в своей жизни, вжимаясь в кресло каждый раз, когда рядом с самолетом разрывался очередной снаряд, и иллюминатор заливало белым сиянием.

– Оберштурмбаннфюрер, – заорал второй пилот, пытаясь перекричать гул двигателей, – последний аэродром, где мы можем сесть – в сорока километрах к югу.

– Ну так садитесь, черт вас возьми, – раздраженно крикнул в ответ Гегель.

– От этого аэродрома до ущелья Клыч – еще пятьдесят километров. Вы могли бы прыгнуть с парашютом над самым перевалом и здорово сэкономить время.

«Вот идиот, – подумал Гегель. – Чтобы совершать такие прыжки, надо быть асом. Ночью, на горный склон... похоже на дурацкий способ самоубийства. А если отказаться, этот индюк подумает, что я трушу».

С другой стороны, пробираться по враждебным горам целых пятьдесят километров ему вовсе не улыбалось. Конечно, генерал Ланц докладывал, что вся дорога от Майкопа до перевалов очищена от красноармейцев и партизан... но недавний огонь зениток навел Гегеля на мысль о том, что генералы порой выдают желаемое за действительное.

– Вы гарантируете, что пройдете именно над тем перевалом? Мне вовсе не улыбается спрыгнуть на позиции русских.

Второй пилот – мерзавец! – позволил себе снисходительно улыбнуться.

– Не беспокойтесь, оберштурмбаннфюрер. В радиусе пятидесяти километров все перевалы в наших руках.

«Так я тебе и поверил», – подумал Гегель злобно, но вслух сказал:

– Отлично. Только предупредите генерала Ланца, чтобы меня не подстрелили в воздухе как советского парашютиста.

Он вывалился в раскинувшуюся под крыльями самолета ночь, проклиная второго пилота и собственную гордость. Внизу тускло блестели стремительно увеличивающиеся изломы горной цепи. В ушах бешено свистел ветер. Через несколько секунд, превратившихся для Гегеля в вечность, он услышал сильный хлопок и почувствовал, как натянувшиеся стропы подкинули его вверх, словно на батуте. Падение замедлилось, теперь оберштурмбаннфюрер видел вздымавшуюся на востоке снежную громаду Эльбруса, черные шрамы ущелий и широкие языки ледников. Перевал с такой высоты выглядел беспорядочным нагромождением острых граней и массивных глыб; мысль о том, что там можно приземлиться, не переломав себе все кости, сейчас показалась Гегелю безумной.

«Нужно сделать так, чтобы меня снесло в ущелье, – решил он. – Там, возможно, опуститься будет проще».

Он принялся лихорадочно дергать стропы, чтобы изменить траекторию полета. Ветер мягко ударил в лицо, комбинезон сдавил

грудь так, что Эрвин не мог даже вздохнуть. Выплывая сквозь зубы проклятия, он принялся отжимать лямки комбинезона. Снизу медленно наплывали покрытые снегом уступы, видны были черные фигурки солдат и огоньки походных костров. Судя по всему, маневр оберштурмбаннфюрера не удался – его по-прежнему сносило прямо на перевал.

Когда до поверхности оставалось не больше ста метров, сильный порыв ветра вдруг потащил парашют в сторону. Под ногами Гегеля внезапно разверзлась бездна.

– Mein Gott! – онемевшими губами прошептал оберштурмбаннфюрер.

Его несло прямо на гранитный склон, круто срывающийся в глубину. Плавное до того падение ускорилось, попытки управлять парашютом с помощью строп ни к чему не приводили. За мгновение до того, как поблескивающий слюдой скальный массив надвинулся и заслонил горизонт, Эрвин глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Удар о скалу вышиб из него воздух.

Несколько секунд он падал – просто скользил вдоль отвесной стены, весь сжавшись в ожидании неизбежного конца. Потом его рвануло вверх с такой силой, что Гегель услышал, как хрустят кости и мышцы. Парашют, зацепившись где-то наверху за острый скальный выступ, застрял и спас оберштурмбаннфюрера от падения в пропасть.

– Эй, – донесся сверху чей-то зычный голос, – вы живы, приятель?

– Да, – крикнул Гегель и тут же скривился от пронзившей ребра боли. – Вытащите меня отсюда, здесь чертовски неуютно!

– Не беспокойтесь, – заверил его голос, – теперь-то все будет в порядке!

Спустя полчаса завернутый в теплый плед Гегель сидел в палатке лейтенанта горных стрелков Райнера и пил щедро предоставленный в его распоряжение коньяк. Райнер реквизирует целую бочку коньяка где-то внизу, в долинах, и, невзирая на запреты начальства, приволок его на перевалы. Егеря, по словам лейтенанта, были чрезвычайно благодарны ему за это решение – хоть та-

щить бочку в горы было трудно, зато теперь без проблем можно было промочить горло на сон грядущий.

– Вы герой, оберштурмбаннфюрер, – говорил Райнер, поднимая бокал за здоровье своего гостя. – Прыгнуть с парашютом при такой видимости, да еще на этот чертов склон! Вы, верно, проходили обучение в полку «Герман Геринг»?

– Нет, я вообще не имею отношения к Люфтваффе, – покачал головой Гегель. – У меня просто не было другого выбора, лейтенант.

Ему даже понравилось, как скромно и в то же время достойно прозвучал его ответ. Коньяк живительным теплом растекался по жилам, смягчая боль в груди – Гегель подозревал, что пара ребер у него все-таки треснула.

– Прозит, оберштурмбаннфюрер! Значит, вы говорите, вам нужна фрау фон Белов?

– Верно. Вы знаете, где ее найти?

– Три дня назад она вместе с егерями фон Хиршфельда ушла вниз, в ущелье. И с ней этот здоровяк, телохранитель фюрера. С тех пор я о них ничего не слышал.

– А что сейчас там, внизу?

– Война, – пожал плечами Райнер. – Это мы тут сидим и полируем желудки трофейным коньяком, а там ребята майора Залминтера занимаются настоящим делом. Русские пытаются сдержать наше наступление вдоль по ущелью, им по воздуху доставляют оружие и боеприпасы, но у них не хватает людей. Вот и все, что я знаю, оберштурмбаннфюрер.

– А кто... – начал было Гегель, но тут у входа в палатку послышался какой-то шум. Эрвин оглянулся и увидел высокого худощавого офицера с орлиным пером за кантом бергмютце.

– Позвольте представить вас, господа, – слегка запинаясь, сказал Райнер. – Оберштурмбаннфюрер Эрвин Гегель, служба безопасности. Гауптманн горных егерей Хайнц Грот, правая рука генерала Ланца. Присаживайтесь, Хайнц, у нас есть коньяк...

– У вас всегда есть коньяк, Райнер, – весело сказал худощавый. Глаза у него были зеленые, с сумасшедшинкой. – Очень рад зна-

комству, оберштурмбаннфюрер. Нет-нет, Райнер, мне не наливайте, у меня завтра ответственный день. Мы идем на Эльбрус.

– На Эльбру-ус? – протянул лейтенант. Гегель подумал, что он уже порядочно набрался.

– Да. Я только что с юго-восточного склона. Там есть альпинистский лагерь, Приют Одиннадцати. Сегодня мы его взяли – ну, или, если угодно, я его взял, причем без единого выстрела!

– Ладно вам заливать, Хайнц! Русские, наверное, просто сбежали оттуда?

– Вовсе нет, – Грот повернулся к Гегелю. – Вы тоже мне не верите, оберштурмбаннфюрер?

– Отчего же, – сказал Эрвин. – Но любопытно было бы послушать, как вам это удалось.

– А! Проще простого. Приют, должен вам сказать, расположен на четырех тысячах ста тридцати – ну, то есть, довольно высоко. Обычно на такой высоте человека охватывает вялость, апатия, напрягаться решительно не хочется. Но у меня в роте были сплошь альпинисты, которым к высоте не привыкать. А у русских там были обычные красноармейцы. Впрочем, довольно храбрые ребята оказались. Ну так вот. Мы с оберлейтенантом Шнейдером поднялись к приюту, и там я разделил свою роту на две части. Одна залегла прямо перед зданием – это, кстати, довольно большая трехэтажная гостиница – а Шнейдер со своими стрелками незаметно поднялся на склон и занял высоту над Приютом.

– Стратег, – уважительно сказал Райнер, подливая коньяк Гегелю. – Ваше здоровье, Хайнц!

– Спасибо. После этого мне оставалось только пойти к хижине и сдаться в плен находившимся там русским.

– Сдаться? – Райнер едва не подавился коньяком.

– Ну да. Они поначалу обрадовались – как же, захватили такую важную птицу... Но потом, когда я им объяснил что к чему, призадумались. Ведь они, по сути дела, оказались в мышеловке. Отступать им было некуда. Попробуй они высунуться из гостиницы – стрелки Шнейдера перещелкали бы их как куропаток на снегу. Отстреливаться из окон они могли сколько угодно... до тех пор, пока у них не кончились бы патроны. Они, конечно, страшно ра-

зозлились и хотели меня расстрелять. Даже к стенке уже поставили. Но потом сообразили, что убив меня, только подпишут себе приговор.

– Вы рисковали, – заметил Гегель. – Русские, как правило, в таких ситуациях не церемонятся.

– Я же говорю – на такой высоте неподготовленные люди становятся вялыми. Драться им не очень-то и хотелось, тем более, что я был чертовски убедителен, когда объяснял им, сколько у них шансов выстоять против моих егерей. Ноль, зеро. В общем, они раздумали меня убивать и согласились на мои условия. А условия были очень просты: они сдаются и складывают оружие, а я отпускаю их вниз, в долину.

– И они сдались? – недоверчиво спросил Райнер.

– А что им оставалось делать? Сдались, конечно. Я, разумеется, тоже сдержал свое слово. Думаю, сейчас они уже где-нибудь по дороге в штрафные роты.

– Ловко, – одобрил Гегель.

– Самое главное – нам теперь открыт путь на Эльбрус. После завтра мы начинаем восхождение, и скоро знамя рейха будет развеваться над высочайшей вершиной Кавказа!

– Насколько я знаю, фюрер придает этому событию большое значение, – осторожно сказал Гегель. – Я обязательно расскажу ему о вашем героическом поведении.

– Буду признателен, – в бедовых глазах гауптманна заплясали веселые огоньки. – А что делает соратник самого фюрера в этих диких горах?

– Ищу одну даму, – ответил Эрвин. – Мария фон Белов, может быть, знаете ее?

– Ого! – присвистнул Грот. – Да ее вся дивизия «Эдельвейс» знает. Она была с нами во время штурма перевалов и, надо вам сказать, держалась молодцом. Где она сейчас, правда, не могу вам сказать...

– Внизу, – икнув, проговорил Райнер. – В ущелье.

– Ах, значит, она все же уломала генерала? Да, ей зачем-то позарез нужно было попасть на ту сторону хребта. Ну, знаете, мы тут все немного чокнутые. Мне вот понадобился Эльбрус, ей – какие-то пещеры...

– Я был бы вам весьма благодарен, гауптманн, – сказал Гегель, вставая, – если бы вы помогли мне ее найти. И чем скорее, тем лучше.

– Для этого нам нужно спуститься с перевала. Мне-то несложно, но должен предупредить, что ночная прогулка по горам – серьезное испытание для новичка.

– Оберштурмбаннфюрер только что прыгнул к нам с парашютом, – с гордостью заявил Райнер. – Так что можете за него не беспокоиться, Хайнц!

– В таком случае, я готов, – капитан пружинисто поднялся на ноги. – Если выйдем прямо сейчас, то к утру доберемся до арьергарда Залминтера.

– А вашему восхождению на Эльбрус это не помешает? – спросил Гегель. – Мне бы не хотелось ставить под удар мероприятие, в успехе которого заинтересован сам фюрер...

– Чепуха, – отмахнулся Грот. – Небольшая прогулка мне не повредит, к тому же я прекрасно выплусь в Южном приюте – это лагерь альпинистов в ущелье.

– Еще по стаканчику на дорожку? – предложил Райнер. Гегель покачал головой:

– Нет, спасибо, дружище. Выпьем, когда я вернусь.

Если бы не ребра, отзывавшиеся тупой болью на каждое неловкое движение, спуск в ущелье действительно можно было назвать прогулкой. Во всяком случае, шедший впереди Грот даже не запыхался.

Гегель старался не отставать, хотя ему было нелегко. Несмотря на ночную прохладу – температура упала до десяти градусов Цельсия – он был весь мокрый от пота. Коньяк лейтенанта Райнера оказался коварным помощником – гася боль, он одновременно туманил голову. Несколько раз Гегель поскальзывался на крутом склоне и наверняка упал бы, но Грот неизменно успевал подстраховать его. «Глаза у него на затылке, что ли?» – подумал Эрвин.

До Южного приюта они добрались, когда предрассветные сумерки накинули на ущелье серую туманную вуаль. Дорога шла вдоль берега невидимой в темноте реки, по левую руку тянулись

густые черные заросли. Постепенно светлело, и Гегель начал различать проступавшие сквозь туман очертания кривых стволов, похожих на деревья заколдованного леса из страшных сказок братьев Гримм. Все ущелье казалось каким-то нереальным; смутно угадывающиеся громады гор, нависающие скальные стены, терявшиеся в сумраке, удивительная тишина, нарушаемая только ровным рокотом зажатого в тесных берегах потока.

– Удивительные места, – сказал вдруг Грот. – Знаете, оберштурмбаннфюрер, о чем я мечтаю? Когда война закончится, вернусь сюда, отстрою как следует тот самый Приют Одиннадцати, сделаю из него отличнейшую гостиницу для альпинистов. Чтобы в гостинной по вечерам весело горел камин, а на кухне всегда был горячий грог.

Гегель пробурчал что-то неразборчивое. Разговаривать у него не было ни сил, ни желания.

– А вы чем собираетесь заняться после победы? – не унимался Грот. – Впрочем, вы, наверное, продолжите делать карьеру в РСХА, так?

– Вероятно, – проскрежетал зубами Гегель. По мере того, как свежий утренний воздух безжалостно расправлялся с дурманящим действием коньяка, боль в груди становилась все сильнее. Гауптманн обернулся и озабоченно посмотрел на него.

– С вами все в порядке, оберштурмбаннфюрер?

– Нормально, – Гегель нашел в себе силы махнуть рукой. – Долго нам еще?

– Да уже почти дошли. Вот, видите, то неказистое строение на склоне – это и есть нижний лагерь.

Вокруг Южного приюта были выставлены караулы. К счастью, гауптманна Грота знали в лицо все бойцы «Эдельвейс» – он был одним из трех лучших альпинистов дивизии.

– Вам надо отдохнуть, – сказал Грот Гегелю. – Честно говоря, выглядите вы не очень.

– Я должен найти Марию фон Белов, – хрипло проговорил Эрвин. – Отдых подождет.

– Фрау фон Белов здесь нет, – покачал головой комендант лагеря. – Она с ротой автоматчиков ушла по ущелью к древней крепости.

– Это далеко?

– Не могу сказать точно. Километров пятнадцать-двадцать. К тому же дорога обстреливается русскими.

– Проклятье, – выругался Гегель. Ему стало ясно, что еще одного марш-броска он не выдержит. – У вас здесь есть доктор?

– Есть, конечно, – испугался комендант. – А что случилось, оберштурмбаннфюрер?

– Вот пусть он вам об этом и расскажет, – с этими словами Гегель обессилено прислонился к стене и провалился в тяжелое забытие.

– Сломано два ребра, – сказал полковой врач, осмотрев Эрвина. – Я вообще не понимаю, как он с такой травмой мог спуститься с перевала.

– Это вам понимать и не обязательно, – бросил Гегель. – Постарайтесь сделать так, чтобы я мог пройти еще двадцать километров пешком, и можете считать свой долг выполненным.

Врач развел руками.

– Что же я могу сделать? Разве что вколоть вам амидон¹⁹ – на нем вы, пожалуй, и пятьдесят километров прошагаете. Но вот что потом будет с вашими ребрами – не берусь предсказать.

Гегель криво усмехнулся.

– Валяйте. С собой дадите мне еще одну дозу, этого хватит.

– Я сделаю для вас жесткий корсет, – решил врач. – Это займет полчаса. Как раз и амидон начнет действовать.

Корсет, сделанный на скорую руку, некрасиво полнил оберштурмбаннфюрера. Но теперь он по крайней мере мог двигаться, не опасаясь потерять сознание от боли.

– Прошу меня извинить, – сказал ему на прощанье капитан Грот, – если бы я знал, что вам так досталось, ни за что не согласился бы на эту авантюру.

– Тогда я подал бы на вас рапорт, – усмехнулся Гегель. – Но вы мне здорово помогли, капитан, и будьте уверены, я этого не забуду.

¹⁹ Раннее название метадона; также иногда называется долофином – имя, данное первооткрывателями препарата Бокмюлем и Эрхартом в честь Адольфа Гитлера

Древнюю крепость на склоне горы было видно издалека. Ничего похожего на европейские замки – дикая, мощная архитектура, наводящая на мысли о троллях или циклопах. К ней поднималась узкая, заросшая колючим кустарником тропа. Наверху, у ворот крепости, сидел крупный блондин в камуфлированной форме горных стрелков. На коленях у него лежала штурмовая винтовка, в зубах торчала незажженная папироса.

«Это Раттенхубер», – понял вдруг Гегель. Без парадной формы и фуражки начальника охраны фюрера было трудно узнать. Да и курить при Гитлере Раттенхубер себе никогда не позволял.

– Здравствуйте, Иоганн! – крикнул Эрвин. – Это я, Гегель!

Раттенхубер без особого энтузиазма помахал ему рукой.

На подъем к воротам крепости у Гегеля ушли последние силы. Добравшись до Раттенхубера, он тяжело опустился на землю и с наслаждением вытянул ноги. Амидон еще действовал, но сорок километров, которые он отшагал с момента приземления, давали о себе знать.

– Теперь и вы здесь, Эрвин, – пробормотал Раттенхубер. – Осталось подождать, пока сюда прилетит сам фюрер.

«Да он же пьян!» – с удивлением сказал себе Гегель. Никогда в жизни он не видел главного телохранителя Гитлера не то, чтобы пьяным, но даже под хмельком.

– Что с вами, Иоганн? – спросил он. – Горный воздух на вас как-то странно влияет.

– К черту горный воздух, – буркнул Раттенхубер. – И горы эти проклятые к черту! Я по уши сыт своей идиотской миссией, Эрвин. Вы как хотите, а на меня она пусть больше не рассчитывает.

– Кто – миссия?

Раттенхубер не ответил. Он сосредоточенно пытался извлечь огонь из зажигалки, в которой, как показалось Гегелю, уже давно не было бензина.

Эрвин достал спички. С третьей попытки Раттенхуберу удалось прикурить – папироса дрожала в его пальцах.

– Штандартенфюрер сейчас в крепости? – спросил Гегель, подождав, пока Иоганн сделает пару затяжек.

– Возможно, – Раттенхубер пожал мощными плечами. – Не интересовался.

«Странно, – подумал Эрвин. – Он же ни на шаг не должен отходить от фон Белов – во всяком случае, так приказал фюрер».

– Сколько тут с вами человек?

– Рота лейтенанта Песситера. Но почти все вчера вечером поднялись к леднику – ждут прорыва русских.

Раттенхубер отвечал заторможено, как будто каждое слово давалось ему с трудом. Гегель смотрел, как папироса тлеет у него в пальцах.

– Вы привезли что-то для нее? – неожиданно спросил оберфюрер.

– Для нее? – Гегель сделал вид, что не понял вопроса.

– Конечно, привезли. Иначе зачем было тащиться в такую даль? Ну так идите, найдите ее, она будет рада. Наверное.

Раттенхубер сплюнул. Гегель с усилием поднялся на ноги. Боли он по-прежнему не чувствовал, но тело под корсетом невыносимо чесалось.

– Ну что ж, – сказал он, – приятно было поболтать.

Оберфюрер не удостоил его ответом.

Марию фон Белов Гегель нашел без труда. Она сидела, поджав ноги, в тени разрушенной сторожевой башни и что-то вычерчивала на листе миллиметровки. Рядом подпирал каменную стену бритый наголо громила с петлицами шарфюрера.

Увидев Гегеля, Мария порывисто поднялась на ноги.

– Эрвин! Вы прилетели! Глазам своим не верю!

– Но вот же я здесь, перед вами, – улыбнулся контрразведчик. Наконец-то кто-то был по-настоящему рад его видеть. – Вы чудесно выглядите, Мария. Среди этих гор...

Фон Белов не дала ему закончить.

– Если вы здесь, стало быть, вам удалось! – выдохнула она, подходя совсем близко к Гегелю. – Ведь вам же удалось, Эрвин, правда?

Ее тонкие руки легли оберштурмбаннфюреру на плечи.

– Ну, не мучайте же меня, несносный Эрвин! Скажите – да?

Он помедлил, наслаждаясь мольбой в ее зеленых, больших, как у оленя, глазах.

– Да. Вы довольны?

Вместо ответа она наградила его поцелуем – влажным, манящим, чувственным. Гегель вдохнул запах ее волос – в нем угадывались слабые ароматы горных цветов. Впрочем, Эрвину не удалось насладиться им в полной мере – спустя мгновение фон Белов резко оттолкнула его от себя.

– Что вы нашли? Рассказывайте!

– Ваш прогноз оказался верен, – Гегель старался говорить спокойно, хотя сердце его билось в сумасшедшем ритме. – В Ленинграде нам удалось обнаружить один артефакт – попугая – и карту, сделанную в конце прошлого или начале нынешнего столетия английским военным топографом.

– Где они? – нетерпеливо перебила его фон Белов.

– Попугая я приказал доставить в Вевельсбург, как вы и просили. А карта у меня с собой.

Он двумя пальцами похлопал себя по карману кителя.

– Давайте же немедленно ее сюда! Эрвин, ну неужели вы не понимаете, как она мне нужна!

– И как же? – Гегель улыбнулся. Амидон в сочетании с близостью женщины кружил ему голову. – Что бы вы за нее дали, штандартенфюрер?

Ресницы Марии дрогнули.

– А что бы вы хотели получить взамен, Эрвин?

Чуть хрипловатый голос. Лукавый взгляд зеленых глаз. Тонкий запах цветов.

– Вашу благосклонность, Мария.

– Я и без того замечательно отношусь к вам, мой друг.

– Возможность побыть с вами наедине...

Она рассмеялась.

– Ну и фантазии у вас, Эрвин!

– Я пролетел пол-России, совершил ночной прыжок с парашютом, прошел сорок километров по этим горам только для того, чтобы отдать вам карту. И вы считаете, что я не заслужил награду?

Фон Белов посерьезнела. Повернулась к бритому громиле.

– Шарфюрер, оставьте нас. Проверьте посты.

– Слушаюсь, – недовольно буркнул громила. Отлепился от стены и, закинув за плечо автомат, нехотя удалился.

– Фрицци чрезвычайно мне предан, – словно оправдываясь, пояснила фон Белов. – Его предки на протяжении семи поколений служили моей семье... впрочем, это неинтересно. Итак, карта!

Гегель достал из кармана сложенный вчетверо лист. Осторожно, чтобы не порвалась старая, пожелтевшая от времени бумага, развернул.

– Это она, – прошептала Мария, – карта полковника Диксона... Никаких сомнений!

– Карта зашифрована. Ни одной надписи, только цифры. Видите?

– Так и должно быть! Это же «Золотая Заря», они были помещены на нумерологии. К счастью, у меня есть ключ к их шифру.

Она присела на корточки и вытащила из вещмешка планшет.

– Смотрите, Эрвин! Я полгода убила на этот чертов шифр, но в конце концов все получилось.

Гегель заглянул ей через плечо. Мария быстро перелистывала страницы, исписанные колонками цифр и рядами странных значков и закорючек.

– Вот! Они взяли за основу принцип манускрипта Войнича – два алгоритма шифрования – и добавили кое-какие трюки из Каббалы. Не зная ключа, карту прочесть невозможно. Не стану рассказывать вам, чего мне стоило раздобыть ключ. В конце концов я прочитала свой фрагмент... но, к сожалению, у меня была только половина.

Она наклонилась, чтобы разложить карту прямо на земле. Рубашка ее задралась на спине, открыв взгляду Гегеля аккуратные круглые позвонки. Оберштурмбаннфюрер с трудом поборол искушение погладить эту гибкую, шелковистую спину.

– А это делало всю затею бессмысленной. Представьте, что у вас есть часть книги, из которой вы можете узнать, где происходит действие и кто главные герои. Но в чем соль сюжета и, главное, чем все заканчивается – вы не узнаете, пока не прочтете книгу целиком.

Фон Белов вытащила из кармана планшета еще одну карту, тонко прорисованную на папиросной бумаге, и положила ее на привезенный Гегелем трофей.

– Теперь мы, наконец, сможем прочесть все! Благодаря вам, милый Эрвин.

– Позвольте узнать, – контрразведчик ткнул пальцем в середину карты, – что же все-таки вы ищете?

– Хранилище, – ответила Мария после некоторого раздумья.
– Хранилище, в котором должно быть множество предметов, подобных орлу и попугаю.

– И этот английский полковник тоже его искал?

– Да, он был членом тайного общества «Золотая Заря», которое поставило своей целью собрать как можно больше предметов. Но в распоряжении Диксона были только приблизительные наброски, основываясь на которых, он должен был составить свою карту. Именно этим он и занимался в Азии десять лет – с 1902 по 1912 год.

– А вторая половина карты?..

– Посмотрите, они ведь очень похожи. Их чертила одна и та же рука. Незадолго перед своим исчезновением Диксон разделил карту и отправил одну половину в Англию. Вторая же оставалась при нем. Не знаю, зачем он это сделал. Возможно, хотел заручиться гарантиями того, что его труд будет вознагражден. Во всяком случае, полковник пропал без вести, а без его фрагмента обнаружить Хранилище было невозможно.

– То есть вы все это время действовали вслепую?

– Правильнее было бы сказать – на ощупь, Эрвин. Но теперь блуждания в темноте кончились. Мне понадобится несколько часов для того, чтобы прочесть карту. После этого мы можем смело отправляться на поиски Хранилища.

Гегель осторожно коснулся белокурого завитка волос на ее виске.

– Мы? Вы берете меня с собой, Мария?

– А вы против? Иоганн вряд ли составит мне компанию. Фрицци... но это ведь все равно что путешествовать с собакой.

– А кстати, что у вас там вышло с оберфюрером?

– Пустяки, не сошлись во мнениях по поводу одного места из Блаженного Августина²⁰. Так вы пойдете со мной, Эрвин?

Контрразведчик приложил руку к подаренной лейтенантом Райнером бергмютце с серебряным значком эдельвейса.

– С вами, Мария – куда угодно.

Он взял ее тонкую ладонь и поднес к губам.

– Не торопите события, – загадочно произнесла она, отнимая руку. – Вам надо хорошенько отдохнуть, Эрвин. Откровенно говоря, на вас лица нет.

«Мне это сегодня уже говорили», – подумал он.

– Да и побриться с дороги вам не мешало бы, – пальцы Марии скользнули по щеке оберштурмбаннфюрера. – У вас есть четыре часа на то, чтобы поспать и привести себя в порядок. Вам хватит?

²⁰ Фон Белов цитирует одно в высшей степени известное художественное произведение. Оберштурмбаннфюрер Гегель цитату не распознал. А вы?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Подвал

Где-то под Винницей, август 1942 года

Его долго били ногами. Не слишком умело, торопясь и мешая друг другу, но от души. Потом отошли, оставив его корчиться на земле. Гумилев пытался втянуть в себя воздух – это долго ему не удавалось, а когда, наконец, получилось, то от ворвавшегося в ноздри запаха кирзачей и навоза его замутило. Он кое-как встал на четвереньки, и его вырвало кровью.

– Дывысь, який ніжний, – хмыкнул кто-то.

– Этот поганый москаль моего кума Мыколу завалил, – зло бросил другой. – Была б моя воля, я бы ему все ребра повывергивал по одному.

– Слышал же, что господин оберлейтенант велел, – возразил третий. – Доставить живым и невредимым. Погоди, вот допросят его и делай потом с ним что хочешь.

– У, кацап! – носок сапога вновь вонзился Гумилеву под ребра. – Живи пока, твое счастье!

– Хватит, – скомандовал третий. – Тащите его в машину, хлопцы.

Гумилеву скрутили руки ремнем и, подхватив под мышки, поволокли к машине. Лев пытался обернуться на дом, но ему тут же сунули кулаком между лопаток. На дороге стоял грузовичок, крытый брезентом, и светил фарами куда-то в ночь. Около грузовика топтался небольшого роста мужичонка с охотничьим ружьем в руках.

– Ну, шо? – спросил он подошедших. – Зацапали гадов?

Голос его показался Льву странно знакомым.

– Одного взяли, – ответили мужичонке. – Второй утек к речке. Ну да Потап его оттуда вытащит.

Лев едва сдержался, чтобы не вскрикнуть от радости. Значит, Теркину удалось уйти! Не все еще пропало!

– А шо с кузнецом? – продолжал допытываться мужичонка. – Он мне на прошлой неделе рессору новую обещал...

– Хватит болтать, – сказал тот, что не велел калечить Гумилева. – Поехали скорее.

Льва, как куль, бросили в кузов. Двое залезли вместе с ним, третий сел в кабину.

Грузовик трясло на дороге, Льва возило лицом по грязному полу. Один из конвоиров поставил ему на спину ноги и время от времени сладострастно впечатывал сапог в позвоночник пленника.

«Все, как у нас в лагере, – думал Гумилев. – Там – паханы и бугры, здесь полицаи. Там – администрация и вертухаи, здесь немцы. Различия чисто внешние, суть одна – крайняя жестокость и звериная ненависть ко всему, что вне их системы ценностей... Должна быть какая-то внутренняя связь, объединяющая палачей и их подручных, если подумать как следует, я ее нащупаю, но времени у меня на это уже, кажется, не осталось...»

Привычка, приобретенная еще в питерских Крестах – размышлять над какой-нибудь проблемой, когда тебе больно, плохо и страшно – помогла и на этот раз. Заплеванный пол и воняющие сапоги не то чтобы исчезли, но отодвинулись куда-то в темноту. Сейчас перед Гумилевым была проблема, и проблему эту следовало решить, не отвлекаясь на досадные помехи.

«Надо определить основные характеристики, – думал он. – Жестокость как условие выживания в замкнутой группе, это первое. Обязательная иерархическая структура – вожак, его приближенные, основная масса, шестерки. Это второе. Внешние рамки как раз необязательны – вот же здесь, рядом со мной, сидят как полицаи, так и простые крестьяне, помогающие немцам за какую-то мелкую выгоду. Значит, объединение достаточно аморфное, нестойкое... Как бы его назвать? Консорция! Латинское слово *consortium* означает «соучастие»! Есть у него, правда, и другое, возвышенное значение – содружество. Но соучастие подходит вернее. Что такое артели, секты, банды и прочие объединения, построенные на круговой поруке, как не консорции? И что

такое преступная общность уголовников или предателей, поступивших на службу к врагу, как не отвратительное соучастие?»

Машину тряхнуло на повороте, она сбавила ход и остановилась. Залаляли собаки.

– Вылазь, хвойда! – конвойный изо всех сил пнул его в бок. – Думаешь, тут ждать тебя будут?

Гумилев попытался встать, но со связанными за спиной руками это было не так-то просто. Кончилось все тем, что его просто выбросили из кузова, и он сильно разбил себе колено о камень.

Луч фонаря воткнулся ему в лицо.

– Почему он один? – спросил чей-то лязгающий голос по-немецки. – Агент говорит, что их было двое.

Другой голос, мягкий, словно бы смазанный жирком, перевел эти слова на русский.

– Предупредили их, господин офицер, – оправдываясь, заговорил полицаи. Теперь Гумилев мог его рассмотреть – это был полноватый мужик лет тридцати пяти, с лицом, круглым как блин. – Кто-то спугнул. Этот как начал по нам палить, Мыколу сразу на смерть, Яна тяжело ранил... Пока его брали, второй ушел. Но его ловят, господин офицер, там Потап со своими собачками, возьмут они его...

«Черта с два, – подумал Лев злорадно. – В жизни вам Теркина не взять!»

– Довольно, – немец взмахнул рукой. – Это уже вторая проваленная вами операция, Савелий. Ладно, с вами я разберусь позже. А сейчас – в подвал его, живо!

В подвале, оборудованном наподобие спортзала, с Гумилева сорвали рубашку и брюки, и так, голого, прикрутили к шведской стенке. Лысоватый толстяк в цветастой рубаше принес откуда-то настольную лампу и направил в глаза Гумилеву.

– Вы говорите по-немецки? – спросил офицер, подходя вплотную к распятому на шведской стенке Льву. – Да или нет?

«Если вас захватят в плен, – учил их Жером, – вам нужно придерживаться той тактики, которая даст вам максимум преимуществ. Немцы могут попробовать перевербовать вас – в этом случае знание их языка может оказаться большим плюсом. Но не

исключено, что вы окажетесь в ситуации, когда знание немецкого лучше скрыть – допустим, когда допрос ведут два офицера, и из их разговора можно почерпнуть какие-то важные сведения. В общем, действуйте по обстановке».

«Перевербовывать меня вроде пока никто не пытается, – подумал Гумилев. – Так что выпендриваться, пожалуй, ни к чему. Буду косить под дурачка».

– Не понимаю я, – пожаловался он, – чего вы от меня хотите-то?

– Говорит, что не знает, – перевел толстяк в цветной рубахе.

– Царицкий, скажите ему, чтобы не вздумал отпираться и лгать. За каждый неправильный ответ он будет получать удар железным ломиком – по ногам и рукам.

Усилием воли Гумилев заставил себя никак не отреагировать на эти слова, хотя внутри у него все сжалось от страха. Только когда толстяк закончил переводить, он позволил себе дернуться. Офицер удовлетворенно кивнул.

– Скажите ему, что это не все. Если я не получу ответа на интересные меня вопросы, ему придется познакомиться вот с этим.

Тонкий стек офицера похлопал по черному кожуху стоявшей в углу динамо-машины.

– Электроды присоединяются к различным чувствительным частям тела, затем на них подается ток. Обычно люди, к которым применяют эту машину, выдерживают не больше пяти минут.

Толстый Царицкий перевел все в точности. Потом со змеиной улыбкой добавил:

– А электродики-то мы обычно в одно только место и лепим. Пять минут – и готова яичница! Ну, будешь говорить?

– Я себе не враг, – прохрипел Гумилев.

– Тогда начнем, – бесстрастно сказал офицер. – Дано: мы знаем, что в деревню вас привели люди, связанные с партизанами. Вопрос – вы тоже партизаны?

– Нет, – Лев замотал головой. – Я не партизан. Я боец Русской Освободительной армии...

– Савелий, – недовольно проговорил офицер. Круглолицый полицейский выступил из тьмы и ударил Гумилева ломиком по пальцам.

Ударил несильно, даже не замахиваясь – но боль была такая, что у Льва из глаз брызнули слезы.

– Поясняю, – сказал офицер. – Ты должен отвечать только на заданные вопросы. Я пока не спрашивал, кто ты такой. Отвечай коротко и правдиво, ясно?

– Ясно, – выдохнул Лев.

– Второй, который был с тобой – он партизан?

– Нет! – ему показалось, что Савелий опять занес ломик. – Да нет же!

– Спокойно. Как вы оказались среди партизан?

– Мы заблудились. В лесу нас схватили какие-то люди. Мы не знали, что это партизаны.

Офицер поморщился.

– Савелий!

На этот раз удар был сильнее. Перед глазами Льва завертелись черные круги.

– Я хочу слышать правду. Ложь означает немедленное наказание. Klar?

«Сволочь, – подумал Гумилев бессильно. – Проклятая фашистская сволочь!»

Еще минуту назад он был готов изложить офицеру свою легенду, признаться в дезертирстве из рядов РОНА и даже выразить желание сотрудничать с немецкой администрацией. Все это было предусмотрено планом Жерома. Но сейчас тактика допроса стала окончательно ясна ему: офицер хотел, чтобы Гумилев выдал местонахождение и связников партизан. И только после этого, вынудив пленника к предательству, собирался перейти к выяснению прочих вопросов.

– Вот что, – сказал он, чувствуя, как немеют губы, – иди-ка ты к такой-то матери, фриц вонючий. Ничего я тебе больше не скажу.

– Это было предсказуемо, – у немца дернулся уголок рта. – Савелий, подключай динамо-машину.

«Ну, вот и все, – подумал Гумилев. Страх куда-то исчез. Он вообще больше ничего не чувствовал, одну только ненависть к этой черной швали. – Жаль, только двоих подстрелить успел».

Савелий подтянул к шведской стенке два провода с электродами. Лев рванулся, но руки и ноги были прикручены на совесть.

– Не дергайся, голуба, – Царицкий расплылся в широкой улыбке. – Бесполезно. Знал бы ты, как я люблю смотреть на это дело! Веришь, аж слюнки текут!

– Молчать! – брезгливо оборвал его офицер. – Савелий, минимальный ток.

«Не буду кричать, – подумал Гумилев. – Ни за что не буду!»

Когда Савелий в третий раз крутанул ручку динамо-машины, он закричал.

– Я повторяю свой вопрос, – сказал немец, – как вы оказались среди партизан?

«Надо потерять сознание, – сказал себе Лев. – Тогда они ничего от меня не добьются».

Этой наукой он тоже овладел в Крестах. Чтобы не стать падлой и стукачом, приходилось доводить следователей до бешенства – тогда удар ножки от табурета гарантировано отправлял упрямца в беспамятство.

Но сейчас сознание, как нарочно, не спешило его покидать. Ему было очень больно, однако боль, как это ни ужасно, была терпимой. Офицер и его подручные превосходно владели своим ремеслом; по сравнению с ними следователи из питерского Большого дома казались неумелыми школьниками.

– Я буду спрашивать, пока ты не ответишь, – терпеливо проговорил немец. – А ответишь ты все равно. Савелий, пять оборотов.

Льву показалось, что глаза его вылезают из орбит – боль распирала черепную коробку, как поднявшееся дрожжевое тесто. Взгляд его случайно упал на Царицкого – толстый переводчик тяжело дышал, облизывая языком пухлые красные губы. Гумилева затошнило.

– Я знаю, что в лесу есть партизанские отряды, – немец подошел к нему и ткнул стеком под подбородок. – Мне нужно знать, зачем партизаны понадобились вам. Для этого я задаю наводящие вопросы. Как вы нашли партизан?

– Нашли, – просипел Гумилев, – шли-шли и нашли...

– Он издевается, господин оберлейтенант, – притворно огорчился Царицкий.

– Семь оборотов!

«Консорция, – повторял про себя Лев, – консорция палачей... Извращенцы, садисты, маньяки – все, кто в нормальных условиях прятался бы от правосудия и совершал преступления втихомолку – теперь, при фашистской власти, могут смело воплощать свои мечты и фантазии в жизнь... и никакого наказания им за это не будет, напротив...»

Новая вспышка боли оборвала мысль. Подвал качнулся и поплыл куда-то в сторону, но тут же вернулся на место.

– И еще раз: откуда вы узнали, где находятся партизаны? Вам кто-то сказал? Кто?

Гумилев проглотил вязкую слюну.

– Дед Пихто.

Офицер выслушал объяснение Царицкого и первый раз за все время допроса улыбнулся.

– Ты, вероятно, думаешь, что можешь играть в героя долго. Однако это не так. – Он посмотрел на часы. – С момента начала допроса прошло три минуты. Уверен, что тебе они показались вечностью. Через пять минут ты будешь выть и умолять меня выключить ток. Через десять – расскажешь все, что знаешь, и все, чего не знаешь, тоже. За это время ты пройдешь через все муки ада. Скажи – ты все еще хочешь играть в героя?

Лев поднял голову и посмотрел в холодные голубые глаза оберлейтенанта.

– *Ní! mortalibus ardui est*, – пробормотал он хрипло. Офицер озадаченно уставился на него. Как и предполагал Гумилев, оберлейтенант не знал латыни.

– *Caelum ipsum petimus stultitia, neque
Per nostrum patimur scelus Iracunda
Jovem ponere fulmina*²¹.

– Царицкий! – прикрикнул немец. Переводчик виновато развел руками.

21 Стихи Квинта Горация Флакка

– Не понимаю, господин оберлейтенант.

Лев скривил губы в усмешке.

– *Нет для смертного трудных дел*, – медленно проговорил он по-русски. Толстяк тут же перевел.

– *Нас к самим небесам гонит безумие*

Нашей собственной дерзостью

Навлекаем мы гнев молнии Юпитера...

Оберлейтенант задумался. Походил по подвалу, похлопывая стеклом по голенищу сапога.

– Ты хорошо образован, – сказал он, наконец. – Скорее всего, понимаешь немецкий – я видел, у тебя несколько раз дергался глаз, когда я говорил. Ты не примитивный дикарь, как большинство партизан. Почему ты не хочешь сотрудничать? Ты же видишь, что выхода у тебя нет. Я могу запытать тебя здесь до смерти, а могу приказать – и тебя развяжут, дадут еды и сигарет. Будешь помогать – тебя отправят в хороший лагерь. Не будешь – останешься инвалидом, обрубком человека. Савелий не слишком старательный полицейский, но у него есть одна забавная привычка – он любит отпиливать пилой руки и ноги тем, кто не хочет с нами сотрудничать.

Гумилев молчал. Любой ответ означал бы, что он соглашается играть по правилам этого уверенного в себе немецкого офицера. Лучше уж напрячь последние силы и попробовать умереть достойно.

– Савелий, – вздохнул оберлейтенант, – десять оборотов!

Но полицейский не успел выполнить приказ. На лестнице раздался какой-то шум, и в подвал скатился совсем молодой лопоухий солдатик в форме рядового Ваффен-СС.

– Господин оберлейтенант, – испуганно доложил он, – там вас господин штурмбаннфюрер требует...

– Какой еще штурмбаннрер? – нахмурился офицер. Солдатик высоко поднял брови, отчего его юношеская физиономия стала совсем несчастной.

– Не могу знать. Вас требует.

– Черт знает что, – оберлейтенант в сердцах стукнул кулаком в открытую ладонь. – Ладно, я сейчас вернусь. Савелий – без меня

никакой самодеятельности, ясно? Царицкий, к вам это тоже относится!

Офицер отсутствовал минут десять. За это время Царицкий несколько раз прошелся рядом с Гумилевым, урча от нетерпения, как большой жирный кот. От него пахло потом и кислой капустой. Савелий равнодушно сидел на табурете, теребя ручку динамомашины. Видно было, что ему очень хочется ее повернуть, но он не решался нарушить приказ хозяина.

Лев никак не мог понять, радоваться ему этой неожиданной отсрочке или проклинать судьбу, продлевающую его мучения с изобретательностью китайского заплочных дел мастера. Он был почти уверен, что после десяти оборотов просто сойдет с ума. Если бы это произошло сразу, возможно, ему не было бы так страшно. Но прервав пытку, оберлейтенант дал ему время представить, каково это – стать сумасшедшим. И теперь Гумилев уже не мог думать ни о чем другом. Некстати вспомнился Бунька, дурачок, живший по соседству с домом бабушки в Бежецке. Он был добрый, Бунька, но очень неопрятный, все время ходил в перепачканной одежде, пускал слюни, еда выпадала у него из большого рта... Мальчишки кидали в него камнями и пугали, замахиваясь палкой, а он приседал и закрывал голову руками, хотя был гораздо больше и сильнее своих обидчиков. Неужели он станет таким, как Бунька? Потеряет рассудок, достоинство, сознание того, что он человек? Все это останется здесь, в грязном подвале. Существо, которое было Львом Гумилевым, может быть, будет еще жить и дышать воздухом, но человека Льва Гумилева больше не будет. А с ним исчезнет и весь мир – с его историей, невыразимой красотой и тайной.

Страх окончательно обессилил его, и когда в подвал спустился незнакомый ему офицер – широкоплечий, статный, в новенькой форме штурмбаннфюрера гестапо – он едва сумел поднять голову. Штурмбаннфюрер брезгливо оглядел голого, опутанного проводами Гумилева и приказал коротко:

– Снять!

– Господин Кальман, дайте, по крайней мере, расписку! – следовавший за гестаповцем оберлейтенант выглядел до крайности

раздраженным. Лицо у него было красным, как будто он только что пришел с мороза – видимо, разговор со штурмбаннфюрером вышел непростым. – Мне не хотелось бы, чтобы все лавры по поимке опасного диверсанта опять достались гестапо!

– Какой вы, однако, формалист, оберлейтенант, – хохотнул гость, продемонстрировав отличные крепкие зубы. – Ладно, будет вам расписка. Вы двое – оденьте пленного и приведите его в порядок!

Гумилева отвязали от стенки. Затекшие ноги и руки ничего не чувствовали, ему казалось, что он видит тягостный и очень правдоподобный кошмарный сон. «Может быть, я уже сошел с ума?» – подумал он.

– Итак, расписка, – штурмбаннфюрер открыл черную папку и вынул оттуда какой-то бланк. – Я, криминаль-директор полиции Фридрих Кальман, забираю под свою ответственность предполагаемого советского диверсанта и партизана... как, вы говорите, его зовут?

– Он не назвал себя, – поколебавшись, ответил оберлейтенант.

– Чем же вы тут занимались, черт возьми? Ладно... предполагаемого диверсанта... не назвавшего своего имени... для дальнейшей оперативной разработки в штаб-квартире гестапо в Виннице. Примечание: честь поимки неустановленного диверсанта принадлежит оберлейтенанту Мольтке. Вы, оберлейтенант, случайно не родственник знаменитого стратега? Жаль, жаль. Ну, что, в таком виде устроит?

Мольтке с кислым выражением лица пробежал глазами расписку.

– Прошу вас поставить дату, – сказал он, – и точное время. Да, благодарю. Забирайте его, штурмбаннфюрер.

– Отведите его в мою машину, – небрежно распорядился гестаповец. На Гумилева он даже не взглянул.

– Вы приехали один? – спросил оберлейтенант. – Очень опрометчиво. Партизаны с каждым днем ведут себя все более нагло...

– А это уже ваша недоработка, nicht wahr? – усмехнулся Кальман. – Ничего, я не боюсь этой швали.

– Я могу дать вам в сопровождение полицейских, – сказал Мольтке. – Тем более, что один из них давно просится в город в увольнительную.

– Одного будет вполне достаточно, – махнул рукой Кальман. – Он водит машину?

– Конечно.

– Отлично. В таком случае, мы можем отправляться немедленно – я немного подремлю по дороге.

В машине штурмбаннфюрера почему-то пахло порохом. Савелий втокнул связанного по рукам и ногам Гумилева на заднее сиденье, подозрительно покрутил носом.

– Смирно лежи, понял? Думаешь, повезло тебе? Не надейся! В гестапо с тобой такое сделают, что наш подвал тебе раем покажется!

– Хватит болтать, – с ужасным акцентом сказал по-русски Кальман. – Садись за руль и поехали.

Он уселся на сиденье рядом с водителем и раскрыл свою папку. Зашуршал бумагами. Неразборчиво пробормотал какое-то ругательство.

– Вы не беспокойтесь, господин штурмбаннфюрер, – говорил между тем Савелий. – Дороги тут мне хорошо известные, партизаны по ним не ходят, боятся. Патрули наши, опять же... А что господин оберлейтенант меня с вами послал, так это он такое уважение к вашей персоне проявляет...

– Заткнись, свинья, – оборвал его Кальман. Савелий затих мгновенно, как будто выключили радио. В зеркале заднего вида отражалось его испуганное и злое лицо.

Прошло минут двадцать, а может, полчаса, и Гумилев неожиданно начал дремать. Напряжение, державшее его стальной хваткой последние сутки, потихоньку отпускало – не потому, что впереди заблестел слабый огонек надежды, а потому, что невозможно находиться в напряжении вечно.

Он проснулся от толчка – машина резко остановилась. За окном серели тусклые утренние сумерки.

– Выйди, посмотри, что случилось, – велел Савелию Кальман.

Тот открыл дверцу и принялся медленно вылезать из машины. Штурмбаннфюрер вытащил из кобуры небольшой плоский пистолет и трижды выстрелил в полицаю.

Гумилев увидел руку Савелия – толстую красную руку, корявые пальцы с обгрызенными ногтями, цепляющиеся за край дверцы. На стекле машины расплывалось кровавое пятно.

Потом пальцы один за другим разжались и послышался глухой стук упавшего тяжелого тела. Штурмбаннфюрер Фридрих Кальман повернул к Гумилеву круглое улыбающееся лицо.

– Ну, привет, земляк! – сказал он по-русски без всякого акцента.
– Будем знакомы – Кошкин моя фамилия.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ясон и Медея

Северный Кавказ, август 1942 года

Как он и предполагал, действие амидона закончилось раньше, чем Мария разобралась со своими картами. К этому времени Гегель успел перекусить, сполоснуться у бывшего на заднем дворе крепости источника и выскоблить себе щеки золингеновской бритвой. Боль вернулась внезапно – в тот момент, когда он подносил лезвие к подбородку. Оберштурмбаннфюрер застонал и едва не выронил бритву.

Пришлось снова натягивать осточертевший, пропахший потом корсет. Немедленно начала чесаться спина. Но главное – каждое движение вновь давалось с большим трудом. Чтобы не застонать, Гегелю приходилось до крови кусать себе губы.

«Нет, так не пойдет, – подумал он, доставая вторую дозу амидона. – Укола хватает часов на десять – а там что-нибудь придумаем».

Он обратил внимание, что на этот раз анестезия подействовала почти сразу – видимо, начиналось привыкание. По телу растекалась теплая истома.

Эрвин прилег у стены, подложив под голову китель. Высоко над ним медленно кружилось ярко-голубое небо. Тонкий запах цветов по-прежнему щекотал его ноздри.

«Это рай, – подумал оберштурмбаннфюрер. – Не зря я проделал такой путь. Останусь здесь навсегда, заведу ферму и буду жить в полной гармонии с окружающим миром до глубокой старости».

Он вспомнил гауптманна Грота и его мечту о собственной гостинице для альпинистов. Да, это, пожалуй, неплохая мысль. Будем ходить друг к другу в гости, усмехнулся про себя Гегель. Скорее бы закончилась эта война...

Глаза его закрылись сами собой. Во сне он летал над горами на огромных разноцветных крыльях и громоподобно хохотал. Где-то далеко внизу капитан Хайнц Грот пытался воткнуть в камень на вершине Эльбруса боевой штандарт Третьего Рейха – только вместо свастики на этом штандарте было почему-то лицо Марии фон Белов.

Кто-то тряс его за плечо. Красно-черное знамя приблизилось и разлетелось на мелкие кусочки. Гегель открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Марию.

– У меня все готово, Эрвин! Вы не поверите – Хранилище куда ближе, чем я предполагала!

Гегель провел по лицу ладонью, стряхивая остатки сна.

– Ближе?

– Да. Я была уверена, что на карте изображен северный берег озера Рица, но это не так. Проклятый Диксон был мастером запутывать следы. Если бы ваш фрагмент попал ко мне в руки пять лет назад, я собрала бы для фюрера десятки предметов!

Ее зеленые глаза возбужденно блеснули. Гегель заметил, что расшифровка карты не помешала ей подвести ресницы и подкрасить губы.

– Оказывается, карту надо было перевернуть! То, что я принимала за север, на самом деле юг, и наоборот. Вся наша работа в тридцать шестом году была напрасной тратой сил. Мы искали башню к северу-западу от Рицы, а надо было искать здесь, на юго-востоке!

– Я ничего не понимаю, – покачал головой Гегель. – Какую башню?

– Вход в Хранилище находится в башне. Или рядом с башней. Короче говоря, мы почти у цели. Путь займет не больше двух часов. Вы еще не передумали, Эрвин?

Места, по которым они шли, напоминали декорации для фильма о героях древности. Тропа вилась по дну расщелины, чьи отвесные стены уходили вверх на километровую высоту. В одном месте прямо из скалы били небольшие водопады – здесь тропа превращалась в топкое болотце. Гегелю показалось, что из жидкой грязи может в любой момент высунуться голова какой-нибудь лернейской гидры. Чуть дальше гигантский блок известняка размером

с Рейхстаг наполовину провалился в подземные пустоты, словно вбитый в землю ударом молота Тора. В ущелье гулко отдавался стук срывающихся со склонов камней. Первое время Гегель хватался за автомат при каждом таком ударе, но потом привык и перестал вертеть головой.

Маленький отряд возглавляла Мария фон Белов, постоянно сверявшаяся с новой картой. За ней топал бритый громила Фрицци, в руках которого автомат казался игрушкой. Третьим шел Гегель. Раттенхубер, к большому удивлению Гегеля, решил остаться в крепости.

– Вы не идете с нами, оберфюрер? – спросил его Эрвин.

На жестком лице телохранителя не отразилось никаких эмоций.

– У меня приказ – обеспечить безопасность фрау фон Белов. Я не считаю, что в данный момент фрау фон Белов что-то угрожает. К тому же рядом с ней будете вы с шарфюрером.

Судя по тону, которым были сказаны эти слова, Раттенхубер уже успел протрезветь. К Марии он, однако, так и не подошел, и вообще старался держаться от нее на расстоянии. Фон Белов, в свою очередь, не обращала на него никакого внимания. Контразведчик дал себе зарок обязательно выяснить, что за черная кошка пробежала между ними.

Мало-помалу окружавший их каменный хаос начал действовать Гегелю на нервы. Дорога, по которой он добирался до древней крепости, по сравнению с этим мертвым ущельем казалась живописным и уютным уголком. Эрвин вспомнил свои утренние грезы о жизни в горном раю и горько посмеялся над ними. Расщелина, по которой они двигались, напоминала в лучшем случае чистилище – и явно ту его часть, что располагалась неподалеку от адских врат.

Мария фон Белов остановилась и помахала ему рукой. Шарфюрер угрюмо посторонился, давая Гегелю дорогу – тропа в этом месте была узкой.

– Сейчас мы вот здесь, – Мария ткнула в карту накрашенным ноготком. – От цели нас отделяет меньше километра.

– Ну так давайте же их преодолеем, – усмехнулся Гегель.

– Вы, кажется, просили о награде, Эрвин? – слегка прищурилась фон Белов. – Вы ее заслужили. В Хранилище мы войдем вместе – только вы и я.

Прежде, чем контрразведчик успел как-то отреагировать, Мария повернулась к шарфюреру.

– Фрицци, ты останешься здесь, внизу. Дальше пойдем только мы с господином Гегелем. Будешь охранять тропу на случай внезапного появления русских. Тебе все ясно?

– Так точно, – рубленое лицо шарфюрера было бесстрастно. – Когда мне ждать вашего возвращения?

Фон Белов бросила взгляд на часы.

– Не раньше половины седьмого. Если нас не будет до восьми, поднимайся вверх.

– Наверх? – переспросил Гегель. Никакого намека на тропу, по которой можно было бы подняться к нависавшим над расщелиной уступам, он не видел.

– Если карта верна – а пока у меня не было оснований сомневаться в ее точности – через сто метров мы увидим водопад. За ним есть грот, из которого можно подняться на площадку, поэтически названную полковником Диксоном «гнездом орла». Не будем терять времени, скоро начнет темнеть.

Водопад обнаружился за поворотом ущелья – прозрачная струя воды падала с двадцатиметровой высоты, в брызги разбиваясь о гранитные глыбы, похожие на застывшие волны каменного моря. Ни озера, ни ручейка водопад не образовывал – вода бесследно уходила куда-то в щели между камнями.

– Судя по карте, под нами протекает подземная река, – пояснила Мария. – Нам нужно пройти сквозь водопад. Я была бы очень благодарна вам, Эрвин, если бы вы подали мне руку...

Гегель без колебаний шагнул под секущие ледяные струи. За прозрачной стеной обнаружился узкий лаз, наполовину загроможденный каменными осколками. Эрвин обернулся и протянул руку Марии. Ее тонкие пальцы обхватили его запястье. Изысканный прыжок – и вот уже она стоит рядом с ним, вымокшая с головы до ног, с блестящими зелеными глазами, тяжело дышащая от возбуждения.

Гегель положил свои руки ей на бедра и привлек Марию к себе. Почувствовал, как она напряглась в его объятиях. Наклонился и жестким, солдатским поцелуем впился ей в губы.

Она ответила. Ответила так, что у него потемнело в глазах. В ее поцелуе была страсть, и жестокость, и стремление поступать наперекор. Она укусила его до крови, а потом слизнула эту кровь своим языком.

– Мария... – выдохнул он, когда первая вечность все-таки закончилась.

Она, напряженно улыбаясь, приложила свой палец к его окровавленным губам. Гегель вспомнил, что она уже касалась его так – в ставке «Вервольф», перед тем, как фюрер поручил ему это задание. Уже тогда в этом жесте можно было угадать обещание – вот только он был слишком слеп, чтобы его разглядеть.

– Не надо слов!

Гегель не стал спорить. Второй поцелуй был похож на первый – и еще больше напоминал схватку. Каждый хотел быть сильнее. Никто не готов был уступить. В какой-то момент Мария захотела вцепиться ногтями ему в спину, но Гегель перехватил ее руки и с силой отвел их вниз. «Не хватало еще, чтобы она поломала ногти о мой корсет», – пронеслось у него в голове.

Фон Белов, впрочем, восприняла его жест как попытку навязать ей свою волю. С усмешкой, не предвещающей ничего хорошего, она отвела руку назад и вlepила ему пощечину. У Эрвина загудело в ушах, он почувствовал, как ярость застилает ему глаза.

Зарывав, он разорвал на ней рубашку. Небольшая крепкая грудь Марии тут же заблестела от брызг водопада. Гегель обхватил женщину за талию, поднял (ребра заныли даже сквозь амидоновую блокаду) и посадил на выпиравший из стены камень. Прильнул губами к тугому коричневому соску.

Укусил.

Мария закричала. Ударила его коленом в живот, но он успел вовремя напрячь мышцы пресса и почти не почувствовал боли.

Притиснул ее к скале. Левой рукой сдавливал грудь, правой рванул вниз юбку. Треск разрываемой ткани необычайно возбудил Гегеля. Фон Белов, наконец, перестала вырываться, откинулась

назад, застонала глубоким, чувственным голосом. Каждая женщина в глубине души хочет, чтобы ее изнасиловали, вспомнил Эрвин чьи-то слова. Кто же так говорил? Возможно, даже сам фюрер...

Он быстро расстегнул брюки. Властным движением привлек к себе Марию и, преодолевая слабеющее сопротивление, вошел в нее – резко, сильно, как входит победитель в город, не выдержавший осады.

Ему еще ни разу не доводилось заниматься любовью в столь неподходящих условиях. Спину Гегеля полосовали струи воды, ребра под корсетом отзывались тупой болью при каждом движении. К тому же ему приходилось поддерживать Марию за бедра – она изо всех сил вжималась в мокрый камень, но постоянно соскальзывала вниз. Он видел ее широко распахнутые глаза, ее белые, сахарные зубы – она что-то кричала ему в лицо, но Гегель не слышал. Он чувствовал ее запах, запах горьких трав и нежных эдельвейсов, запах ледников и каменных осыпей, запах ветра и крови. Этот запах закружил ему голову, поймал его в ловушку и не выпускал. Эрвин спрятал лицо в ложбинке между ее грудей – здесь запах был самым сильным. Мария обхватила его голову руками и прижала к себе так крепко, что у него перехватило дыхание.

– Мой Ясон, – задыхаясь, выкрикнула она, – о, мой Ясон!

– Заткнись! – глухо прорычал Гегель.

В следующий миг ему показалось, что он взорвался, превратился в бомбу, разрывающуюся на миллион осколков, в мириады звезд Млечного Пути, разлетающихся от эпицентра чудовищной космической катастрофы, в слепящую вспышку белого света. Ноги Марии сжали его бедра с такой силой, что Гегель пошатнулся и едва не упал.

– Да! Да, мой герой! Да!

Подгоняемый скорее честолюбием, чем желанием, он нашел в себе силы продолжить схватку. Теперь это было куда труднее, но стоны женщины подстегивали его, распаляли воображение. Она в его руках, мягкая, податливая, как воск. Ее воля подавлена, ее противодействие сломлено. Еще немного – и она забьется в его руках, как беспомощная птица, пойманная в силки. В этот момент окончательной капитуляции Гегель страстно хотел заглянуть в ее глаза.

Но Мария фон Белов не дала ему в полной мере насладиться триумфом. Она вдруг откинула голову, едва не разбив ее о скалу. Выгнула спину, как цирковая гимнастка. Все ее тело пронзила длинная, тягучая судорога. Гегель вздрогнул, почувствовав нечто, напоминающее электрический разряд.

– Богиня, – непонятно крикнула Мария, царапая ногтями камень, – богиня, это тебе! Тебе!

Она с силой оттолкнула от себя задыхающегося оберштурмбаннфюрера. Соскользнула по скальной стене и опустилась на корточки, спрятав лицо в ладони. Тело ее была крупная дрожь.

– Не подходите ко мне, – проговорила она хрипло. – Заклинаю вас, Эрвин – не подходите!

Гегель пожал плечами и принялся одеваться.

Некоторое время они не разговаривали. Оберштурмбаннфюрер вскарабкался на завал и протянул Марии руку, чтобы помочь подняться, но она проигнорировала этот жест примирения. Подобрала свой рюкзак и закинула его за плечи. Юбку, порванную по шву, она заколола английской булавкой, рубашку завязала на груди узлом.

Лаз был узким, и протиснуться в него можно было только поодиночке. Когда Гегель хотел полезть в расщелину первым, Мария нарушила молчание.

– Вы пойдете за мной.

– Как скажете, штурмбаннфюрер. Надеюсь, вы не держите на меня зла?

– Не говорите глупостей, – сухо ответила фон Белов. – В каждом из нас прячется зверь. Иногда его полезно выпускать на свободу.

Гегелю показалось, что она начисто потеряла к нему интерес. Это задело его больше, чем он ожидал.

– Не будем терять времени, – к Марии вернулось ее обычное самообладание. – Нам еще предстоит долгий путь.

Расщелина, по которой они пробирались, напоминала Гегелю каминную трубу. Она довольно круто уходила вверх, подниматься приходилось, упираясь руками в холодный гранит. Камни то и дело выскальзывали из-под ног, с грохотом ударя-

ясь о выступы стен, и звонко цокали о площадку у водопада. Гегель старался держаться поближе к Марии фон Белов, чтобы вылетевший камень случайно не угодил ему в лоб. Белые ноги женщины мелькали у него прямо перед глазами, заставляя снова и снова переживать тот восторг, который он испытал совсем недавно.

«Надо будет повторить этот опыт до возвращения в ставку, – подумал он. – Может быть, без таких эксцессов, цивилизованнее... но повторить стоит обязательно!»

Лаз закончился неожиданно. Он выходил в неширокую галерею, спрятанную под нависавшим козырьком скалы. С одной стороны – глухая каменная стена, с другой – отвесный обрыв. Водопад отсюда казался совсем тоненькой струйкой.

– Это древняя священная тропа колхов, – сказала Мария. – Она ведет в подземный храм Гекаты.

– Зачем же мы тогда лезли наверх? – удивился Гегель.

– Потому что иначе в святилище не проникнуть. Было бы слишком просто и недостойно богини. К глубинам надо подниматься, к высотам – спускаться.

– Увлекаетесь эзотерикой? – спросил оберштурмбаннфюрер. Фон Белов не ответила.

Галерея привела их к полукруглой площадке, нависшей над ущельем. Видимо, это и было «гнездо орла». Отсюда открывался прекрасный вид на ледяные вершины Большого хребта – их снежные шапки алели в лучах закатного солнца. На севере лежало невероятной красоты озеро, похожее на овальной формы сапфир, заключенный в оправу из черненого серебра.

– Я искала Хранилище там, – фон Белов махнула рукой в сторону озера, – а оно находилось совсем в другом месте...

– Как же мы спустимся? – спросил Гегель, озираясь.

– Полетим.

Мария подошла к краю площадки и без колебаний шагнула в пропасть прежде, чем Гегель успел остановить ее.

– Ну, что вы застыли, Эрвин? Идите за мной.

Преодолевая головокружение, контрразведчик подошел к тому месту, где только что стояла Мария, и заглянул вниз. Фон Белов

смеялась, присев на корточки на узком карнизе, расположенном на метр ниже площадки.

– Спускайтесь, Эрвин. Это совсем не так страшно, как кажется.

Гегель не смог заставить себя прыгнуть на карниз так же легко, как это сделала Мария – воспоминания о падении в бездну прошлой ночью были слишком свежи. Пришлось лезть вниз, держась обеими руками за край площадки.

– Здесь могли пройти только посвященные, – с гордостью проговорила фон Белов. – А последним человеком, который прошел этим путем, думаю, был полковник Диксон.

– Получается, он нашел Хранилище?

– Он дошел до него, но не сумел открыть. Эрвин, если бы артефакты были просто хорошо спрятаны, это было бы полбеды. Беда в том, что они как бы заперты в сейф. И извлечь их оттуда может не каждый.

– А вы можете? – усмехнулся Гегель.

– Надеюсь, что могу. С вашей помощью, Эрвин.

Она прильнула к скале и осторожно принялась спускаться по узкой, едва различимой на фоне гранитной стены, тропе.

Когда-то это, наверное, был роскошный подземный храм. Двухуровневая карстовая пещера, найденная древними людьми и превращенная в святилище. Колонны сталагмитов были отполированы прикосновениями тысяч рук. Вырезанные в граните ступени стерты подошвами бесчисленных сандалий. Статуя божества в глубокой нише до блеска отшлифована губами паломников.

Тогда все пространство пещеры заливал свет сотен факелов, укрепленных вдоль стен. А в двух огромных яшмовых чашах перед резным алтарем горела тягучая, черная нефть. Потом что-то произошло. Катастрофа, землетрясение, всемирный потоп – кто знает? Горы дрогнули, сдвинулись и разошлись снова, сбрасывая с себя легкую паутинку человеческих построек. Высокие врата, ведущие в подземный храм, рухнули под напором тысяч тонн камня. Погасли факелы и яшмовые чаши. В пещере воцарилась непроглядная тьма.

Спустя много веков сюда вновь пришли люди. Какой-то отчаянный странник, искатель приключений или просто заблудившийся пастух пробрался по заваленному камнями лазу, прошел по карнизу над ущельем и спустился в глубокое подземелье. Возможно, у него было с собой огниво, и в слабых отблесках горячей тряпицы ему открылась картина разрушенного, но все еще величественного святилища.

С тех пор это место стало убежищем избранных. Они приходили сюда, чтобы принести жертвы древним жестоким богам. На поверхности давно поклонялись другим, светлым и сильным, но боги глубин по-прежнему властвовали здесь, у корней гор.

Так тянулись столетия, пока не умер последний жрец подземного храма, и сама память о древних богах не стерлась из умов людей. Тогда пещеру вновь окутало безмолвие.

Стоя под теряющимся во тьме куполом этого огромного подземного пузыря, Эрвин Гегель почувствовал страх. Место, в которое их с Марией привела карта полковника Диксона, было опасным. Опасность сочилась здесь из всех щелей. Она звучала в каждой капле, падающей с потолка карстового зала. Она угадывалась в воздухе – прохладном и затхлом. Ее было слишком много.

– Где же ваше Хранилище? – спросил Гегель шепотом.

Мария, не отвечая, сняла с плеча рюкзак. Развязала тесемки и вытащила оттуда какой-то темный округлый предмет. В нос Гегелю ударил сладковатый запах тления.

– Пришло твое время, Абдул, – произнесла фон Белов по-русски.

Контрразведчик посветил на предмет фонарем. Это была мертвая голова, до подбородка залитая смолой. Лицо искажено страшной гримасой, один глаз закрыт повязкой.

Фон Белов забормотала что-то по-гречески. Этот язык Гегель когда-то учил в гимназии, но с тех пор, разумеется, все забыл. Время от времени он выхватывал из абракадабры фон Белов отдельные знакомые слова – «гема», «крипта» – но о чем идет речь, не понимал.

Внезапно ему показалось, что уцелевший глаз головы смотрит прямо на него.

Это, конечно, была иллюзия – Гегель хорошо видел, что глаз был мертвым, затянутым какой-то мутной белесой пленкой. Но ощущение, что мертвец внимательно его рассматривает, было таким сильным, что он даже вздрогнул.

Мария фон Белов тем временем извлекла из кармана кителя серебряный портсигар. Отщелкнула крышку – внутри лежало что-то темное, похожее на свалывшуюся шерсть.

– И тебя я зову на службу, храбрый Казбек, – проговорила она, поднося к темному комку огонек своей зажигалки.

Шерсть вспыхнула ярким пламенем и быстро погасла. Мария перевернула портсигар и высыпала пепел прямо на мертвую голову.

Гегель почувствовал какое-то движение за спиной. Быстро обернулся, положив руку на кобуру.

В глубине пещеры мелькнула тень огромной собаки.

Контрразведчик поднял фонарь – луч «сименса» пронзил темноту, уперся в поблескивающую вкраплениями слюды стену. Никого. Но он мог поклясться, что только что видел пса – большого, лохматого!

– Казбек! – позвала Мария. – Именем богини Луны призываю тебя – укажи мне путь к Хранилищу священных предметов!

– Что это? – дрогнувшим голосом спросил Гегель. Ему вновь показалось, что он видит какое-то движение во мраке – на этот раз совсем рядом.

– Проводник, – ответила фон Белов. – Стойте спокойно, он вас не тронет. Только не светите на него фонарем.

Собака соткалась из тьмы в двух шагах от Гегеля. Она двигалась абсолютно беззвучно, как умеют ходить только представители семейства кошачьих, втягивающие когти в подушечки лап.

– Идемте за ним, – прошептала Мария. Она подобрала мертвую голову и, небрежно держа ее за волосы, поспешила за псом. Голова время от времени стукалась о ее ногу.

Они пересекли большую пещеру и углубились в лабиринт узких коридоров, пронизывавших тело горы. Здесь было очень холодно, луч фонаря выхватывал из темноты какие-то белесые потеки на влажных каменных стенах. Коридоры раздваивались, пересекались, уводили то вбок, то вниз. Если бы не собака, все так же бесшумно скользившая впереди, они бы уже давно заблудились.

Потом перед ними распахнулось большое, словно заполненное вязкой чернотой пространство. Фонарь здесь почти не рассеивал тьму. Воздух наполнило шуршание сотен кожистых крыльев – они потревожили колонию летучих мышей.

– Осторожно, – обернувшись к Гегелю, одними губами произнесла Мария. – Впереди – пропасть.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы понять, где они находятся. Призрачная собака привела их на узкий каменный мост, по бокам которого зияли бездонные провалы. За мостом громоздилась построенная из циклопических глыб черного камня башня. Ее очертания скрадывались темнотой, но Гегелю она показалась невероятно древней. Кому пришло в голову возводить башню в глубине подземелья? Быть может, построенная когда-то на поверхности, она медленно вращалась в землю или провалилась в подземные пустоты в результате того же катаклизма, что разрушил храм Лунной Богини?

Собака – теперь Эрвин различал ее отчетливо – отошла в сторону и легла на камни, вытянув мощные лапы.

– Дальше мы пойдем сами, – внезапно охрипшим голосом сказала Мария. – Идите за мной, Эрвин, не отставайте.

Гегель, уже переставший удивляться чудесам сегодняшнего дня, ступил на мост.

Мост оказался не таким уж узким – точнее, он выглядел таким на фоне огромной башни. В действительности же расстояние от одного края до другого составляло метра два – вполне достаточно, чтобы не опасаться свалиться в бездну. Мария почему-то шла теперь очень осторожно – даже не шла, а кралась, будто ожидая нападения.

Потом он услышал доносившийся из темноты странный звук, похожий на хихиканье. Звук этот терзал нервы хуже ножа, скребущего по стеклу. Он проникал прямо в мозг и ввинчивался в него, как шуруп. Хотелось заткнуть уши и скорее бежать от источника этого мерзкого хихиканья.

Оберштурмбаннфюрер увидел, как тьма перед Марией сгустилась, приняв очертания гротескно человекоподобной фигуры – низкорослой, длиннорукой, с широкими плечами и змеиной шеей. Прежде, чем Гегель успел вытащить из кобуры свой Вальтер, существо прыгнуло на Марию. Оно двигалось с невероятной

скоростью, раскачиваясь из стороны в сторону и царапая пальцами своих неестественно вытянутых рук камень. Все его резкие, дерганные движения сопровождались отвратительным хихиканьем, царапающим мозг.

За мгновение до того, как существо вцепилось ей в глотку, Мария швырнула в него мертвую голову.

Существо снова дернулось – на этот раз в сторону летящей к нему головы. Мелькнула оскаленная пасть, полная острых зубов. Когти впились в мертвую плоть, разорвали кожу. Голова одноглазого хрустнула, как куриное яйцо. Не переставая хихикать, чудовище вонзило клыки в треснувший череп. Послышался жуткий сосущий звук.

Грохнул выстрел, громом прокатившийся под сводами древней пещеры. Потом еще один и еще. Существо смело с каменного моста и швырнуло в бездну. Несколько секунд Гегелю казалось, что он слышит долетавшее из глубины хихиканье, потом послышался глухой удар о камни и все стихло.

Мария фон Белов обернулась к Гегелю, засовывая в кобуру парабеллум.

– Эти твари обожают человеческие мозги.

– Я боялся стрелять, чтобы не задеть вас, – сказал Эрвин. – Что это была за обезьяна?

– Страж. Тридцать лет назад он чуть было не прикончил полковника Диксона. Но теперь бояться больше нечего, путь свободен.

Она протянула Гегелю руку.

– Пойдемте, Эрвин.

Мост упирался в лестницу, которая опоясывала башню закрученной наподобие раковины улитки спиралью. Гегель взглянул вниз – основание башни терялось где-то во тьме. Ни дверей, ни окон на башне он не заметил.

– Как же мы войдем внутрь?

– Терпение, терпение. Мы и так шагнули за границу того, что дозволено простым смертным.

По крутым ступеням спиральной лестницы они поднялись на вершину башни. Гегель посветил фонарем вверх – но потолка пещеры так и не увидел.

– Вход должен быть где-то здесь, – проговорила фон Белов, оглядываясь. – Скорее всего, это потайной люк, закрытый каменной плитой. Эрвин, вас не затруднит простучать крышу?

Гегель молча принялся стучать рукояткой своего «Вальтера» по плитам. Звук все время был глухой, как если бы башня была изнутри забита камнями и землей.

– Ничего нет, – сказал он, выпрямляясь. – Похоже, здесь нет никакого люка.

Мария подошла сзади и прижалась к нему всем телом.

– Ошибаетесь, Эрвин. Вход здесь, я это знаю точно.

Он хотел обернуться, но не успел.

Что-то раскаленное ударило его в спину ниже левой лопатки. Гегель открыл рот, чтобы закричать, но из горла вырвался какой-то ужасный хрип. Секунду или две он еще стоял, скованный судорогой чудовищной боли, потом пошатнулся и упал на колени. Пистолет выпал из его онемевшей руки.

Мария фон Белов пнула «Вальтер» носком сапога. Пистолет с металлическим звоном отлетел к краю башни и канул в бездну.

– Для того, чтобы войти в Хранилище, нужно завершить ритуал. Жрица Гекаты должна принести в жертву своего любовника. Простите, Эрвин, ничего личного.

Гегель хрипел, царапая пальцами камень. Не хочу умирать, думал он, не хочу, не хочу...

– Первоначальный план предусматривал соблазнение Раттенхубера, – продолжала Мария. – Но это баварское бревно осталось равнодушно к моим чарам – на его счастье. Я уже собралась пожертвовать верным Фрицци, когда появились вы. Как нельзя более кстати, Эрвин. Как нельзя более кстати.

Гегель видел, как она присела на корточки и вытерла нож, измазанный в его крови, о поросший седым лишайником камень.

– Теперь жертва принесена, и Богиня откроет Хранилище своей жрице. Я должна...

Она не договорила. Каменная плита, на которой лежал, истекая кровью, Эрвин Гегель, дрогнула и провалилась внутрь башни.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Восходящее солнце

Винница, август 1942 года

– Значит, он сказал «желчный мозгляк Зоммер»? – переспросил Отто.

– Да, так и сказал. Я запомнила, потому что Кох тут же принялся пугать Клейнмихеля тем, что передаст его слова своему шефу.

– Желчный, – повторил Отто задумчиво. – Желчный мозгляк.

– И еще – у Клейнмихеля дядя какой-то большой чин в СС. Кох сказал, что он сейчас истребляет евреев в варшавском гетто.

– Да, да, – рассеянно кивнул Отто. – Я знаю. Некто Йозеф Бюлер, правая рука гауляйтера Польши. Послушай, а ты могла бы раздобыть медицинскую карту этого Зоммера?

– Ты думаешь, она есть в Винницкой больнице?

Отто снял с плиты чайник, насыпал в кружки заварки и залил кипятком.

– Понимаешь, это уже второй раз, когда я слышу фамилию штандартенфюрера Зоммера в связи с какой-то болезнью. Желчный – это же не просто свойство характера. Это также вполне может быть намеком на больную печень.

– Но разве станет штандартенфюрер доверять свое здоровье местным врачам?

– Если он умный человек – станет. Ты же сама говорила, что здесь отличные врачи.

Дайна пожала плечами.

– Хорошо, я посмотрю. А зачем это тебе?

Отто пододвинул к ней вазочку с вишневым вареньем.

– Ешь, отличное варенье. Подарок оккупантам от благодарного населения.

– Не скажешь?

– Ну почему же. Есть у меня одна задумка. Если Зоммер действительно страдает болезнью печени, я могу предложить Коху свою помощь. Ну, обмолвлюсь как-нибудь, что у меня большая практика в лечении холециститов, например. Кох, естественно, передаст это своему шефу, и тот пригласит меня в Вороновицу.

– А ты действительно сможешь ему помочь?

Отто улыбнулся и взял ее руки в свои.

– Вряд ли. Но это наверняка сможешь сделать ты.

Ложечка, которой Дайна нацелилась на варенье, замерла в воздухе.

– Ты хочешь, чтобы я его вылечила?

Отто подпер подбородок кулаком.

– Это было бы замечательно. Конечно, нужно продумать все детали. Тебе же необходим тесный контакт с больным.

– Причем длительный, – уточнила Дайна.

– Можно было бы организовать обследование, – размышлял вслух Отто, – но как сделать, чтобы это происходило в Вороновице? Впрочем, есть и еще один вариант. Я могу дать Зоммеру таблетки – ну, какое-нибудь плацебо, – а тебя оставить с ним в качестве сиделки.

– И я все время буду ходить рядом с ним, держа его за руку?

– Тогда я могу дать ему снотворное. А ты будешь сидеть рядом.

– Думаешь, он ничего не заподозрит?

– Когда проснется и почувствует себя полностью здоровым? Уверен, что нет. Тем более, что я предупрежу его о побочном успокоительном эффекте лекарства.

Дайна взяла в руки горячую кружку. Пить не стала, просто грела ладони.

– Ты понимаешь, что мне не очень приятно будет это делать?

– Понимаю. Тебе и с Кохом флиртовать было не очень приятно. И, тем не менее, ты прекрасно справилась. Кстати, откуда взялся тот верзил, который тебя провожал?

«Он нас видел, – подумала Дайна. – Наверное, стоял на балконе и, заметив меня с Хагеном, спустился вниз. А вот как Хаген пытался меня поцеловать, и как я от него бежала – разглядеть наверняка не успел».

– Он из тех громил, что устроили заварушку в бильярдной. Хотел пристрелить Коха, когда тот пытался за меня вступить...

– Тебе угрожали? – быстро спросил Отто.

– Да нет, просто позвали с собой играть в американку. А Кох вылез – мол, фройляйн с вами никуда не пойдет – и едва не схлопотал пулю. Клейнмихелю чуть нос не оторвали...

Она вспомнила, как потешно выглядел очкарик-эсэсовец, когда Хаген крутил ему нос, и хихикнула.

– Очень смешно, – медленно проговорил Отто. – Представляешь, что бы было, если бы там действительно началась стрельба?

Дайна осеклась. Отто был прав. Всех, кто находился в этот момент в бильярдной, немедленно задержали бы. Гестапо принялось бы педантично проверять их документы. И какой-нибудь старательный чин вполне мог запросить Рейхскомиссариат Остланд относительно СС-хельферин Дайны Кайните...

– Но все же обошлось, – сказала она, понимая, что это звучит жалко.

– Постарайся держаться подальше от этих молодцов. И вот еще что – ты правильно сделала, что привела его сюда.

«Он волнуется за меня!» – обрадовалась Дайна. Нет, не Дайна – Катя. Дайне было, в общем-то, все равно, переживает ли за нее гаупштурмфюрер Нольде. А вот Кате Серебряковой было совсем небезразлично, как относится к ней товарищ Жером.

– Жером, – тихо проговорила она по-русски, – Жером, миленький...

Он отодвинул кружку с чаем и внимательно посмотрел на нее.

– Отто, Дайна. Меня зовут Отто.

На следующий день она посвятила несколько часов поискам медицинской карты Дитера Зоммера. Довольно быстро Дайне удалось выяснить, что такая карта в больнице действительно есть, но хранится она в несгораемом шкафу в кабинете главного врача. Главврач, милейший Иван Семенович Потребенько, разумеется, не отказал бы ассистентке высокопоставленного берлинского чиновника, которой неожиданно понадобилось взглянуть на кар-

ту штандартенфюрера, но непременно бы удивился такой просьбе. Вряд ли он тут же побежал бы рассказывать о странном интересе Дайны в гестапо, но рисковать все же не стоило.

На счастье Дайны, Потребенько каждый день ходил обедать домой – благо, жил он в пяти минутах ходьбы от больницы. А после обеда любил немного поспать – по его мнению, это было исключительно полезно для нервной системы. Зато и засиживался Иван Семенович на работе допоздна, так что упрекнуть его в праздности не мог бы никто.

Замки на всех дверях Винницкой больницы были одинаковые и очень немудреные – с samozакрывающимися «собачками». На базе «Синица» им успели преподать несколько уроков работы с отмычкой, но Дайна решила пойти по более простому пути. Она, придумав какой-то правдоподобный предлог, зашла в кабинет Ивана Семеновича и, улучив момент, когда он повернулся к ней спиной, запихнула в гнездо запорной планки шарик жеваной бумаги. После этого ей оставалось только дожидаться обеда.

Проследив из окна, как Потребенько важно шествует через больничный двор, опираясь на свою трость, Дайна отсчитала еще десять минут для верности и поднялась на третий этаж, где располагался кабинет главврача.

Отжать неплотно вошедшую в паз «собачку» лезвием перочинного ножа оказалось делом пустяшным. Кабинет запирался изнутри, и Дайна, выковыряв из паза бумажный шарик, плотно закрыла за собой дверь. Несгораемый шкаф стоял в углу, около окна – это было плохо, потому что с определенного расстояния возившуюся у сейфа Дайну могли бы заметить со двора.

Она осторожно подошла к окну и выглянула наружу, стараясь держаться за занавеской. Во дворе не было никого, кроме уборщицы бабы Стеши, которая с натугой волокла куда-то тележку с наполненными мусором корзинами.

Дайна повернулась к несгораемому шкафу. Он, похоже, помнил еще царские времена – массивный, надежный, сделанный на века. Замочная скважина была закрыта металлическим лепестком, поворачивающимся на штырьке. Штырек этот выглядел единственной деталью сейфа, которую можно было сломать.

Вот теперь без отмычки было не обойтись. Дайна вытащила из кармана халата связку металлических штырей с загнутыми концами, выбрала один из них и принялась осторожно нащупывать отмычкой штифты замка.

Она делала все именно так, как учил их старый седой медвежатник на базе «Синица» – имени его курсанты так и не узнали. Прислушивалась к тихим хлопкам, которые издавали штифты, когда по ним проходила отмычка. Старалась не слишком сильно вращать отмычкой в цилиндре замка. Считала щелчки, с которыми штифты возвращались на место.

Все впустую. Замок не желал открываться.

Дайна перепробовала все отмычки. Однажды ей показалось, что у нее получилось, и штифты ушли в нужные пазы. Но именно в этот момент отмычка дернулась у нее в пальцах, и все пошло насмарку.

Возможно, если бы она так не торопилась, замок в конечном счете капитулировал бы. Но воображение предательски рисовало ей картины внезапного возвращения главврача: вот Потебенько вспоминает, что оставил в кабинете какие-то важные бумаги, вот решает не ложиться спать после обеда – просто так, для разнообразия, вот ему не нравится вкус борща, и он, поссорившись с женой, спешит обратно на работу. Дайна постоянно оборачивалась и смотрела в окно – не идет ли кто по двору. Никто не шел, но сосредоточиться все равно не удавалось.

Прошло, наверное, полчаса, прежде чем она смирилась с мыслью о том, что сейф ей не открыть. Обидно – придется докладывать Отто о неудаче, а этого Дайне хотелось меньше всего. Он, конечно, не станет ее бранить, но разве же в этом дело? Невыносимо думать, что в его глазах она после этого будет бестолковой девчонкой, которая не может даже справиться с пустяковым замком.

Дайна обвела взглядом кабинет Потебенько. Висевшие на противоположной стене часы показывали пятнадцать минут четвертого. Пора было уходить. Мысль о том, что сейчас она сбежит с места неудавшегося преступления, взбесила Дайну. А что, если карта вовсе не в сейфе? Вдруг она лежит тут, в ворохе бумаг, заваливших стол

главврача? Она начала перебирать документы – осторожно, двумя пальцами, чтобы Иван Семенович не заподозрил, что кто-то рылся в его бумагах. Она обнаружила две медицинские карты, но обе они не имели никакого отношения к Зоммеру.

Почти бездумно она потянула на себя выдвижной ящик письменного стола. Ящик поддался неожиданно легко. В нем лежали бланки справок, рецептов, каких-то накладных, пухлый grossбух в картонной обложке. Россыпь карандашей, две перьевые ручки, баночка чернил.

И кольцо с ключами.

В первую минуту Дайна не поверила своим глазам. Ключа было три – один, простой, явно от кабинета, второй – плоский и короткий – скорее всего, от тумбы стола, и третий, большой, с двумя бородками. «Это он», – сказала себе Дайна, осторожно вынимая кольцо из ящика.

Она не ошиблась. Ключ легко вошел в скважину и без всякого усилия повернулся в замке. Тяжелая металлическая дверь несгораемого шкафа отворилась.

Кто бы мог подумать, что добрейший Иван Семенович хранит дубликаты ключей в незапертом ящике своего стола!

В сейфе было два отделения. Верхнее было забито какими-то картонными коробками, маркированными немецкими буквами. Дайна открыла одну – там оказались стеклянные ампулы с прозрачной жидкостью. Сбоку лежала круглая печать главврача и пропитанная чернилами подушечка. Документы – в том числе несколько медицинских карт – хранились на нижней полке.

Дайна вытаскивала их одну за другой. На четвертой по счету карте ей повезло – это была история болезни штандартенфюрера Дитера Зоммера.

Она быстро проглядела карту. Дитер Зоммер, пятидесяти шести лет от роду, был исключительно нездоровым человеком. Врачи диагностировали у него бронхиальную астму аллергического типа, хронический гастрит и панкреатит, а также воспаление гайморовых пазух. «С таким букетом трудно не быть желчным», – подумала Дайна, перелистывая страницы.

Стоп, сказала она себе. Вот то, что мне нужно. Дискинезия желчевыводящих путей, подозрение на хронический холецистит. Печеночные колики, острые боли... да, Отто был прав!

Дайна несколько раз перечитала основные выводы врачей, наблюдавших Зоммера, а также список прописанных ему лекарств. Потом аккуратно убрала карту на место и хотела уже закрыть сейф, но остановилась. Вытащила из ящика стола несколько пустых бланков и, проштамповав их личной печатью главного врача, сунула в карман халата.

Заперла несгораемый шкаф, положила ключи на место. Взглянула на часы – вся операция заняла у нее семь с половиной минут. «Если не считать тех сорока пяти, которые ты бездарно потратила, пытаясь открыть сейф отмычкой», – язвительно заметил внутренний голос. Дайна приказала ему заткнуться.

Вот теперь ей действительно пора было уходить. Она бесшумно открыла замок, осторожно выглянула в коридор – там никого не было. Выскользнув из кабинета Потребенько, Дайна закрыла за собой дверь – на этот раз собачка со щелчком встала на место – и направилась к лестнице.

Дождаться конца рабочего дня она не стала. Все равно ее присутствие в больнице никем не контролировалось – для того же Потребенько она была прикомандированным специалистом, выполняющим распоряжения гаупштурмфюрера Нольде. Такой специалист мог приходить и уходить, когда ему вздумается. А информацию, которую она добыла, следовало как можно скорее сообщить Отто.

Дайна без особой надежды набрала номер его домашнего телефона. Трубку никто не взял. Где искать Отто в четыре часа дня, она не знала. Но сидеть на месте было выше ее сил. Отто предупреждал ее, что самое сложное в ремесле разведчика – это ежедневная рутина. До сегодняшнего дня Дайне казалось, что это не так уж и страшно. Но сейчас выплеснувшийся в кровь адреналин не позволял ей тупо перекладывать бумажки. Ей необходимо было увидеть Отто, поговорить с ним. Сегодня был пятый день их пребывания в Виннице – а ведь он говорил, что в запасе у них не больше недели. Пора уже было переходить к каким-то действиям!

Она привела в порядок свой рабочий стол, убрала в сумочку украденные в кабинете главврача бланки, попрощалась с пожилой регистраторшей Полиной Павловной и, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, вышла из больницы.

Дайна прошла вдоль реки, поборов искушение заглянуть в подвал к Вилли. Отто если и появлялся там, то не раньше восьми вечера. Иезуитские Муры остались за спиной. Она свернула на Соборную, прошла мимо здания оккупационной администрации. Один из часовых, стоявших у дверей, помахал ей рукой и весело крикнул: «Добрый день, фройляйн Кайните!».

Дайна улыбнулась ему. Это был совсем молодой парнишка с усыпанным веснушками круглым лицом. Откуда он ее знает? Наверняка видел в бильярдной – может быть, стоял в стороне и смотрел, как она играет с Кохом или Хонером.

Внезапно ей пришла в голову дерзкая мысль. Она перешла улицу и подошла к часовым.

– Здравствуй, Ганс, – сказала она веснушчатому. – Как служба?

– Вообще-то я Петер, – смущенно улыбнулся часовой. Его напарник, на редкость несимпатичный верзила с белыми эполетами перхоти на плечах, грубо заржал. – Хорошо, фройляйн, благодарю вас.

Точно, в бильярдной, решила Дайна. Он все время держался у меня за спиной, явно хотел подойти познакомиться, но стеснялся. Это было позавчера.

– Ой, прости, Петер! Ты знаешь моего шефа, гаупштурмфюрера Нольде?

– Д-да, – проговорил веснушчатый. – Знаю. То есть, нет, не знаю лично. Видел, то есть.

– Толку вы от него все равно не добьетесь, – сказал верзила-с-перхотью. – Наш Петер с дамами разговаривать не умеет – только блеет, как овца.

Петер сделался красным, будто вареная свекла – даже веснушки почти пропали.

– А ты случайно не видел его сегодня? – спросила Дайна. – Я его ищу по важному делу.

Часовой подумал.

– Ну да, – сказал он. – Видел. Вот сегодня как раз и видел. Они в администрацию заходили. Вместе с господином оберфюрером Кюхлером. Недавно.

Длинные фразы ему явно не давались.

– А куда он потом поехал, ты не знаешь?

– Никуда. То есть он еще там. В смысле, здесь. Еще не выходил.

«Вот повезло! – воскликнула про себя Дайна. – И как это мне пришло в голову, что он может быть в администрации? Интуиция?»

– А где мне его найти? – спросила она, делая шаг к дверям.

Верзила-с-перхотью заступил ей дорогу.

– Простите, фройляйн, а у вас есть пропуск?

Этого она не ожидала. А зря – можно было бы догадаться, что в оккупационную администрацию так просто никого не пускают.

– Пропуска у меня нет, – созналась Дайна.

– Извините, фройляйн, но в таком случае мы не имеем права впустить вас в здание.

– Хорошо, – Дайна не стала спорить и спустилась вниз по ступенькам. – Я подожду здесь.

– Сожалею, – сказал верзила, – здесь посторонним находиться запрещено.

Дайна, изобразив беспомощное изумление, взглянула на Петра. Тот виновато пожал плечами.

– Приказ есть приказ. Мы и так уже нарушили его, разговаривая с вами.

Дайна отступила еще на шаг.

– А могу я попросить вас об одном одолжении? Когда гаупштурмфюрер Нольде выйдет, вы не сообщите ему, что я жду его у входа в парк?

– Вообще-то нам нельзя... – начал было верзила, но Петер перебил его.

– Хорошо, фройляйн Кайните. Я обязательно ему передам. Гаупштурмфюреру, то есть.

Дайна послала ему самую очаровательную из своих улыбок и направилась к парку. Идти здесь было совсем недалеко.

В который раз ее поразило кажущееся спокойствие этого маленького провинциального города. В парке играл оркестр; по усыпанным гравием дорожкам гонял на самокате лопухий мальчишка; на скамейках играли в шахматы старички. У палатки с ситро стояли трое немецких солдат, пили воду и громко смеялись.

Война была рядом, в каких-то двухстах километрах к востоку. Пылали города и деревни, рвались снаряды и умирали люди. Танки шли по выжженной земле, и трупы повешенных свисали с почерневших деревьев, как чудовищные плоды смерти. Но здесь, в Виннице, поверить в это было невозможно. Здесь было сонно, мирно, спокойно. От этого спокойствия Дайну брала оторопь.

Она прошла мимо тележки продавца мороженого, подумала, вернулась и купила эскимо. Присела на свободную скамейку, так, чтобы видеть часть площади, на которую углом выходило здание администрации. Развернула обертку. Покрытый инеем шоколадный столбик выглядел заманчиво. Когда-то давным-давно, в прошлой жизни, девушка, которую звали Катя Серебрякова, очень любила мороженое.

Через несколько минут немцы, разумеется, подошли познакомиться. Дайна не стала их отшивать – просто предупредила, кого она ждет. Солдаты оказались не такими наглыми, как Хаген, все поняли, и пожелав фройляйн приятно провести время, удалились вглубь парка.

Отто появился через час. Он шел через площадь быстрыми шагами, но Дайна почему-то сразу поняла, что он торопится не к ней. Поднявшись со скамейки, она пошла ему навстречу.

– Здравствуй, – довольно сухо поздоровался он. Можно было подумать, что он недоволен своей ассистенткой. – Зачем ты меня искала?

Дайна, слегка обескураженная его тоном, постаралась ответить коротко и четко.

– Я все сделала, нашла карту. Ты был прав. У него действительно проблемы с печенью.

– Рассказывай, – велел он.

Она добросовестно пересказала Отто все, что вычитала в карте Зоммера. Отто слушал очень внимательно, но ее не оставляло ощущение, что мысли его сейчас витают где-то далеко.

– Очень хорошо, – сказал он голосом, в котором не было и намека на одобрение. – Сегодня я встречаюсь с Кохом; ты правильно сделала, что не стала тянуть с этой информацией.

«Он за что-то сердится на меня, – подумала Дайна. – Что же я сделала не так?»

– Отто, что-то случилось?

– Да, – ответил он. – Случилось.

Отто остановился и наклонился, делая вид, что завязывает шнурок. На самом деле он просто проверял, не идет ли кто-нибудь за ними.

– В том районе, куда ушли наши, местная полиция кого-то поймала, – несмотря на то, что они были на дорожке совсем одни, Отто все равно говорил вполголоса. – Подозревают, что это не просто партизан, а диверсант, заброшенный с той стороны.

Дайна похолодела. Неужели кто-то из ребят попался?

– В администрации никто ничего толком не знает – его почти сразу забрали гестаповцы. Я попробую вытянуть что-нибудь из начальника местного отделения, но шансов не очень много. Он хотя и пьяница, рот на замке держать умеет. К тому же не факт, что ему докладывают обо всем, что происходит в районе ставки.

– Что делать мне? – спросила Дайна.

– Сидеть тихо. Из дома не выходить. Желательно вообще ни с кем не контактировать. Если мой план сработает, завтра мы с тобой поедем в Вороновицу.

– А что будет с... – она запнулась. Кого поймали немцы? Сашку? Льва? Василия? – С нашими?

– Во-первых, мы не знаем, был ли это кто-то из наших. Во-вторых, если кто-то и знает это наверняка, то этот человек находится в Вороновице. Там ведь расположен не только отдел «Иностранные армии Востока», но и штаб-квартира службы безопасности. Поэтому, чтобы получить ответы на все наши вопросы, нам нужно попасть туда.

– Хорошо, – сказала Дайна, помедлив. – Я пойду домой и буду ждать тебя.

– Умница, – Отто слегка сжал ее пальцы, но тут же отнял руку.

– Будь готова выехать в любой момент.

Он вдруг замялся – совсем чуть-чуть, на какое-то мгновение, но Дайна заметила. Ей показалось, что сейчас он хотел сказать ей что-то очень важное.

– Удачи тебе, – проговорил он быстро. Свернул на боковую дорожку и, не оглядываясь, пошел к выходу из парка.

Дайна, чувствуя себя расстроенной и опустошенной, побрела дальше – куда глаза глядят. Мысль о том, что нужно будет возвращаться домой, к словоохотливой Галине, и выслушивать ее бесконечные рассказы о нравах соседей и ценах на базаре, пугала Дайну. Ей хотелось прижаться к плечу Отто, почувствовать прикосновение его руки к своим волосам. Хотелось, чтобы он успокоил ее, убедил, что даже если в плен к немцам попал кто-то из бойцов «Синицы», они сумеют его вытащить. Еще двадцать минут назад она так радовалась своей удачной операции с картой Зоммера! Сейчас же этот триумф стал вдруг мелким и никому не нужным. Отто даже не спросил, как ей удалось разыскать эту карту...

Ноги сами несли ее по городу. Дайна шла, не обращая внимания на попадавшихся навстречу прохожих, погруженная в свои мысли. И лишь заметив в конце улицы знакомый силуэт сложенной из красного кирпича высокой башни, остановилась, словно налетев на невидимый шлагбаум.

К башне выводили две улицы – Котляревского и Гетьмана Хмельницкого. Дайна огляделась – сейчас она была на улице Хмельницкого. Почему она пришла сюда? Ведь Отто приказал ей сразу же возвращаться домой. И она вроде бы не собиралась его послушаться...

Дайна почувствовала, как ноги становятся ватными. Пять дней подряд она ходила к этой башне, проверяя, не появился ли условный знак, и никогда не испытывала такого волнения. Что же произошло с ней сейчас?

Последние пятьдесят метров до башни она шла, будто во сне. Наступал светлый августовский вечер, где-то в вышине с криками носились птицы. В кронах зеленых каштанов, окружавших башню, шуршал ветер.

Дайна подошла к башне, закинула голову, любуясь плывущими над ней облаками. Со стороны это должно было выглядеть совер-

шенно естественно. Каланча, как называли башню жители Винницы – самое высокое здание в городе, ничего удивительного, что она привлекает внимание праздно гуляющих девушек.

Откуда-то, как чертик из табакерки, выскочил тщедушный старичок в очках без оправы.

– Пани желает осмотреть Каланчу? Я могу проводить пани до верху. Такого вида, как с верхней площадки, вы нигде больше не найдете!

– Нет, спасибо, – стараясь подчеркнуть свой прибалтийский акцент, ответила Дайна. – Я просто хочу обойти башню кругом.

– Тогда позвольте, я расскажу вам о ней, – не отставал старичок. – У Каланчи, знаете, есть своя история! О! Многие думают, что это пожарная башня, потому и называют ее Каланчой, но это не так. Ее построили в тысяча девятьсот одиннадцатом году для снабжения города водой...

Голос старичка вдруг отдалился, словно увяз в толстом слое ваты. Дайна уже не слышала его – в ушах гулко стучала кровь, как будто кто-то бил маленькими молоточками.

На красном кирпиче, рядом с жирным пауком свастики, было наспех начерчен неровный кружок солнца с длинными и ломкими лучами.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Связной

Винница, август 1942 года

«Я знала, что солнце там будет, – подумала Дайна. – Каким-то образом знала, поэтому и пришла к башне. Что-то вело меня туда, как на веревочке, не ум, даже не интуиция. Что-то другое».

– Сваришь мне кофе, Вилли? – попросила она бармиксера. – Сегодня был на редкость тяжелый день, мне нужно взбодриться.

– Покрепче, фройляйн Кайните? – лицо, обрамленное бакенбардами, оставалось бесстрастным, но в глазах плясали дружеские огоньки. – Может быть, с ложечкой коньяка?

– Это было бы чудесно, – искренне улыбнулась Дайна.

Вилли открыл шкаф и достал оттуда позеленевшую от времени медную кофемолку.

– Тогда садитесь за столик, я вам принесу.

– Спасибо!

Она прошла во второй, полутемный сейчас зал. Народу в подвале было немного, в пул никто не играл. Дайна уселась за столик под толстой, похожей на слоновью ногу, колонной, подпиравшей кирпичный свод.

Связник должен был найти ее здесь, в бильярдной – они условились об этом с самого начала. Порядки в заведении Вилли были вполне демократические, и зайти промочить горло сюда мог любой добропорядочный гражданин – это не возбранялось. Другое дело, что если немцам хотелось поиграть в бильярд, то представители низшей расы должны были немедленно освободить стол. Поэтому коренные жители Винницы играли в бильярд редко.

Бармиксер принес ей крепкий и ароматный кофе. Судя по запаху, коньяка там было гораздо больше чайной ложки, но Дайна лишь благодарно улыбнулась Вилли. Он едва заметно подмигнул ей и вернулся за стойку.

Дайна медленно выпила кофе, отодвинула пустую чашку. Посидела, глядя, как молчаливый Петр в одиночестве гоняет шары. Под тонкой тканью рубашки перекачивались огромные бугры мускулов. Трудно было поверить, что ему уже семьдесят лет.

– Не хотите сыграть со мной партию, фройляйн Кайните? – неожиданно спросил ее маркер.

Дайна вздрогнула от удивления. За эти пять дней Петр еще ни разу не заговорил с ней. Она даже была уверена, что он не знает ее имени. Но ожидание грозило затянуться надолго, и Дайна кивнула.

– С удовольствием, Петр.

Он протянул ей кий.

– Разбивайте.

Она разбила пирамиду, закатив в лузу зеленую шестерку.

– Хотите фору? – поинтересовался он.

– Нет, я люблю играть честно.

– Тогда позвольте пожелать вам удачи.

Она забила еще два шара подряд и приготавилась загнать в лузу третий, когда Петр, неслышно подойдя сзади, шепнул ей в ухо:

– Синичка из лесу прилетела.

Кий в руке Дайны дрогнул, и она смазала шар. Это была условная фраза связника, пароль, предназначавшийся только для бойцов группы «Синица». Но откуда это знает Петр? Выходит, связник партизан – он? Петр, которого сами немцы – Кох, Клейнмихель – считали шпионом службы безопасности? Человек, который, возможно, сдал гестапо группу комиссара Бевза?

– Что ж, фройляйн Кайните, – громко сказал Петр, отодвигаясь. – Пришел и на нашу улицу праздник.

Он примерился и навис над бортиком. Кий в его руках казался зубочисткой.

Дайна оглянулась. В зале, кроме них, было еще человек шесть, все немцы. Они пили пиво и вряд ли прислушивались к их разговору.

«Ответить или нет?» – мучительно размышляла Дайна. Она так ждала этого момента, а теперь вдруг испугалась. Что, если Петр действительно провокатор и агент гестапо? Но откуда ему изве-

стен их пароль? Неужели тот, кого захватили в плен, не выдержал пыток? Нет, невозможно! Никто из ребят никогда не выдал бы их с Отто. Умер бы, но не выдал – в этом Дайна была уверена.

Она дождалась, пока Петр промахнется – ей показалось, что он сделал это нарочно – облокотилась на бортик рядом с ним и проговорила:

– Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Петр не отреагировал – во всяком случае, лицо его оставалось таким же сонным и мрачноватым, как обычно. Он подождал, пока Дайна загонит в лузу восьмерку, и одобрительно кивнул.

– Хорошо играете, фройляйн Кайните. Позвольте вас чем-нибудь угостить.

– Если можно, возьмите мне еще кофе, – попросила Дайна. – Вилли превосходно его готовит.

Пока Петр ходил за кофе, она лихорадочно пыталась просчитать последствия своего поступка. Хуже всего было то, что она не успела предупредить Отто. И вообще его не послушалась – вместо того, чтобы спрятаться в доме Галины и переждать грозу, полезла на рожон. Но ведь, возможно, связник и появился в городе в связи с теми событиями, о которых рассказывал Отто. Могла ли она в такой ситуации не пойти на встречу? А вдруг от информации связника зависит жизнь одного из ребят?

«Не хочу знать, – думала Дайна, проклиная себя за трусость. – Не хочу знать, кто из наших ребят попал в плен, кого сейчас пытаются в гестапо... Сашка, Левушка, Вася... Кто бы это ни был – мне будет одинаково больно».

Вернулся Петр, поставил перед ней чашку на белом блюде, перед собой – пузатую кружку с пивом.

– Вы, верно, наслышались обо мне всякого, Дайна, – сказал он, глядя на нее из-под седых кустистых бровей. – Так это все неправда.

Он говорил по-русски, негромко, но совершенно спокойно, будто не боялся, что его могут подслушать. Потом Дайна поняла, в чем дело – Петр говорил чуть в сторону, так, что звуки его голоса гасились тяжелой каменной колонной.

– Я последний из группы Бевза. Мы вычислили предателя, только было уже поздно. Привязали ему камень на шею и бросили

в реку, немцы так и не нашли его тела. Когда начались аресты, Иван приказал мне пойти в службу безопасности и сдать тех товарищей, кого все равно уже было не спасти. Все подполье в городе было разгромлено – я остался один.

– Почему я должна вам верить?

Петр пожал бугристыми плечами.

– Не должны. Но всех, кто поддерживал связь с партизанами, пасет гестапо. А мне доверяет и главный гестаповец Карл Доннер, и сам начальник службы безопасности доктор Гегель. У Ивана Бевза, Дайна, не голова была, а Дом Советов. Меня будут подозревать в последнюю очередь. Горько это, да что поделаешь. Понимаешь, что для дела нужно, вот и живешь с клеймом иуды...

– Значит, вы и есть связной? – напрямую спросила Дайна.

Маркер отхлебнул большой глоток пива, вытер усы ладонью.

– Человек, который вам нужен, ждет вас у западной стены Муров, – сказал Петр, проигнорировав ее вопрос.

– Почему он не пришел сюда? – насторожилась Дайна.

– Это вы поймете сами. Сейчас мы с вами сделаем вот что. Сыграем еще одну партию, я у вас выиграю, вы расстроитесь и уйдете. Обойдете коллегium, посмотрите, чтоб никого рядом не было, и не торопясь пойдете к западной стене. Там и встретитесь. Условная фраза будет та же. Допивайте ваш кофе, не торопитесь.

На этот раз он выиграл у нее шутя. Дайна поняла, что раньше Петр просто бессовестно поддавался, и это, как ни странно, понастоящему ее разозлило.

– Ищите себе других партнеров, – сказала она довольно громко и пошла к выходу.

– Фройляйн Дайна! – крикнул ей из-за столика долговязый Хонер. Он на пару с каким-то краснорожим типом вел поединок с бутылкой шнапса. Судя по налитым кровью глазам Хонера, шнапс пока побеждал. Ни Коха, ни Клейнмихеля рядом не было видно.

– Идите к нам!

– Не могу, извините, – Дайна проскочила мимо Хонера и краснорожего, положила на стойку Вилли десять марок и поспешила вверх по лестнице.

У западной стены Муров никого не было. Дайна постояла, оглядываясь, потом пожала плечами и пошла к реке.

Город как будто вымер. Над рекой вставала луна, было безветренно и тихо. Цокот каблучков Дайны отскакивал от мощных каменных стен коллегиума иезуитов, как мячик для пинг-понга.

От дерева, мимо которого она проходила, отделилась тонкая тень. Она двигалась бесшумно, но Дайна заметила движение и обернулась. К ней приближалась женщина в темном платке и длинной черной юбке. Разглядеть такую в сумерках было непросто.

– Синица из лесу прилетела, – произнесла женщина каким-то потухшим голосом.

Ее звали Алена, и она была женой кузнеца из села Пружаны, Антона Крюкова. Точнее, его вдовой.

Антон Крюков и еще один партизан из отряда старшего лейтенанта Титоренко погибли, отстреливаясь от полицейских, устроивших облаву на советских разведчиков. Кто выдал бойцов «Синицы», Алена не знала. Знала, что Теркина, вышедшего из дома за несколько минут до начала перестрелки, полицейские так и не поймали. А с Левкой история вышла непростая. Его действительно взяли в плен, повезли в соседнее село, где у немцев была оборудована пыточная. Допрашивал его сам оберлейтенант Мольтке, зверюга тот еще. После допросов у Мольтке мало кто сохранял рассудок. Но потом за Гумилевым приехал на машине какой-то важный гестаповский чин и забрал его в Винницу.

– То есть это он им так сказал, что в Винницу, – путано объясняла Алена. – А на самом деле это был никакой не фриц, а советский майор. Полицая, который с ними был, он застрелил. А вашего у себя спрятал.

– Где это – у себя? – спросила Дайна.

– В лесу где-то. Он скрытный, майор-то этот. Даже Титоренко не знает, где его схроны.

– А ты об этом как узнала?

– Так он мне сам и сказал. Он же меня и в прачечную устроил на работу. Чтобы я из Пружан в Винницу и обратно ездила спокойно.

– То есть он тебя использовал, как связника?

– Ну, можно и так сказать. Пока был Бевз жив, они с майором через меня разговаривали. А теперь вот только дедушка Петро и остался.

Дайна окончательно запуталась в этих хитросплетениях, но ей сейчас было все равно. Главное – ребята все живы, и Левке удалось спастись из немецких застенков!

– А не знаешь, он очень... пострадал?

Спросила, и поняла, что задавать такой вопрос женщине, только что потерявшей мужа, довольно бестактно. Но Алена не обиделась – похоже, она вообще утратила способность эмоционально реагировать на происходящее. Просто пожала плечами.

– Да вроде бы не очень. Ходить, по крайности, может.

Дайна благодарно сжала ее руку. Рука у Алены была холодная и какая-то безжизненная. Да и вся она напоминала куклу – пустые, мертвые глаза на молодом красивом лице.

– Спасибо тебе, – прошептала Дайна. – А что еще ребята передавали?

– За Теркина и второго, Сашку, ничего не скажу. Только то, что Лев через майора передал. А передал он вот что: с партизанами связь установили, но как подобраться к Стрижавке, они не знают. А вот майор этот, вроде бы, что-то придумал. Он встретиться хочет с вашим старшим. Запомнишь, где и когда?

– Конечно, – выдохнула Дайна. Сердце у нее билось, как сумасшедшее.

– Слушай. У поворота дороги на Озерищи есть старый разрушенный дом. Бывшая усадьба пана Быховского. Вот в этом доме, в ночь со среды на четверг, майор будет вашего старшего ждать. С полуночи до четырех утра, потом уйдет. Все запомнила?

Дайна повторила все слово в слово. Алена кивнула.

– Хорошо. Я сейчас уйду. Больше нам с тобой пока видаться нельзя. Если что-то важное, передам через деда Петро. Ну, прощай.

Дайна не успела ответить – Алена повернулась и исчезла в густой чернильной тени старых деревьев. Она осталась одна – задыхающаяся от волнения, с выскакивающим из груди сердцем.

Конечно, нужно было сообщить Отто о спасении Гумилева и встрече в заброшенной усадьбе. Но Дайна и так нарушила все

его инструкции, встретившись со связным. С другой стороны, до встречи, назначенной загадочным майором, оставалось еще два дня. Если Отто заедет за ней завтра, она спокойно все ему расскажет. А если он не заедет?

Несколько минут Дайна колебалась – может быть, все-таки зайти на квартиру к Отто? Но его, скорее всего, там нет – он же говорил, что собирается встречаться с Кохом. Оставить ему хотя бы записку? Нет, рискованно.

В работе разведчика главное – уметь ждать, говорил ей Отто. Тебе может казаться, что ты упускаешь драгоценное время, но проигрывают в нашей игре как правило те, кто не умеет выждать и затаиться.

Несколько минут она стояла, не зная, куда ей идти. Потом медленно пошла по направлению к мосту через Буг.

В большой черной машине, перегораживающей погруженный во тьму переулок, криминалькомиссар гестапо Карл Доннер спросил:

– Вы уверены, что опознали связника партизан?

– Конечно, господин полковник, – торопливо ответил Ефрем Жигулин. – Это Алена Крюкова, жена кузнеца. Я давно уж ее подозревал!

– Думаю, ее можно брать, – сказал сидевший за рулем помощник Доннера, молодой и нетерпеливый Ганс Шмидлинг. – Да и другую тоже, чего тянуть-то.

– А вторую женщину вы не опознали? – уточнил Доннер.

Жигулин сокрушенно покачал головой.

– Нет, первый раз в жизни вижу.

– Связника берем, – решил Доннер. – За второй женщиной пустить наблюдение. Вряд ли она главный агент русских в Виннице. Скорее всего, она тоже передаточное звено. Надо поглядеть, на кого она нас выведет.

– Так я пошел? – Шмидлинг уже наполовину вылез из машины.

– Действуйте.

Еще двое мужчин, сидевших на заднем сиденье рядом с Жигулиным, синхронно распахнули дверцы автомобиля и вышли в ночь.

– Вы хорошо поработали, – сказал Доннер. – Если операция пройдет успешно, получите деньги.

– Мне бы убраться отсюда поскорее, господин полковник, – жалобно проговорил Жигулин. – Это сейчас все думают, что меня убили, а если вдруг узнают, что я жив, мигом догадаются, что к чему...

Ефрем Жигулин с детства чувствовал себя несправедливо обиженным. Сверстники лупили его, потому что он был слабым и боялся дать сдачи. В школе учителя к нему придирались: ставили плохие оценки, несмотря на то, что он был умнее всех ребят в классе. Девушки на него не заглядывались – одутловатое лицо Ефрема украшали багровые вулканические прыщи. Единственной женщиной, которой было все равно, что у него там на лице, оказалась вдовушка из соседнего села – на десять лет старше Ефрема, известная всей округе как Фрося-оторви-да-брось. На ней Ефрем и женился – от безысходности. Обида на мир при этом только возросла – у всех были жены как жены, а у него -тридцатилетняя разбитная бабенка, не особенно к тому же и симпатичная.

Когда началась война, Ефрем ушел в партизанский отряд старшины Петренко – главным образом потому, что не мог уже выносить ежедневных скандалов с женой, голословно обвинявшей его в мужской несостоятельности. Ну, и еще, конечно, хотелось, чтобы его считали героем.

Но героем его по-прежнему никто не считал. В отряде он долгое время был на птичьих правах – Ефрем, подай то, Ефрем, принеси это. В первом же бою с немцами Ефрем обмочился от страха, и это незначительное происшествие долго служило товарищам по оружию темой для дурацких шуток. В конце концов, устав от постоянных насмешек и пренебрежительного отношения партизан, Ефрем решил переметнуться на сторону немцев.

К этому решению его подтолкнула гибель командира Петренко. Если уж такой опытный боец оказался слабоват против фрицев, то чего ждать от тупых крестьян, ничего не понимающих в воинском деле? Жигулин догадывался, что рано или поздно немцы всерьез примутся за партизан, и тогда его не спасет даже чудо. А умирать ему очень не хотелось – тем более умирать среди людей, которые никак не могли забыть ему мокрые подштанники.

Но осуществить задуманное оказалось не так-то просто. Другой бы, может, сразу побежал, но Ефрем был мужиком умным. Много ночей он провел без сна, пытаясь представить себе, как будет происходить его разговор с немцами. Во-первых, он не умел говорить по-немецки, а значит, нужно было общаться с ними через старосту. Староста в Пружанах был мужиком хитрым, и Жигулин не исключал, что, кланяясь немцам, он одновременно поддерживает дружбу и с партизанами. А это означало, что обратившись к старосте, он подвергал риску свою драгоценную жизнь – вдруг тот посчитает, что ему выгоднее сдать будущего предателя лейтенанту Титоренке?

Да и потом – что он скажет немцам? Выдаст местонахождение партизанского отряда? А если они решат разгромить отряд не сразу, а через несколько дней? Где все это время ему прятаться? А если вернуться в отряд, то где гарантии, что айнзатцкоманда не размажет его по кочкам вместе с остальными партизанами?

Жигулин думал, размышлял, терзался сомнениями и никак не мог сообразить, что ему делать. На всякий случай он запоминал разные сведения, которые могли пригодиться немцам, и ждал своего часа.

Час пробил, когда Титоренко привел в отряд разведчиков из Москвы, и велел Жигулину отвести их к кузнецу.

Вот это был бы номер, думал Ефрем, провожая московских гостей в Пружаны. Шутка ли – выдать полициям такую птицу – крупную, залетную! За это немцы его сразу же отметили бы и наградили. Хоть кто-нибудь, наконец, оценил бы его, Ефрема Жигулина, по заслугам!

И все равно проклятая нерешительность почти до самого конца его не отпускала. Поэтому, вместо того, чтобы сразу бежать к полициям, Ефрем решил на минутку заскочить домой. Ну, поинтересоваться, чего там нового на селе, дать сыну дежурного леща – ни за что, просто сын был единственным человеком, от которого Жигулин не боялся получить сдачи, опрокинуть стопку для храбрости. Ну, заскочил. И застал свою жену Фросю со старостой.

Другой бы, может, полез драться – но не Ефрем. Разозлился он, конечно, ужасно – одно дело знать, что супруга твоя спит со всеми

мужиками деревни, другое – видеть это своими глазами. Но повел себя, как умный человек, а не тупой баран.

– Вот что, – сказал он старосте, который, зная трусоватый нрав Жигулина, особенно и не волновался, – оделся сейчас быстро и бегом к немцам! Кто сейчас тут у вас главный?

– Оберлейтенант Мольтке, – буркнул староста, подозрительно буравя Ефрема взглядом. – Тебе что?

– Вот к нему и беги. Скажешь, что я велел передать – в доме кузнеца Крюкова двое советских разведчиков с самой Москвы! Все понял? И если забудешь упомянуть, что это я их заложил – то я тебя!

До того Ефрем вошел в роль, что замахнулся на старосту. И староста, торопливо натягивая брюки, даже втянул голову в плечи.

Жигулин наконец-то почувствовал себя сильным и решительным. Влепил дуре-Фроське леща, чего раньше никогда делать не осмеливался. И она, шлендра такая, даже не пикнула!

Правда, потом, в доме Крюкова, когда к кузнецу неожиданно приперся сосед за махоркой, Жигулин снова перетрусил. Подумал, что это уже полицаи пришли. Но те решили устроить засаду и начали пальбу, когда разведчики вышли из дома. Крюков решил отстреливаться, но пока, отбросив костыль, лез под кровать за спрятанным автоматом, Ефрем разрядил ему в спину свою винтовку. И это тоже было приятно.

А потом ему оставалось только выключить в доме свет и лечь на пол, чтобы полицаи случайно не подстрелили...

– Не волнуйтесь, – безглаголиво сказал Доннер. – Если информация, которую вы сообщили нам, верна, мы направим вас в диверсионную школу под Смоленском. Там вас никто не найдет. Но сначала вы должны помочь нам допросить связника партизан.

Когда Дайна переходила мост, ей показалось, что за ней наблюдают. Ощущение было таким явственным, что она остановилась посреди моста и оперлась на перила, как будто рассматривала реку. На самом деле она, чуть повернув голову, посмотрела назад.

Там шли, держась под руку, парень с девушкой. Ничего особенного, просто прогуливающаяся влюбленная пара. Парень худой, с

длинными, почти до колен, руками. Девушка высокая, ростом со своего кавалера. В руках – букетик простеньких цветов.

«У меня паранойя, – подумала Дайна. – Надо скорее возвращаться домой и ложиться спать».

Она оторвалась от перил и, не оглядываясь, пошла вниз по мосту.

На окраине ложились рано. За окнами двух-трех домов еще горел свет, но большая часть улицы была погружена во тьму. Дайна почти на ощупь добралась до своей калитки, нащарила защелку...

Кто-то схватил ее сзади.

Нет, не схватил – просто положил ей руки на талию. Но это было так неожиданно, что Дайна рванулась и испуганно вскрикнула.

– Не бойтесь, Дайна, – услышала она насмешливый голос. – Я не причину вам зла.

Хаген!

Она обернулась и сразу попала в его сильные объятия. Хаген привлек ее к себе, преодолевая сопротивление.

– Дайна, это все равно бесполезно. Я узнал, где вы живете. Я подкупил вашу хозяйку. Она ушла ночевать к своей родственнице. Мы будем одни во всем доме, Дайна. Ваш шеф никогда ничего не узнает...

Она попыталась высвободиться, но Хаген держал ее крепко. Хватка у него была стальная.

– Вы еще не поняли, Дайна? Хаген всегда получает то, чего хочет. Вы мне черт знает как сильно нравитесь, и я весь мир готов разметать по кусочкам, только чтоб вы со мной были. Никто мне не сможет помешать – ни ваш шеф, ни папа Отто, ни даже сам господь бог!

Он впился в губы Дайны так, как будто хотел вытянуть из нее душу.

Она замотала головой. С трудом, но ей удалось прервать этот вампирский поцелуй.

– Послушайте, Хаген! Вы ведете себя, как дурак! Неужели вы не понимаете, когда женщина с вами играет?

Хаген слегка отстранился, но хватку ослаблять не спешил.

– Играет? Вы это называете игрой?

Дайна сердито нахмурилась.

– Вы неотесанный мужлан, Хаген. Вместо того, чтобы вести красивую осаду неприступной крепости, вы хотите получить все и сразу.

– Да, – согласился Хаген, – это правда. Мне нужно все и сразу, на меньшее я не согласен. Я бы с удовольствием пофлиртовал бы с вами, Дайна, но у меня просто нет времени. Завтра нас снова могут послать куда-нибудь к черту на рога. И я вас больше никогда не увижу...

Это прозвучало почти жалобно. Дайна улыбнулась.

– Отпустите меня. Вы делаете мне больно, и завтра у меня на руках будут синяки.

На этот раз он послушался. Отступил на шаг и окинул ее восхищенным взглядом.

– Вы такая красавица, Дайна! Никогда не думал, что литовки такие красивые. Не отталкивайте меня, прошу вас. Я редко упрашиваю, поверьте. Но вы необыкновенная, Дайна. Вы непохожи на других. Я бы хотел, чтобы у нас с вами все было по обоюдному согласию...

Она не успела придумать, что бы ему ответить. С обеих сторон улицы в них ударили слепящие лучи фонарей, и чей-то высокий голос прокричал:

– Руки за голову! Лечь на землю, живо!

Помощник криминалькомиссара гестапо Ганс Шмидлинг не отличался большой выдержкой. Приказав двум своим агентам вести наблюдение за женщиной в форме СС-хельферин (ей был присвоен псевдоним «Клара»), он почти сразу же направился вслед за ними. В конце концов, связника партизан, простую деревенскую бабу, полицейские были в состоянии задержать и без него. А вот таинственная Клара представлялась честолюбивому Шмидлингу тем самым большим призом, взяв который, можно рассчитывать на награды и продвижение по карьерной лестнице. В путанице улочек Старого города он едва не потерял своих агентов из виду, но в конце концов наткнулся на них почти у самой реки.

Агент Руди, изображавший девушку, стащил с головы парик и яростно чесал вспотевший затылок. Агент Лотар, привстав на колено, разглядывал что-то в похожий на морду огромного насекомого прибор ночного видения, известный в профессиональных кругах как «стаканы Холста».

При виде Шмидлинга Руди перестал чесаться и на пальцах показал начальнику, что объектов наблюдения стало уже двое. Потом он дотронулся до плеча Лотара – тот стянул с головы ремень с массивными очками и протянул его Шмидлингу.

Шмидлинг увидел два зеленоватых размытых силуэта, стоявших у калитки. Клара разговаривала с высоким широкоплечим мужчиной в военной форме. У Шмидлинга заколотился в висках азартный пульс. Конечно, это резидент русских! Сейчас он, Шмидлинг, возьмет его и одним ударом разорвет всю паучью сеть, которую русские сплели в Виннице. Правда, мерзавец Доннер львиную часть заслуг постарается приписать себе, но если повернуть дело по-умному, то правда о том, кто на самом деле взял русских шпионов, дойдет до высокого начальства. Шмидлинг возлагал большие надежды на шефа службы безопасности ставки доктора Гегеля – уж он-то сможет по достоинству оценить рвение молодого офицера!

Не произнося ни слова – у реки звуки разносились слишком далеко – он жестами объяснил Руди и Лотару, что следует делать. Потом скользнул в тень и крадучись стал обходить дом сзади.

Обходной маневр занял у Шмидлинга минуты три. Клара и мужчина в форме за это время чуть поменяли положение – Клара сместилась поближе к калитке, военный стоял прямо посреди улицы. Шмидлинг вытащил из кобуры «Вальтер» и, сняв его с предохранителя, включил мощный фонарь. Одновременно свои фонари зажгли и Руди с Лотаром, уже давно взявшие шпионов на прицел.

– Руки за голову! Лечь на землю, живо! – закричал Шмидлинг.

Он рассчитывал, что ошеломленные шпионы, скорее всего, бросятся бежать – тогда можно было бы с чистым сердцем стрелять им по ногам. Выхватить оружие они, конечно, не успеют – а если кто-нибудь и потянется за пистолетом, против трех стволов

у них шансов нет. Но высокий военный не стал хвататься за кобур. Вместо этого он поднял руку на уровень глаз, защищаясь от света, и на чистом хохдойче произнес:

– Что за чертовщина тут у вас творится, мать вашу?

– Это гестапо! – рявкнул Шмидлинг. – Немедленно поднимите руки за голову и ложитесь на землю.

Никто не думал ему подчиняться. Клара стояла, не шевелясь, а военный повернулся вполоборота, чтобы фонари не слепили ему глаза, и крикнул:

– Валите отсюда, придурки! Гестапо здесь делать нечего.

Шмидлинг оторопел. Русский шпион не должен был так себя вести. Может быть, произошла ошибка? Помощник криминалькомисара тут же отогнал от себя эту мысль. Нет, ошибка исключена!

– Лечь на землю, – заорал он в третий раз, – или я открываю огонь!

– Вот ведь идиот, – покачал головой военный. – Эй, парень, мое имя Хаген и я из команды Скорцени. Слышал, небось, о таком? Могу гарантировать – если начнешь пальбу, мигом вылетишь из сытой Винницы на Восточный фронт.

Шмидлинг заколебался. Шпион был чересчур наглым – так не ведут себя люди, которые действительно боятся попасть в руки гестапо. Но, с другой стороны, Клара только что встречалась со связником партизан!

– Документы, – проговорил он уже менее уверенно. – И вы, фрау, тоже.

– Фройляйн, – поправил его военный. Он медленно полез в нагрудный карман кителя, вытащил солдатскую книжку и протянул Шмидлингу. – На, смотри, вот мои документы.

– Руди, Лотар! – скомандовал Шмидлинг.

Агенты приблизились к военному и Кларе, держа наготове пистолеты. Девушка – теперь Шмидлинг отчетливо видел, что перед ним совсем юная девушка – по-прежнему стояла не шевелясь, лицо ее было белым, как молоко.

– Фройляйн, ваши документы! – повторил Шмидлинг.

Он открыл солдатскую книжку высокого, но прочесть ничего не успел.

В этот момент Руди, не став дожидаться, когда Клара выполнит распоряжение Шмидлинга, полез к ней в карман за документами. Видимо, он сделал это слишком грубо, потому что Хаген неожиданно рассвирепел.

– Эй, ты, болван, убери свои руки от моей девушки!

Он отпихнул Руди от Клары. Руди выругался и ткнул его в грудь стволом своего «Вальтера». В следующую секунду Хаген сделал неуловимое движение, раздался хруст ломающейся кости и Руди, завывая от боли, осел на землю.

Помощник криминалькомиссара бросил солдатскую книжку, которую держал в левой руке, и выстрелил Хагену в ногу. Но Хаген уже переместился в сторону – он двигался с невероятной скоростью – и, перехватив руку Шмидлинга, провел бросок через бедро.

– Получи, сука! – крикнул Хаген.

Прежде, чем Шмидлинг воткнулся головой в пыль, над ухом у него грохнул выстрел – это вступил в игру Лотар.

Дайна вышла из оцепенения, когда долговязый гестаповец выстрелил в Хагена из-под руки. Он стрелял с близкого расстояния, но Хаген успел скользким движением уйти в сторону, и пуля только оцарапала ему руку. Грохнул еще один выстрел, и Дайна почувствовала, как что-то толкнуло ее в ногу выше колена. В следующее мгновение Хаген налетел на долговязого, ударил в челюсть и сбил с ног. Гестаповец выронил пистолет, но успел обхватить Хагена своими длинными, как у обезьяны, руками, и они покатались по земле, рыча и изрыгая ругательства.

Еще один гестаповец сидел на дороге, баюкая сломанную руку. Второй – тот, который кричал им из темноты – стонал и пытался подняться на колени.

Дайна повернулась и побежала прочь.

«Все-таки Петр предатель, – думала она, задыхаясь. – Он сдал немцам и меня, и Алену... или Алена тоже на них работает? Нет, этого не может быть... хотя в этом зазеркальном мире может быть все... Кто бы мог подумать, что меня спасет от гестаповцев этот убийца с холодными глазами?»

Позади слышались хриплые бессвязные крики и тяжелые звуки ударов. Дайна свернула в какой-то проулок. Бежать было тяжело, ноги будто опутала паутина страха. На правой ноге эта паутина была особенно липкой.

Она заставила себя остановиться, осторожно ощупала ногу. Это была не паутина, а кровь.

Дайна дрожащими пальцами вытащила из кармана зажигалку. В слабом свете желтого огонька она увидела, что серая ткань брюк на правой ноге стала черной. Отверстие от пули было совсем небольшим, но кровь непрерывно выплескивалась из раны тугими толчками. Боли она не чувствовала – видимо, шок еще не прошел.

«Надо перевязать рану», – подумала Дайна. Носовой платок был слишком мал для этого. Она расстегнула китель и сняла блузку. Приспустила брюки и наложила плотный жгут. Все приходилось делать наспех – она была еще слишком близко от того места, где Хаген дрался с гестаповцами.

Накинув китель на голое тело, Дайна поспешила к выходу из проулка. Боли не было, но нога вдруг стала очень горячей. От потери крови кружилась голова.

«Куда я иду? – думала Дайна. – Мне некуда идти. К Отто нельзя – гестапо про него ничего не знает, ведь Петр и Алена разговаривали только со мной. В бильярдную к Вилли – тем более. Там предатель-маркер, да и вообще я в таком виде, что на глаза людям мне сейчас показываться нельзя. Что же остается? Больница?»

Чем дальше она шла, и чем тяжелее было опираться на раненую ногу, тем больше эта мысль казалась ей единственно здравой. В больнице дежурят знакомые врачи; она расскажет им, что подверглась нападению бандитов – в сонной Виннице такое случается редко, но особенного недоверия ее рассказ не вызовет; ей извлекут пулю и зашьют рану, а дальше она уж как-нибудь сообщит, что делать. Лучше всего будет уйти в лес, к ребятам, но может быть, к утру ее уже вызовет Отто.

«Решено, – подумала она, – больница!»

Дайна кое-как выбралась из закоулков Старого города и оказалась на обочине шоссе, по которому они пять дней назад въехали

в Винницу. Отсюда до больницы было километра три – пустяковое расстояние для того, у кого в правой мышце не застряла пуля от «Вальтера».

Оружия у нее не было – СС-хельферин Дайне Кайните оно было ни к чему, а прихватить с собой пистолет одного из гестаповцев она не догадалась. Если гестаповцы начнут прочесывать окрестности, они схватят ее без труда.

Где-то далеко за ее спиной послышался шум мотора. Дайна обернулась – со стороны Немирова ехала машина, пронзая ночь светом мощных фар.

«Надо попытаться остановить ее, – сказала себе Дайна. – Это страшно рискованно, но сама я просто не дойду. Документы у меня в порядке, легенда про бандитов довольно достоверная... Это мой единственный шанс».

Она вышла на дорогу и подняла руку с белым носовым платком.

Свет фар равнодушно скользнул по ней и унесся дальше в ночь. Дайна бессильно уронила платок. Сделала шаг в направлении города. Потом еще один и еще.

Спустя полчаса, когда ногу уже пронзали раскаленные прутья, а жгут из блузки насквозь пропитался кровью – она снова услышала далекий гул двигателя. На этот раз ей повезло. Когда фары выхватили из темноты ее силуэт, автомобиль сбавил ход и плавно затормозил рядом с Дайной. Шофер опустил стекло и высунул голову. Голова у него была лысая, как бильярдный шар – а может, он просто исключительно тщательно ее брил.

– Что с вами, фройляйн?

– Я ранена, – проговорила Дайна сквозь зубы. – На меня напали бандиты... мне срочно нужно в больницу.

Бритая голова спряталась в панцирь автомобиля. До Дайны долетели обрывки каких-то фраз. Некоторое время ничего не происходило. Потом задняя дверца салона открылась и хриловатый женский голос произнес:

– Садитесь, фройляйн. Я отвезу вас в больницу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Зеркало Медеи

*Вороновица, штаб-квартира отдела
«Иностранные армии Востока», август 1942 года*

– Не знаю, штандартенфюрер, – сказал Жером, закончив пальпировать дряблый живот Дитера Зоммера. – Не знаю, почему здешние врачи говорят о «подозрениях». Подозревать здесь нечего. У вас классический случай острого холецистита.

Он повернулся к небольшому фаянсовому умывальнику и тщательно вымыл руки, соприкасавшиеся с волосатым, мягким, как гнилое яблоко, животом начальника аналитического отдела. Зоммер, охая, сел на кушетке и принялся натягивать рубашку.

– Вы уверены, гаупштурмфюрер? Именно острого?

– Ну, когда-то он, безусловно, был хроническим. Однако это время прошло и, боюсь, довольно давно.

– И что же теперь мне делать?

– В обычных условиях я рекомендовал бы вам немедленную операцию.

– Нет, нет! – прервал его Зоммер. – Вы же понимаете, что это невозможно! Все дела в аналитическом отделе немедленно встанут. Мой начальник, оберстлёттенант Гелен, будет в бешенстве. На сколько дней я выйду из строя из-за этой операции? На три, четыре?

– Боюсь, что речь идет о неделях, – Жером вытер руки вафельным полотенцем.

– Решительно невозможно! Неужели нет никакой альтернативы?

Жером потер виски, изображая напряженную работу мысли.

– Есть, пожалуй. Возможно, вы знаете, штандартенфюрер, что до войны я некоторое время провел в Индии...

– Да, мне рассказывал Кох, – нетерпеливо перебил Зоммер. – Но какое отношение...

– Тамошняя медицина весьма отлична от нашей. Но кое в чем, пожалуй, превосходит ее. Особенно это касается аюрведических препаратов, изготовленных из трав и минералов.

Зоммер слушал его с затаенной надеждой.

– Поскольку я специализировался на болезнях печени, мне, конечно, было интересно все, что известно об их лечении индусской медицины. И вот, представьте, я обнаружил крайне эффективное средство, называемое в Аюрведе «жемчужная роса».

– Жемчужная роса, – мечтательно повторил Зоммер. – И что, она помогает?

– Да, – коротко и веско ответил Жером. – Она помогает.

– И при остром холецистите?

– Именно.

– И удастся обойтись без операции?

– С уверенностью можно будет сказать лишь спустя неделю. Но то, что за эту неделю вам станет гораздо легче – я могу гарантировать.

– Ну так что же вы медлите! – воскликнул начальник аналитического отдела. – Где эта ваша жемчужная роса? Сколько стоит курс?

Жером покачал головой.

– Денег я с вас не возьму, штандартенфюрер. Но вы ставите меня перед сложной этической дилеммой.

– Поясните!

– Как немецкий врач, я обязан рекомендовать вам хирургическое вмешательство. Скажем так: с точки зрения европейской медицины, другого выхода из этой ситуации нет. Но я человек более широких взглядов, к тому же я прекрасно понимаю, что ваш отдел не сможет нормально функционировать без вашего руководства...

– Да, да! – горячо поддержал его Зоммер. – Именно – не сможет!

– Поэтому я пропишу вам курс «жемчужной росы». Но вы должны будете принимать ее под моим надзором – слишком велика врачебная ответственность.

Зоммер задумался.

– Как же это возможно? Вы человек занятой, я вообще не вылезаю из Вороновиц.

– Да, это проблема, – согласился Жером. – Впрочем, я вижу один выход. С вами может находиться моя ассистентка, СС-хельферин Дайна

Кайните. Ей я доверяю всецело. Да и вам, возможно, будет приятно находиться под наблюдением привлекательной молодой особы.

Зоммер пожевал губами.

– Не знаю, как это можно устроить... у нас здесь совершенно секретный объект, мне даже для вас не просто было раздобыть пропуск.

Это была правда. Чтобы получить допуск в «Иностранные армии Востока», Жерому пришлось пройти несколько кругов бюрократического ада. Кроме того, на первом же КПП у него отобрали пистолет и даже перочинный нож.

Жером пожал плечами.

– Дело ваше, штандартенфюрер. Но допустить, чтобы вы принимали «жемчужную росу» без врачебного контроля, я не могу.

Начальник аналитического отдела сморщил крупный пористый нос.

– Ладно, я что-нибудь придумаю. В конце концов, вашу ассистентку можно будет поселить в домике для персонала – там высокая категория допуска не требуется. Ну же, Нольде, не томите – давайте сюда ваше чудо-лекарство!

«Рыба на крючке, – удовлетворенно подумал Жером. – Теперь главное – не торопиться».

– Боюсь, оно у меня на квартире, – развел он руками. – Я не вожу с собой все препараты, они занимают слишком много места.

– Но вы же знали, что у меня больная печень! – сварливо сказал Зоммер.

– Кое-какие лекарства я захватил, но предвидеть все невозможно. К тому же я никак не ожидал, что у вас такой запущенный случай.

– Запущенный? – с дрожью в голосе переспросил штандартенфюрер.

– И это еще мягко сказано. Повторяю, в нормальных условиях я настаивал бы на немедленной операции.

– А эта ваша ассистентка сможет привезти лекарство?

«Отлично, – подумал Жером. – Он сам идет в расставленные силки, его даже подталкивать не приходится».

– Думаю, да. Одна проблема – она снимает комнату в домике на окраине, там нет телефона. Если бы мы могли за ней кого-нибудь послать...

– Ну, разумеется! Я отправлю за ней своего шофера. Через час она уже будет здесь.

Жером вытащил из кармана ручку.

– У вас есть какая-нибудь бумага, штандартенфюрер? Я напишу ей записку.

– Вот, возьмите, – Зоммер вырвал листок из своей записной книжки. – И напишите, пусть захватит с собой документы, иначе ее не пропустят на территорию.

«Дорогая Дайна, – написал Жером. Обращение «дорогая» на их тайном языке означало, что речь идет о событиях чрезвычайной важности. – Ты нужна мне в Вороновице. Возьми у меня на квартире две баночки с «жемчужной росой» и ароматические свечи № 4 и 8. Захвати документы и вещи – возможно, тебе предстоит провести здесь несколько дней. Отто».

– А свечи зачем? – поинтересовался Зоммер, проглядев записку.

– Это часть аюрведической терапии, – туманно объяснил Жером. – Индусы считают, что воздействие на организм должно быть всеобъемлющим, а не точечным.

– О, – сказал Зоммер с уважением. – Есть многое на свете, друг Горацио...

Он, кряхтя, зашнуровал ботинки и подошел к стоящему на тумбочке телефону.

– Зепп, зайди ко мне.

Они сидели в кабинете начальника аналитического отдела – святая святых «Иностранных армий Востока». Жером чувствовал знакомое волнение – он снова находился на расстоянии вытянутой руки от источника бесценной информации, как тогда, в поместье «Платан». Когда Центр не разрешил ему продолжить оперативную игру с Кнохеном, он от разочарования готов был биться головой о стену. Добывать информацию было делом всей его жизни. Диверсионные операции никогда не были коньком Жерома – разумеется, он проводил их, когда получал соответствующие задания, но делал это без особого азарта. Он даже думал порой, что если бы руководителем группы «Синица» назначили не его, а, скажем, Шибанова, то события с самого начала стали развиваться по другому сценарию. Шибанов был более склонен к силовым методам реше-

ния проблем; захват танка и прорыв на нем в ставку Гитлера – это было ему близко и понятно. Что касается Жерома, ему с самого начала чудилась в попытке взять ставку нахрапом какая-то червоточина. На оперативных совещаниях, которые проводил в Москве Абакумов, он больше отмалчивался, понимая, что в поле правила игры все равно придется менять. Так и получилось: когда они натолкнулись на мотопатруль в степи, и обергефрейтер Корш рассказал им о кольцах охраны вокруг ставки и режиме патрулирования особой зоны, Жером понял, что первоначальный план, придуманный московскими стратегами, никуда не годится. Ни Абакумов, ни Берия ни черта не знали о том, что творится под Винницей – у них не было здесь ушей и глаз, не было каналов связи, не было доступа к информации. А его, Жерома, специально натаскивали на добычу информации, как фокстерьера натаскивают на лису. Сначала все разузнать, а потом уже действовать – вот чему его учили. Поэтому он с легким сердцем принял решение перейти к плану «В», в эффективность которого не верили ни Берия, ни Абакумов.

От этих мыслей его отвлек стук в дверь. В комнату вошел невысокий пожилой человек в штатском.

– Зепп, – сказал Зоммер, протягивая ему записку. – Поедешь в Винницу, найдешь там фройляйн Кайните. Дайну Кайните.

«Уж чем-чем, а склерозом ты точно не страдаешь», – подумал Жером.

– Где она живет, гаупштурмфюрер?

Жером назвал адрес.

– Если фройляйн уже спит, разбудишь и извинишься. Затем заведешь ее на улицу...

– Владимира Великого, – подсказал Жером.

– Да, именно. А потом отвезешь ее сюда. Все понятно?

– Абсолютно, – кивнул Зепп.

– Прекрасный шофер, – довольно проговорил Зоммер, когда Зепп вышел. – Возит меня уже десять лет. Ни одной аварии. А ведь по вашим таблицам – ха-ха – он далеко не эталон арийца. Ведь мать у него была словачка.

Жером внимательно поглядел на начальника аналитического отдела.

– Штандартенфюрер, – начал он. – Скажу вам одну вещь – только это строго между нами.

– Разумеется, – кивнул Зоммер.

– Шкала расовой принадлежности Шульца – профанация. Все эти измерения черепов, формы носа и так далее – с точки зрения настоящей медицины – просто чушь собачья.

– Неужели?

– Давайте говорить начистоту, – Жером обвел рукой кабинет. – Здесь же можно?

– Если вы имеете в виду прослушку, то ее здесь нет. Гелен не слишком жалуется гестапо.

– Так вот, как вы думаете, кто из руководителей Рейха мог бы пройти тестирование по шкале Шульца? Разве что Розенберг и, может быть, Риббентроп. Остальные, штандартенфюрер, оказались бы где-то в самом низу шкалы.

Зоммер поджал губы.

– Вы, конечно, специалист, гаупштурмфюрер, но я не стал бы на вашем месте делать столь опасные выводы...

– Я к этому и веду, – улыбнулся Жером. – Разве кто-нибудь в здравом уме может сомневаться в принадлежности вождей Рейха к арийской расе? Конечно же, нет!

Лицо Зоммера разгладилось.

– А, так вы хотите сказать...

– Что все эти методики в корне неверны. Поэтому-то мы и ищем другие, более научные и точные способы определения расовой чистоты.

– И что же это за способы?

Жером взял ручку и сделал вид, будто хочет проколоть себе палец пером.

– Кровь, дорогой Зоммер. В крови, как в сказочной Книге Судеб, содержатся все сведения о человеке. И его расовая принадлежность, разумеется, тоже.

– Потрясающе интересно, – сказал Зоммер. – И у вас уже есть соответствующие методики анализа?

– Мы над этим работаем. Но нам очень не хватает материала для экспериментов.

– Вы имеете в виду, крови? Но ведь существуют же концентрационные лагеря...

– Где заключенные содержатся в невыносимых условиях. Нет уж, штандартенфюрер, благодарствую. После нескольких недель пребывания в лагере кровь заключенных необратимо портится и становится бесполезной для анализа. Нам же нужен материал свежий, от представителей разных рас, которые хорошо питаются, много двигаются, занимаются физическим и интеллектуальным трудом...

«Каким бредом, наверное, это должно казаться любому нормальному человеку, – подумал Жером. Сейчас он цитировал Зоммеру статью некоего доктора Хирта, напечатанную в последнем номере «Военно-медицинского журнала». Судя по всему, доктор Хирт несколько лет занимался исследованием крови заключенных концлагерей, но в конце концов разочаровался в этом «экспериментальном материале». – А этот ничего, слушает, открыв рот».

Они беседовали так еще с полчаса. Жером просчитывал реакции Зоммера, принаравливался к его манере разговора, старался использовать те же термины, к которым прибегал начальник аналитического отдела. Дитер Зоммер был трудоголиком с отвратительным характером, которого недолюбливало начальство и боялись подчиненные. Поговорить ему толком было не с кем. Исходя из этого, Жером работал с ним по схеме «лучший друг». Спустя еще двадцать минут штандартенфюрер был готов признать доктора Отто Нольде отличным парнем и хорошим приятелем.

«Превосходно, – сказал себе Жером. – Сейчас приедет Катя (он иногда позволял себе думать о ней, как о Кате), я их познакомлю, и мы начнем курс лечения. А когда этот старый хрыч выздоровеет, он готов будет носить меня на руках. И уж по крайней мере я наверняка смогу приезжать в Вороновицу, когда мне вздумается. А это значит, что Гитлер со своим орлом рано или поздно окажутся совсем близко – достаточно будет протянуть руку».

В дверь снова постучали – на этот раз стук был короткий, нервный.

– Войдите, – крикнул Зоммер.

На пороге вновь появился Зепп. Он был явно взволнован, седые волосы растрепаны, как будто он не успел пройти по ним расческой.

– В чем дело? – удивленно спросил штандартенфюрер. – Ты привез фройляйн?

Зепп мотнул головой, и у Жерома на миг остановилось сердце.

– Там что-то произошло, – сказал шофер. – По тому адресу, который вы мне дали... Там несколько машин гестапо, оцепление. Меня хотели задержать, но я показал пропуск и объяснил, что просто проезжал мимо. Говорят, была стрельба и кого-то арестовали.

Дитер Зоммер повернулся к Жерому. В глазах его уже не было и следа бывлой приязни – один холодный посверкивающий лед.

– И как все это понимать, гаупштурмфюрер? – спросил он.

– Куда вы меня привезли? – спросила Катя. – Это же не больница...

Машина остановилась перед большими коваными воротами. Из будки охранника слева от ворот вышел человек с автоматом, приблизился к машине.

– Здорово, Хуго, – поздоровался с ним бритый шофер. – Открывай ворота – хозяйка вернулась.

Человек с автоматом заглянул в окно.

– Здравствуйте, госпожа штандартенфюрер. А кто это с вами?

– Моя знакомая, – холодно ответила женщина, сидевшая рядом с Катей. Насколько могла рассмотреть в темноте салона Катя, ей было около тридцати, и она была блондинкой. – Открывайте ворота, Хуго.

– На вашу знакомую нужно выписать пропуск, – неуверенно проговорил охранник.

– Под мою ответственность, – голосом блондинки можно было резать стекло. – И не заставляйте меня ждать!

Хуго козырнул и вернулся в будку. Ворота медленно, с натугой, открылись.

– Ну, вот мы и на месте, – удовлетворенно сказала женщина.

– Не бойся, Дайна. Это действительно не больница, но необходимую медицинскую помощь тебе здесь окажут. И самое главное – не станут задавать лишних вопросов.

Автомобиль с шуршанием катился по усыпанной гравием дорожке, по сторонам которой несли караул высокие пирамидальные тополя. Впереди появились огни – это горели фонари перед широкой лестницей, ведущей к дверям массивного здания с колоннадой. При взгляде

на них Катя ощутила нечто похожее на состояние, называемое французами *déjà vu* – как будто бы она уже бывала здесь раньше.

– Фрицци, – распорядилась блондинка, – проводи нашу гостью через боковой вход. И сопроводи ее в зеркальный зал, я скоро туда поднимусь.

– Хорошо, – кивнул бритый. Он остановил машину, вышел и открыл левую заднюю дверцу.

– Мы скоро увидимся, Дайна, – женщина положила свою холодную ладонь на пылающую огнем руку Кати. – Не волнуйся.

Лицо ее расплывалось перед Катиными глазами. На мгновение Кате почудилось, что у женщины разные глаза – один отливал глубокой синевой, другой был ярко-зеленым.

«Куда меня привезли? – думала она. – Кто эта женщина? Почему ее называли «штандартенфюрер»? Нам же говорили, что в немецкой армии нет женщин-офицеров. И что это за дворец, и почему он кажется мне знакомым?»

Фрицци захлопнул дверцу и снова сел за руль. Машина свернула на боковую дорожку и объехала здание по большой дуге.

– Я помогу вам выйти, – сказал шофер дружелюбно. – Обопритесь на мою руку.

– Спасибо, – Катя попробовала пошевелиться, но ногу ее пронзила острая боль. – Боюсь, у вас теперь все сиденье в крови...

– Ерунда, – ответил бритый. – Там специальные чехлы на резиновой подкладке, они хорошо отстирываются.

Он закинул Катину руку себе на шею и выволок ее из машины. Катя не смогла сдержать стона.

– Ничего, – успокаивающе проговорил шофер, – потерпите еще немного, и все будет в порядке. Пойдемте-ка.

Легко сказать – пойдете! Каждый шаг отдавался в мозгу новой вспышкой боли. Голова кружилась все сильнее.

– Я сейчас упаду, – проговорила она.

Фрицци присел и перекинул ее себе через плечо. Он был здоровым, как лось – наверное, даже больше Хагена. Придерживая Катю за талию, он направился к заднему крыльцу дворца.

Там тоже стоял часовой. Свободной рукой Фрицци вытащил из кармана пропуск и показал ему.

– Пропуск на фройляйн, – не выказав ни малейшего удивления при виде висевшей на плече у шофера Кати, сказал часовой.

– Какой тебе пропуск, болван? – разозлился Фрицци. – Не видишь, что она кровью истекает?

– Порядок есть порядок. Пока фройляйн жива, ей необходим пропуск. Я не имею права пропускать на сверхсекретный объект человека, не имеющего пропуска.

«Сверхсекретный объект, – повторила про себя Катя. – Эти колонны по фасаду дворца... Конечно, я уже видела их – на фотографии, которую показывал Отто!»

Это был дворец Грохольских в Вороновице. Штаб-квартира «Иностранных армий Востока», куда так стремился попасть Отто и где, по слухам, часто появлялся сам Гитлер.

– Под личную ответственность штандартенфюрера фон Белов, – рявкнул потерявший терпение Фрицци. – Если хочешь, можешь пожаловаться коменданту.

Он отодвинул часового с дороги, как отодвигают мебель. Тот выругался, но за оружие хвататься не стал – видимо, загадочная блондинка была очень важной персоной.

– Что за бордель, – ворчал шофер, поднимаясь по лестнице. – Скоро чихнуть нельзя будет без разрешения!

– Пожалуйста, – попросила Катя, – поставьте меня на ноги.

Фрицци остановился и осторожно опустил ее на землю. Катя прислонилась к стене и постаралась привести в порядок разбегающиеся мысли. В Вороновице находится еще и штаб-квартира службы безопасности. Петр говорил, что ею руководит какой-то доктор Гегель. Она запомнила, потому что ей показалось это смешным – главу службы безопасности звали, как старого немецкого философа.

Если Петр провокатор и работает на немцев, то он наверняка сообщил этому Гегелю о том, что Дайна Кайните на самом деле – русская разведчица. А это значит, что здесь, в Вороновице, ей грозит смертельная опасность!

– Пойдемте, фройляйн, – бритый осторожно подтолкнул ее к двери. – Мы уже почти пришли.

– Кто ваша начальница, Фрицци? – спросила Катя. – И зачем вы меня сюда привезли?

Катя и сама вряд ли понимала, для чего задавать эти вопросы. Ответ шофера все равно ничего не изменил бы. С пулей в ноге она не могла ни драться, ни убежать. Но безропотно идти, куда ее ведут – как телка на убой – было унижительно.

Как ни странно, шофер ответил.

– Штандартенфюрер Мария фон Белов. Адъютант самого фюрера. А почему она решила привезти вас сюда – я не знаю. Но если уж она обещала вам помочь, значит, поможет.

Они вышли в ярко освещенный коридор. Несмотря на поздний час, по нему сновали люди в форме – вид у них был чрезвычайно озабоченный, каждый второй держал в руках какие-то бумаги. На Катю, поддерживаемую бритым Фрицци, косились, но делали вид, что все в порядке.

Они уже дошли до конца коридора, когда сзади раздался удивленный возглас:

– Фройляйн Дайна!

Катя обернулась – так резко, что у нее сразу же потемнело в глазах. По коридору шел Рихард Кох – в застегнутом на все пуговицы кителе, очень аккуратный. Увидев окровавленную повязку у нее на ноге, Кох остановился, будто налетев на фонарный столб. Стопка бумаг, которую он нес под мышкой, разлетелась по всему коридору.

– Что с вами, Дайна?

– Все нормально, Рихард, – с натугой выговорила Катя. Кох дернулся было к ней, но наткнулся на мрачный взгляд Фрицци и замер на месте. – Правда, все хорошо.

Кох наклонился и принялся собирать бумаги. Фрицци мотнул головой – пойдете дальше.

Они завернули за угол и оказались перед высокими двустворчатыми дверьми. Бритый достал из кармана ключ и открыл замок.

– Входите, фройляйн.

Щелкнул выключатель. Катя, преодолевая головокружение, огляделась. Они стояли на пороге большого, загроможденного мебелью зала – судя по всему, этим помещением не пользовались очень давно. С потолка свисала огромная люстра, которая некогда должна была заливать хрустальным сиянием весь зал – теперь же среди пышных гирлянд и подвесок горело всего несколько лампо-

чек, и свет ее был тусклым и пыльным. На окнах висели плотные бордовые портьеры. У дальней стены висело зеркало – огромное, в два человеческих роста, в массивной раме из черного дерева. Как и все в зале, оно было покрыто пылью, отчего казалось матовым.

– Штандартенфюрер приказала ждать ее здесь, – словно извиняясь, сказал Фрицци. Он взял Катю за руку и повел в глубину помещения. Смахнул какие-то коробки с глубокого, с высокой резной спинкой кресла и осторожно усадил в него Катю. – Не волнуйтесь, она скоро придет.

– Мне надо переменить повязку, – пробормотала Катя. Она чувствовала, что вот-вот потеряет сознание – силы оставляли ее стремительно. – У вас не найдется бинта?

– Разумеется, найдется, – ответил ей знакомый хриловатый голос. Катя повернула голову – в дверях стояла Мария фон Белов. – И бинт, и инструменты, и даже анестезия.

Она подошла и поставила на хрупкий антикварный столик тяжелую брезентовую сумку.

– Я обо всем позаботилась, Дайна. Фрицци, закрой дверь.

Мария фон Белов извлекла из сумки металлическую фляжку и протянула ее Кате.

– Пей. Сделай два добрых глотка – это приглушит боль.

Катя осторожно попробовала жидкость на вкус. Это был не алкоголь – скорее, настой каких-то душистых трав, горьковатый, но не противный.

– Пей, пей, – засмеялась Мария. – Нам ведь совсем ни к чему, чтобы ты корчилась и выла от боли, не так ли?

Она сноровисто развязала мокрую от крови повязку и осмотрела рану.

– Сама по себе рана не опасная, – сказала она, бросая блузку на пол. – Но задета артерия, поэтому так много крови. Что ж, это удачно.

– Почему? – испуганно прошептала Катя. Мария подняла голову и улыбнулась ей.

– Потому что кровь нам нужна. Фрицци, жгут!

Бритый подал ей резиновый жгут. Фон Белов подмигнула ему, и Фрицци неожиданно схватил Катю за руки.

– Не хочу, чтобы ты брыкалась во время операции, – пояснила Мария.

Катя попыталась вырваться, но Фрицци держал ее крепко. Фон Белов обмотала резиновый жгут вокруг ее запястий и завязала двойным узлом.

– Теперь ноги.

Катя пнула бритого здоровой ногой, но он этого даже не почувствовал. Обхватил своими лапами ее лодыжки и держал, пока Мария связывала их вторым жгутом.

– Отлично, – констатировала фон Белов, оглядев свою работу. – Теперь ты при всем желании не сможешь мне помешать. Фрицци, ты нам больше не понадобишься. Постой у двери с той стороны, чтобы никто нас не беспокоил.

– Слушаюсь, – сказал бритый. На Катю он так ни разу и не посмотрел.

– А мы, пожалуй, приступим к операции, – сказала Мария. Она достала из сумки набор инструментов и баночку спирта. Небрежно протерла спиртом скальпель и наклонилась над Катиной раной. – Для начала извлечем пулю.

– Пулю извлекают щипцами, – проговорила Катя сквозь зубы.

– О, ты разбираешься в военно-полевой хирургии? Да, ты права. Обычно щипцами. Но мне нужно несколько расширить отверстие.

Она полоснула скальпелем по ране. Катя зажмурилась. В висках плеснула боль – то ли снадобье из фляжки еще не успело подействовать, то ли фон Белов ее обманула.

Потом она почувствовала, что в ее ране что-то шевелится. Открыла глаза – Мария выковыривала пулю пальцами.

– Кажется, это называется «вложить персты в раны», – засмеялась она. – Прости, если тебе все еще больно – это скоро пройдет. А вот и пуля.

Она вытащила окровавленный кусочек металла, равнодушно повертела в руках и отбросила в сторону.

– Гадость. Нам ведь не нужно лишнее железо в крови, не так ли, Дайна?

Она встала, потянулась. Осторожно понюхала вымазанные кровью пальцы.

– Сама судьба подарила мне тебя, Дайна.

– Что вы хотите со мной сделать?

– Хочу? Брось, Дайна. Я не хочу, я уже делаю. Представь, как удачно все складывается – мне нужна была кровь для того, чтобы провести ритуал – и тут посреди дороги появляешься ты, окровавленная и нуждающаяся в помощи. Вот и не верь после этого в судьбу!

– Зачем вам моя кровь?

Мария фон Белов подошла к ней поближе, наклонилась и растегнула пуговицу на кителе. Провела кончиками пальцев по лицу и груди Кати, оставив на них красные полосы.

– У тебя красивое тело, Дайна. Ты молодая, сильная девушка. Твоя кровь должна им понравиться.

– Кому это им?

Фон Белов улыбнулась.

– Ты слишком любопытна. Но думаю, что ты успеешь увидеть их своими глазами.

Она вновь взяла скальпель и встала у Кати за спиной.

– Не шевелись, Дайна, иначе я сделаю тебе больно.

Лезвие распорол китель от воротника до пояса. Еще несколько взмахов скальпеля – и Катя осталась в одном лифчике. Ее была крупная дрожь.

– Хорошая грудь, – одобрила фон Белов. – Думаю, не хуже, чем у Главки.

«Она сумасшедшая, – подумала Катя, – просто шизофреничка... Что она собирается со мной делать?»

Ей стало так страшно, что она забыла и про боль, и про головокружение. Страх удивительным образом вернул окружающему миру четкость.

– Главка – это дочь царя Коринфа, на которой хотел жениться Ясон, – объяснила фон Белов, хотя Катя ни о чем ее не спрашивала. – Медея, подруга Ясона, убила Главку. Все думают, что она сделала это из ревности, но на самом деле она просто принесла жертву.

– Жертву? – дрожа, переспросила Катя.

– В основе ритуала, вызывающего Высших Неизвестных, всегда лежит кровь, – продолжала Мария. – Но этого мало – еще требуются зеркала и предметы. Не знаю, какой предмет был у Медеи, но уверена, что Высшие Неизвестные приходили на ее зов. Пусть даже зеркало у нее было бронзовое.

– Какие предметы?

– Особенности, – в руке фон Белов сверкнула фигурка из серебристого металла. Она покачала его на ладони перед Катиным лицом. – Например, вот такие.

На какую-то долю секунды Кате показалось, что ее безумная мучительница держит в руке того самого орла, за которым и охотилась команда «Синица». Но нет – фигурка, лежавшая на ладони фон Белов, изображала морского конька.

– Итак, предмет у нас есть, – сказала Мария. – Зеркало – тоже. Кровь? Ну, крови у нас сейчас будет более чем достаточно.

Она крепко сжала правую руку Кати и провела скальпелем от локтя к запястью, вскрыв вену.

– Думаю, нам нужно позвонить криминалькомиссару Доннеру и узнать все у него, – спокойно сказал Жером, глядя прямо в глаза начальнику аналитического отдела.

Спокойствие давалось ему предельным напряжением сил. Почему гестапо устроило засаду в доме, где снимала комнату Серебрякова? Против нее не было ни единой улики. Если только... если только тот, кто попал в руки полиции в Пружанах, ее не выдал.

«Бред, – сказал себе Жером. – В застенках гестапо сломается любой, но почему этот человек не назвал меня? Почему только Катю?»

Возможно, у этого человека были основания относиться к ней плохо, подсказал ему холодный голос рассудка. Представь, например, что Шибанов или Гумилев догадались, какие отношения связывают тебя с Катей. А после того, как ты отправил их в лес, эти подозрения превратились в уверенность. Это могло спровоцировать злость и подсознательное желание отомстить. И когда дело дошло до пыток, человек просто не выдержал. Где тонко – там и рвется.

– Это разумно, – металлическим голосом сказал Зоммер. – Сейчас я все выясню.

Он набрал номер коммутатора.

– Соедините меня с криминалькомиссаром Доннером. Хайль Гитлер, штурмбаннфюрер. Это Зоммер. Что там у вас произошло сегодня в Старом Городе? Мой шофер только что оттуда вернулся, говорит, там полно твоих парней.

Некоторое время он внимательно слушал, что отвечает ему Доннер. Жером наблюдал за его лицом – напряженные мышцы постепенно расслаблялись, складки разглаживались. «Может, все еще не так плохо», – подумал Жером.

– Дело в том, что я посылал шофера за одной СС-хельферин, которая снимает комнату в том районе, – сказал Зоммер, когда криминалькомиссар завершил свою речь. – Ее зовут Дайна Кайните. Но, поскольку твои ребята устроили там заварушку, он ее не нашел. Ладно, ладно, заварушку устроили не твои ребята. Тем не менее. Ты про нее ничего не знаешь?

Через минуту он положил трубку на рычаг и повернулся к Жерому. Льда во взгляде начальника аналитического отдела заметно поубавилось.

– Это просто черт знает что! Гестапо арестовало какую-то русскую тетку, связанную с партизанами. Тетка вроде бы встречалась с еще какой-то женщиной, и Доннер пустил за ней хвост. А кончилось все это тем, что молодой заместитель Доннера, Шмидлинг, принял за русского шпиона шарфюрера из команды Отто Скорцени. Ну, вы знаете этих головорезов, доктор. Шарфюрер расшвырял гестаповцев, как котят, Шмидлингу сломал ключицу, еще кому-то – руку. А потом попытался сдать их в полицию как обычных бандитов. Большого бреда представить себе нельзя!

– Но причем здесь моя ассистентка? – сдерживая волнение, спросил Жером.

– Все это, видите ли, происходило прямо перед ее домом. Разумеется, вместе с полицией туда приехали люди Доннера, потом примчался начальник этого шарфюрера. В результате Шмидлинг в больнице, шарфюрер – на гауптвахте, а ваша ассистентка бесследно исчезла.

Жером похолодел.

– Что значит – исчезла?

Зоммер пожал плечами.

– Гестапо, естественно, допрашивало всех местных жителей, но в доме, адрес которого вы указали, не было вообще никого.

– Как, и хозяйки?

– Я же говорю – никого, – раздраженно огрызнулся Зоммер. – Вероятно, ваша ассистентка, напуганная выстрелами, просто убежала.

Больше всего Жерома волновало сейчас, кто была та женщина, за которой следил Шмидлинг, и что с ней стало. То, что агенты гестапо вышли прямо к дому, где жила Катя, не могло быть простым совпадением. Значит, эта девчонка наплевала на его приказ и встретилась со связником партизан!

«Зла не хватает, – подумал он. – Если только она цела, я устрою ей такую выволочку, которую она до конца своих дней не забудет».

– Как видите, доктор, в этой истории больше всех пострадал я, – кисло заметил Зоммер. – Остался и без лекарства, и без этой вашей СС-хельферин. А я-то уже мечтал о том, как за мной будет ухаживать юная медицинская сестра...

– Не расстраивайтесь раньше времени, штандартенфюрер, – сказал Жером, делая шаг к двери. – Если ваш Зепп меня отвезет, я сам привезу вам лекарства. И заодно попробую разыскать свою ассистентку.

– Действительно? – прищурился Зоммер. – Вы готовы полночи проездить, только чтобы помочь мне? Малоознакомому, в сущности, человеку?

– Дитер, – проникновенно сказал Жером, – я, прежде всего, врач. Я давал клятву Гиппократу. И если у вас завтра обнаружится перитонит...

«Не переживай, – сказал он себе. – Слишком уж ты заигрался в доброго самаритянина».

– К тому же, – добавил он, – я найду способ обратить вашу дружбу на пользу своему делу.

Зоммер усмехнулся и неловко приобнял Жерома за плечи.

– Вот теперь я вам верю, Отто. Можете не сомневаться – Дитер Зоммер не забывает добра.

Зепп, отвези доктора в город и вообще выполняй все его распоряжения.

В коридоре на Жерома налетел Рихард Кох – бледный, взъерошенный, с расширенными зрачками. Схватил за локоть и потащил в сторону.

– На два слова, Отто!

За последние дни они стали хорошими приятелями, и Кох позволял себе некоторую фамильярность по отношению к старшему по званию.

– Минутку, Зепп, – бросил Жером шоферу. – Что случилось, Рихард?

Кох чего-то до смерти боялся – для того, чтобы это понять, не нужно было изучать физиогномику. Он наклонился прямо к уху Жерома и прошептал:

– Я видел Дайну. Она здесь и ей... плохо.

– Где – здесь? И что значит – «плохо»?

– Ох, пожалуйста, не кричи так! Минут сорок назад, на втором этаже. В коридоре, ее вел этот лысый урод Фрицци.

– Рихард, – сказал Жером, стараясь, чтобы голос его звучал ровно.

– Я не знаю, кто такой Фрицци. Расскажи мне все с самого начала.

– Ну как – с начала? Я возвращался из комнаты машинисток в свой кабинет... Смотрю – Дайна. А с ней Фрицци. Это шофер Марии фон Белов. Ее-то ты знаешь, надеюсь?

– Нет, – терпеливо ответил Жером. – Кто это?

– Важная шишка. Адъютант фюрера. Перед ней все на задних лапках пляшут, ну, вот этот ее Фрицци и обнаглел, даром что простой шарфюрер. Вообще-то она в основном сидит в ставке, но здесь у нее тоже есть кабинет. Короче говоря, Дайна была ранена.

– Ранена?

– Ты глухой? – разозлился Кох. – Ох, извини, я не в себе просто. Да, у нее текла кровь по ноге. И, понимаешь, это выглядело как серьезная рана. Я ей крикнул – Дайна! – а она обернулась и говорит: иди, Рихард, со мной все в порядке. Но я-то видел, что нет! И этот Фрицци ее так еще подтолкнул, как будто она арестована, а он ее конвоирует...

– И что было дальше?

– Да ничего, – Кох опустил глаза. – Они ушли. А я побежал искать тебя.

– Чего меня было искать? – Жером не смог скрыть злость. – Я все время был с Зоммером.

– Ну, я же не мог без вызова ввалиться в кабинет к начальнику, – проямлил шифровальщик. – Потом, я все ждал, что ты появишься... думал, ну вот сейчас он выйдет, а ты все не выходил...

– Ладно, – оборвал его Жером. – Где, говоришь, это было?

– На втором этаже. Прямо под нами, фактически.

– Куда ее могли повести?

– Не знаю, – Кох прикусил губу. – Кабинет фон Белов в другом крыле. Да и вообще там дальше по коридору ничего нет, один только зал, куда стаскивают всю старую мебель...

Его лицо вдруг исказила гримаса.

– Только имей в виду, Отто – я тебе ничего не говорил! С этой фон Белов лучше не связываться. Я тут вообще не причем, понятно?

– Не бойся, – Жером хлопнул его по плечу. – Свою ассистентку я как-нибудь смогу защитить.

Кох облегченно вздохнул.

– Зепп, – сказал Жером, вернувшись к терпеливо дожидавшемуся его пожилому шоферу, – спускайтесь вниз и заводите машину. Я скоро спущусь.

– Как скажете, гаупштурмфюрер, – со спокойным достоинством ответил Зепп.

Жером прошел мимо равнодушного охранника и спустился по лестнице на второй этаж. Здесь было безлюдно и тихо. Только потрескивали под потолком химические лампы. Жером осмотрелся, прошел по коридору до конца, прислушиваясь к доносившимся из-за дверей звукам. С этой стороны коридор заканчивался выходившим в парк окном. На всякий случай Жером выглянул в него – внизу дымил выхлопной трубой черный «хорьх».

«Самое разумное, что я могу сейчас сделать, – сказал себе Жером, – это спуститься вниз, сесть в машину и уехать отсюда. Продолжать играть свою роль так, как будто ничего не случилось. Даже если Катя попала в лапы гестапо... а скорее, службы безопасности – у меня будет шанс вытащить ее, не рискуя при этом всей операцией. В конце концов, в работе любой службы бывают накладки. Я придумаю ей алиби... что бы она там не натворила. Но для того, чтобы вытащить ее чисто, мне нужно сейчас оставить ее здесь и уехать. А я не могу этого сделать».

Он с некоторым удивлением понял, что впервые за много лет думает не о выполнении задания, а о том, как спасти свою девушку. А поняв, разозлился.

Чувства – плохой помощник в ремесле разведчика. Наставники не уставали повторять это им, наивным и романтичным ребятам,

в чьих жилах кипела молодая, жаждущая приключений кровь. Разведчик обязан быть свободным от привязанностей, его сердце должно быть без остатка отдано Родине. И Жером, который верил своим учителям, старался выполнять этот их наказ. За то время, что он прожил вдали от Родины, у него было немало женщин – он скрупулезно запоминал их лица, имена, привычки, но никогда не испытывал к ним никаких чувств.

Катя, так доверчиво потянувшаяся к нему там, на базе «Синица», стала первой, о которой он позволил себе думать как о родном человеке. Может быть, сыграло роль то, что он вернулся на Родину, и невидимые обручи, стягивавшие его изнутри, немного ослабли. Совсем немного – но этого оказалось достаточно, чтобы в трещину в казавшейся незыблемой плотине хлынули сметающие все на своем пути воды океана.

«И вот результат, – зло думал он, заворачивая за угол коридора. – Эта дурочка полезла на рожон, встретилась со связником, попала под колпак гестапо и каким-то образом оказалась в руках у адъютанта самого фюрера... Мало того, что сама пропала, так еще и поставила под удар всю операцию...»

Он резко остановился. За поворотом коридора у высоких двустворчатых дверей подпирал стену бритый налысо амбал с переломанными, как у борца, ушами. Петлицы шарфюрера СС и нагловатый взгляд убедили Жерома в том, что перед ним упомянутый Кохом Фрицци.

– Шарфюрер, – сказал Жером резким, командным голосом. – Где Мария фон Белов?

Фрицци смерил его оценивающим взглядом – сверху вниз.

– А вам зачем, гаупштурмфюрер? – спросил он, демонстрируя полное пренебрежение к старшему по званию.

– Смирно! – рявкнул Жером. – Руки по швам, свинья! И вынь изо рта жвачку!

Бритый вздрогнул и рефлекторно вытянулся в струну. Команды, которые дал ему Жером, должны были на мгновение расфокусировать его внимание – хотя бы потому, что никакой жвачки у него во рту не было. Прежде, чем он сообразил, что происходит, Жером изо всех сил хлестнул пальцами ему по глазам.

Фрицци взревел, как раненый медведь. Пушечный удар его кулака рассек воздух там, где только что находился подбородок коварного врага. Но тот стремительно присел, и кулак Фрицци пронесся у Жерома над головой. Когда твой противник значительно превосходит тебя в росте и физической силе, твоя главная задача – лишить его этого преимущества. Из своей нижней стойки Жером ударил шарфюрера апперкотом в пах – этот удар, считающийся очень подлым, он освоил в портовых кабаках Марселя.

Фрицци согнулся пополам, лицо его оказалось на уровне груди Жерома. Тот схватил его за уши и резко дернул вниз, одновременно выбросив вперед колено.

Нос шарфюрера хрустнул, как сухая ветка. Жером отпустил его уши и, сцепив руки в замок, нанес удар по бритому затылку.

Фрицци тяжело рухнул на пол. Жером перевернул его голову – под глазами шарфюрера стремительно расплзались синие круги.

Жером вытащил у него из кобуры пистолет – свой он оставил на КПП – и сильным пинком распахнул дверь.

«Держись, – говорила себе Катя, – держись, ты сильная, ты сможешь».

Кровь вытекала из вскрытых вен темными вязкими струйками. Хрустальная ваза, которую Мария поставила под ее связанные руки, была наполнена больше, чем наполовину. Из рассеченной ноги кровь стекала в глубокий серебряный поднос и грозила выплеснуться на ковер. Катя не знала, сколько литров крови она уже потеряла – может быть, полтора или два. Последние несколько минут кровотечение замедлилось – видимо, кровь начала сворачиваться.

У нее и так всегда была хорошая свертываемость, а теперь, когда Катя изо всех сил пыталась восполнить кровопотерю, этот процесс шел еще быстрее.

Она не могла толком вспомнить, когда ей пришла в голову эта мысль. Наверное, когда фон Белов отворила ей вторую вену и заботливо подвинула под забившую красную струйку вазу. Страх как-то отодвинулся, ушел на второй план. Страх ушел, а ясность восприятия мира, подаренная им, осталась.

Тут-то она и сообразила, какой дурой была.

«Если я могу лечить других, – сказала себе Катя, – то могу вылечить и себя. Я и рану эту дурацкую могла уже давно зарастить – мне только нужно было не паниковать, спрятаться куда-нибудь в тихое место и сосредоточиться. Правда, пуля... но я бы, наверное, и пулю как-нибудь сумела бы выгнать».

Эта мысль вернула ей надежду. Она, продолжая для вида скулить, откинулась на спинку кресла, крепко зажмурила глаза и постаралась заглянуть внутрь себя.

Там был холод. Холод и пустота.

Жизнь уходила из нее с пугающей скоростью. Жизнь была неразрывно связана с кровью, а крови она потеряла очень много. Каждую секунду у нее внутри умирали тысячи, миллионы клеток. Замедлялись и останавливались процессы движения, которые и есть жизнь. И сил на борьбу уже почти не оставалось.

И тогда Катя представила себе, как где-то глубоко внутри, в красном переплетении вен, забил теплый источник.

Идущие от него волны побеждали холод. Кровь побежала по венам быстрее и, хотя она по-прежнему выплескивалась из вскрытых вен и из раны на ноге, теперь ее хватало для того, чтобы поддерживать искру жизни.

«Раны затянутся, – говорила себе она. – Не быстро, чтобы эта тварь ничего не заподозрила. Но затянутся. Я медленно стягиваю их края... я сшиваю их невидимой иглой. И скоро от них останутся только тонкие красные нити».

Ей было трудно сосредоточиться – очень мешала болтовня Марии фон Белов. Адъютант Гитлера несла какую-то чушь: о Высших Неизвестных, которые направляют историю человечества по собственному усмотрению, но могут поделиться своим могуществом с избранными, о древних культах, целью которых было заставить этих Неизвестных служить хозяевам предметов, о самих предметах – это, пожалуй, было самое интересное, но Мария ни словом не обмолвилась про орла. Зато про какую-то Черную Башню, в которой хранилось сразу несколько предметов, упоминала часто.

– Кроме мангуста, я нашла там морского конька и улитку, – рассказывала Мария, счищая пыль с огромного зеркала. – Какие способности дает улитка, мне еще предстоит выяснить, а вот морской

конек – удивительный предмет. Это с его помощью были когда-то обрушены неприступные стены Иерихона. Веришь, Дайна, мне даже страшно становится, когда я думаю о попавшей мне в руки силе!

Она выложила на столик перед зеркалом два серебристых предмета. Конек остался у нее в руках.

– Высшие Неизвестные чувствуют предметы, – продолжала распинаться фон Белов. – Они их притягивают, как магнит. Но если маг незащищен, встречи с Неизвестными он может не пережить. Для этой цели и служат зеркала и кровь.

«Я выживу, – твердила себе Катя. – Каким бы ни был этот ее ритуал, она все равно будет вынуждена отвлечься. И тогда я смогу полностью вернуть себе силы».

Мария фон Белов подошла к ней и проверила, сколько крови набралось в чашу.

– Будем надеяться, этого хватит. Дайна, поверь – здесь нет ничего личного. Второй раз за последние дни судьба толкает мне в руки будущую жертву – согласишься, глупо было бы отказываться. Тем более что если эта жертва окажется угодна Высшим Неизвестным, я сравняюсь могуществом с богами.

«Точно, ненормальная», – подумала Катя. Мария наклонилась и легонько поцеловала ее в щеку.

– Прости, Дайна. Ты умрешь не напрасно.

Она взяла хрустальную чашу, подошла к зеркалу и выплеснула кровь так, что та залила стекло сверху донизу.

Катя представила пульсирующее сердце. Оно должно биться ровно, спокойно. Кровь, которой становится все больше и больше, циркулирует по большому и малому кругам кровообращения. Никакой паники. Красные и белые кровяные тельца деловито снуют в трубах сосудов, занимаются своей обычной работой. Легионы тромбоцитов устремляются к порезам на руках и ране на ноге, заставляя кровь свертываться. Раны заживают, плоть, рассеченная сталью, медленно, но верно смыкается вновь. Боль уходит, в организм вливаются новые силы.

У меня получилось, подумала она. Я сумела! Сумела себя исцелить! Ну, держись теперь, сука фашистская!

Мария фон Белов раскачивалась перед залитым кровью зеркалом, бормоча что-то на неизвестном Кате языке. Она была похожа на огромную змею, вставшую на хвост. И, как змея, меняющая кожу, она неожиданно стянула с себя китель и блузку, оставшись обнаженной до пояса. Метнулась к Кате и выхватила у нее из-под ног поднос.

– Я – Медея, – исступленно крикнула Мария фон Белов, зачерпывая кровь из подноса и размазывая по своему телу. – Я жрица подземного мира! Я держу в руках ключи Агартхи. Услышьте меня, Господа Глубин, и придите ко мне, ибо у меня есть то, что дает мне власть!

За дверями зала раздался какой-то шум. Но именно в этот момент в зеркале что-то дрогнуло.

Катя, не веря своим глазам, смотрела, как из-под кровавых потеков проявляется чья-то призрачная рука. Голубовато-прозрачная, просвечивающая насквозь, с длинными тонкими пальцами. Вслед за рукой показалась голова с огромными, нечеловеческими глазами. Мария фон Белов торжествующе расхохоталась.

– Вы пришли, Великие Неизвестные! Я позвала, и вы явились ко мне!

В следующую секунду раздался страшный треск и правая створка двери слетела с петель, выбитая мощным ударом.

– Всем на пол! – крикнул знакомый голос.

Он хотел обойтись без стрельбы. Схватка с Фрицци и так была слишком шумной, а уж выстрелы наверняка привлекли бы внимание охраны. К тому же Жером по-прежнему не представлял себе, что происходит с Катей. Оставался шанс – крохотный, впрочем – что с ней все в порядке. Когда дверь распахнулась, даже этот крохотный шанс испарился, как капля воды на раскаленной сковороде.

Он увидел двух женщин – одну полуголую, с длинными белокурыми волосами, стоявшую перед огромным, залитым кровью зеркалом. И вторую – тоже обнаженную до пояса, полулежавшую в кресле, с темными ранами на связанных резиновым жгутом руках. И эта вторая была – Катя.

Мозг Жерома не успел проанализировать увиденное. А может быть, просто не захотел – в зале творилось что-то чудовищное, слишком невероятное, чтобы рассудок мог это воспринять. Реаль-

ность, которую он видел, была упрощена до голых функций, с нее было содрано все лишнее. Катя была связана и ранена, женщина перед зеркалом была палачом и врагом.

Указательный палец Жерома сам нажал на спусковой крючок.

За мгновение до того, как он выстрелил, Мария фон Белов сжала в руке морского конька.

Жером почувствовал страшную боль в правой руке и выронил пистолет. Точнее, то, что от него осталось – расплавленный, искореженный кусок металла. Полуголая женщина у странно мерцающего зеркала медленно раздвинула губы в открывающей острые зубы улыбке. Подняла руку.

Мозг опять отключился – теперь Жером двигался на одних рефлексх. Что бы там ни было у нее в руке, ему нужно было не попасть под удар этого оружия.

Он прыгнул в сторону, врезался в нагромождение каких-то стульев, упал на колени. Ящерицей проскользнул за массивным старинным шкафом. Раздался громкий треск – шкаф раскололся надвое, будто разрубленный невидимым топором.

На счастье Жерома, в зале было слишком много мебели. У него за спиной разлетались вдребезги мраморные столешницы, звонко лопались деревянные ребра козеток, рассыпались в щепки комоды. Но сам он каждый раз оставался невредим и подбирался все ближе и ближе к огромному, темному от крови зеркалу.

Потом наступила тишина. Жером осторожно выглянул из-за края исполинского гардероба и увидел белокурую тварь совсем рядом. Она настороженно обводила взглядом зал, который заволкло пылью, словно поле боя – клубами порохового дыма. Сейчас Жером находился у нее за спиной. Один прыжок – и он повалит ее на пол, вырвет у нее ту штуку, которой она расплавила его пистолет и переломала мебель. С такой штукой можно будет попробовать прорваться, сказал себе Жером и прыгнул.

Мария фон Белов развернулась, выбросив вперед правую руку. Невидимый луч задел его по касательной – Жерому показалось, что плечо его расплющили огромным кузнечным молотом – и продолжил свое движение, коснувшись вымазанного кровью зеркала.

Стекло взорвалось с оглушительным звоном. Жерома швырнуло на пол, на него посыпались темные от крови осколки.

– Шайссе, – хрипло проговорила Мария фон Белов. – Я из-за тебя зеркало потеряла!

Жером попытался вскочить, но правую ногу пронзила острая боль. Кость сломалась, как спичка – острый конец ее проткнул ткань брюк.

– Не дергайся, – велела фон Белов. – Я не хочу убивать тебя быстро.

Катя не понимала, что происходит. Жером почему-то не сумел выстрелить в фон Белов, потом та стала размахивать руками, и в зале начала взрываться и разваливаться на куски мебель. Потом разлетелось зеркало, в котором шевелилась какая-то прозрачная фигура...

Катя зажмурилась, когда на нее посыпались осколки. Один крупный осколок глубоко вонзился в подлокотник кресла – сантиметров на десять правее, и он рассек бы ей шейную артерию.

Жером лежал на полу, а Мария фон Белов, бочком, как гиена, приближалась к нему, сжимая в руке какой-то предмет. Когда она взмахивала рукой, Жером дергался и вскрикивал от боли.

«Тварь, – подумала Катя, – мерзкая, отвратительная тварь! Если бы я умела убивать взглядом, ты уже давно превратилась бы в труп!»

Но взглядом она убивать не умела. Довольно и того, что ей удалось исцелить себя после нанесенных Марией фон Белов ран.

Взгляд ее упал на воткнувшийся в кресло осколок. Он был очень острым и засел в деревянном подлокотнике прочно.

Катя вытянула руки и попыталась перерезать свои путы краем осколка. С третьей попытки это удалось – туго затянутый резиновый жгут лопнул с довольно громким хлопком. Но стоявшая к ней спиной Мария фон Белов даже не обернулась, увлеченная расправой над Жеромом. Возможно, про себя она уже считала Катю мертвой.

Жгут, стягивавший ноги, Катя просто развязала. Мышцы сильно затекли, и ей пришлось потратить еще минуту, разминая их пальцами.

Она с трудом поднялась с кресла, стараясь производить как можно меньше шума. Не обращая внимания на порезы, вытащила осколок из деревянного подлокотника. На подламывающихся ногах сделала несколько шагов по направлению к Марии фон Белов.

– Сначала я сломаю тебе руки, – говорила Мария фон Белов, наклонившись над Жеромом. – Потом переломаю ребра. Потом возьмусь за позвоночник. Ты будешь умирать долго, убудюдок. Или ты скажешь мне, кто ты и зачем тебе понадобились предметы.

В этот момент Жером увидел за ее спиной Катю, и в глазах его сверкнули хорошо знакомые ей огоньки.

Он длинно, со вкусом выругался – этого ругательства Катя не знала, но, видно, оно означало что-то очень нехорошее, потому что Мария вздрогнула, как от удара и занесла руку с зажатым в ней морским коньком.

Катя увидела, как лицо Жерома исказила гримаса боли. Рука у него вдруг дернулась, как у сорвавшейся с ниточки марионетки, и выскочила из плечевого сустава.

Жером закричал – громко, давая Кате возможность подойти совсем близко.

– Ауфидерзеен, сука! – сказала Катя, замахиваясь.

Адъютант Гитлера успела обернуться. Но больше она не успела сделать ничего.

Тяжелый осколок зеркала вонзился в красивое холеное лицо Марии фон Белов и раскроил его надвое.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ДОМ ВАГНЕРА

Байройт, Германия, 1920 год

Маленький городок Байройт, спрятавшийся среди лесов и холмов долины Красного Майна, казался Гитлеру после шумного и насквозь пропитанного политикой Мюнхена сонным и скучным.

В Мюнхене кипела жизнь, на площадях собирались митинги, в пивных гудели обозленные нерешительностью берлинского правительства бюргеры, на улицах фрайкоровцы дрались с коммунистами. А здесь время как будто остановилось.

Журчали фонтаны, шелестели листвой роскошные сады, пуховые облака застыли, словно приклеенные к глянцево-синему небу. Спокойный, тихий, уютный Байройт не замечал потрясений, заставлявших корчиться в революционных судорогах большие города Германии. Капповский путч, восстание в Руре, попытка создания Советской республики в самой Баварии – все это происходило где-то в другом мире. Жители Байройта продолжали жить своей обычной, размеренной жизнью, работали в мастерских, торговали в лавках, покупали овощи на рынке, пили знаменитое пиво «Браунбир» под тенью развесистых каштанов.

– Мещанское гнездо, – презрительно сказал Гитлер Розенбергу.

– Возможно, – пожал плечами тот. – Но мне, как архитектору, этот город по душе. Здесь все дышит благословенным восемнадцатым столетием.

– Чересчур слащаво, – фыркнул Гитлер. – В таких местах великие дела не делаются.

– Погодите, Адольф, – усмехнулся Розенберг. – Дитрих не напрасно позвал нас сюда. Он вообще никогда ничего не делает зря, вы еще не заметили?

Гитлер задумчиво кивнул.

Эккарт зарабатывал себе на жизнь ремеслом литератора. Он писал поэмы и пьесы, приводившие Гитлера в восторг. Казалось, сам Гете вновь воплотился в этом грузном, лысом человеке, злоупотреблявшем алкоголем и морфием. Гитлер, который был младше Эккарта на двадцать лет, относился к нему с благоговением.

Несколько месяцев назад Эккарт познакомил его с Розенбергом – молодым человеком, недавно приехавшим из Советской России. Розенберг происходил из остзейских немцев, потомков тевтонских рыцарей, завоевавших некогда Прибалтику. Он ненавидел большевиков и евреев и, как многие немцы, родившиеся далеко от фатерлянда, мечтал о возрождении сильной Германии.

– Мы – наследники Нибелунгов, – говорил он, горделиво выпячивая нижнюю челюсть, – северных великанов, владевших некогда всем миром! Нордические ладьи с лебедиными шеями доплывали до Северной Африки – их изображения сохранились на сосудах додинастического Египта! Белокожие голубоглазые воины были господствующей элитой у народа аморитов, покоривших весь Ближний Восток и основавших Иерусалим. Они создали нордический слой в той самой Галилее, из которой вышел Христос. Персы-арии и сам Заратустра вели свое происхождение от великих королевских династий Севера! Увы, низшие расы, темноволосые и круглоголовые, обманом и хитростью потеснили благородных северных воителей, проникли путем заключения смешанных браков в нордическую расу и разложили ее изнутри. Теперь перед нами стоит задача возродить силу Севера и построить на фундаменте чистоты арийской крови величественное здание Третьего Рейха!

Энциклопедические знания Розенберга произвели впечатление на Гитлера. Сам Адольф не мог похвастаться хорошим образованием: в юности он с трудом закончил четыре класса реальной школы, и до войны не интересовался ничем, кроме живописи и архитектуры. Однако то, что Розенберг был младше почти на пять лет, не давало честолюбивому Адольфу признать его авторитет. Он тут же принялся спорить с наглым остзейцем, хотя возразить по существу ему было нечего. Не станешь же, в самом деле, опровергать гипотезу о нордическом происхождении цивилизации!

Поэтому Гитлер цеплялся к мелочам: Атлантида, которая, по мнению Розенберга, была прародиной Ариев, не больше, чем красивый миф; индусы, может, и несли в себе когда-то толику арийской крови, но достаточно на них посмотреть, чтобы убедиться, что они-то и есть ярко выраженные темноволосые и круглоголовые унтерменши, и так далее.

Хитрый Эккарт, слушая их, только посмеивался. Он видел, что Гитлеру не хватает знаний; видел, с какой легкостью Розенберг разбивает его в споре, наблюдал и делал выводы.

Три дня назад Эккарт пригласил их на ужин. Холостяцкое жилище поэта – он недавно развелся со своей богатой женой Розой и теперь наслаждался свободной жизнью – было завалено книгами, рукописями и пустыми бутылками. За аппетитным айсбаном, который превосходно готовила кухарка Эккарта, Дитрих предложил Гитлеру и Розенбергу съездить в Байройт.

– Прекрасное место, и воздух чудесный. К тому же там жил и творил сам великий Вагнер.

– У меня нет времени разъезжать по провинции, – возразил Гитлер. – Дела партии требуют моего ежедневного присутствия в Мюнхене.

– Ничего страшного не случится, если ты немного развеешься, Адольф, – Эккарт говорил добродушным тоном, но что-то в его словах подсказало Гитлеру, что лучше с ним не спорить. – К тому же я оплачу вам дорогу до Байройта и обратно.

– А гостиницу? – тут же спросил практичный Розенберг.

– Она вам не понадобится, – усмехнулся Эккарт. – Не задавайте мне никаких вопросов: вы все узнаете в надлежащий момент.

И вот теперь Гитлер с Розенбергом шли по широким улицам Байройта, любуясь его барочными дворцами и тенистыми парками, разбитыми еще маркграфиней Софией Вильгельминой, сестрой Фридриха Великого.

Инструкции, полученные от Эккарта, предписывали им прийти к дому Вагнера к половине восьмого вечера. Поскольку делать в Байройте им было совершенно нечего, приятели успели погулять по рыночной площади, пройти по Максимилианштрассе и не раз отведать сказочно вкусного «Браунбир». Теперь они

чувствовали себя веселыми и довольными. Полубоавшись на великолепный оперный театр, они не спеша направились к дому великого Вагнера.

Дом, окруженный густыми липами, стоял в глубине старого сада. Перед полукруглым фронтоном бил изящный фонтан (в Байройте от фонтанов было никуда не деться), крыльцо утопало в пышных розовых кустах. Чем ближе молодые люди подходили к дому, тем неувереннее чувствовал себя Гитлер. Он всегда тушевался, когда приходилось общаться с людьми из высшего общества – а в этом доме, конечно, могли обитать только аристократы.

– Послушай, – сказал он Розенбергу, проклиная себя за нерешительность, – может быть, уйдем отсюда? Дитрих, верно, пошутил, когда предложил нам эту поездку.

– Дитрих, конечно, любит повеселиться, – согласился Альфред, – но не думаю, что он хотел нас разыграть. Не трусь, Адольф! Или ты вспомнил, что у тебя на носке дыра?

Гитлер надулся. Он никогда не владел искусством остроумно отвечать собеседнику. И носки у него целые, он специально выбрал для поездки новую пару, но не станешь же стаскивать с ноги ботинок, чтобы утереть нос спесивому остзейцу!

– Посмотри, – толкнул его в бок Розенберг, – нас, кажется, ждут!

На ступенях лестницы, ведущей к дверям виллы, стояла молодая женщина в черном платье, выгодно оттенявшем золотой блеск ее волос. Она приветливо улыбалась приятелям, и Гитлеру поневоле пришлось ускорить шаг.

– Добрый вечер, госпожа, – учтиво склонил голову Розенберг, – мы прибыли по просьбе нашего друга Дитриха Эккарта. Мое имя Альфред, а это мой друг Адольф.

– Адольф, – зачем-то повторил Гитлер и покраснел.

– Винифред, – представилась девушка, весело потряхнув своими золотыми кудрями. – Добро пожаловать, господа.

По-немецки она говорила с легким акцентом, и это еще больше смутило Гитлера. Иностранка?

Девушка была привлекательной – даже длинноватый нос ее не портил. Гитлер, не умевший непринужденно общаться с женщинами, отвел глаза в сторону.

– О, – сказал вдруг Альфред, глядя куда-то поверх златокудрой головки Винифред, – какая чудесная роспись!

Над массивными деревянными дверями была изображена высокая фигура в одежде странника. На плечах у странника сидели два больших черных ворона. Чуть поодаль стояли две изящные девушки в древнегреческих одеяниях.

– Да, – улыбнулась Винифред, – это работа знаменитого Краусе. Вам нравится?

– Прелестно, – ответил Розенберг. – И что же символизирует сия картина?

Как и многие остзейские немцы, жившие в России, он часто выражался слишком напыщенным книжным языком.

– Это ведь Во... Вотан, – неожиданно для себя проговорил Гитлер. – Со своими воронами... Как в опере «Зигфрид».

– Верно, – благожелательно кивнула Винифред. – А вот и сам герой, видите?

Только сейчас Гитлер заметил, что на фреске присутствует еще один персонаж – юный Зигфрид, стремящийся к одной из древнегреческих девушек.

– Это музы, – пояснила Винифред. – Мельпомена и Полигимния. Но прошу вас, господа, заходите в дом!

Внутри вилла была обставлена одновременно и с роскошью, и со вкусом. Севрский фарфор, гобелены на стенах, изящная мебель красного дерева, изготовленная, наверное, еще при Софии Вильгельмине. Гитлер в своем стареньком костюме чувствовал себя нищим, которого для потехи позвали к королевскому двору. Он украдкой глянул на свои ботинки – до блеска начищенные с утра, они порядком запылились во время прогулок по Байройту.

Они прошли в большую гостиную с мраморным камином и великолепным персидским ковром на полу. Навстречу им шагнул высокий седоволосый господин с длинным аристократическим лицом.

– Зигфрид Вагнер, – представился он звучным голосом, – а вы, полагаю, господа Розенберг и Гитлер? Мой друг Эккарт предупредил о вашем приезде. Что ж, друзья Дитриха – мои друзья. Прошу вас, господа, располагайтесь. Быть может, немного вина?

– Было бы неплохо, – скованно проговорил Розенберг. Видимо, богатое убранство виллы произвело впечатление и на него.

– Какое предпочитаете? Рислинг? Может быть, тирольское красное?

– Полагаю, Зигфрид, в этот час джентльмены пьют портвейн, – вмешалась в разговор Винифред. – Я велю Луизе принести три бокала.

– Вот кто истинная хозяйка дома, – добродушно рассмеялся Вагнер, когда девушка вышла из гостиной. – Вина англичанка, ни на шаг не отступает от островных традиций. Что ж, придется нам пить портвейн!

– Ваша жена восхитительна, – льстиво улыбнулся Розенберг, – впрочем, как и дом. Поверьте, мне доводилось бывать во дворцах Санкт-Петербурга, но они уступают в великолепии вашей вилле...

– Это вилла не моя, – поправил его Зигфрид. – Это воплощенная мечта отца, ему она и будет всегда принадлежать, пусть даже он давно умер...

– Рихард Вагнер бессмертен, – хриплым от смущения голосом проговорил Гитлер.

– О, – сказал Зигфрид, внимательно поглядев на него, – полагаю, вы правы.

– Когда я был студентом в Вене, – торопливо заговорил Адольф, – я часто ходил в оперу... я слышал все оперы вашего отца... и считаю его величайшим гением, которого рождала германская нация...

Это было почти правдой. Он действительно обожал Вагнера, но вот студентом никогда не был – в Венскую академию художеств поступить ему так и не удалось. «Вы не художник, молодой человек, – сказал ему старый ректор, – это отчетливо видно по вашим рисункам. Но по тем же рисункам видно, что у вас явный талант к архитектуре. Вы прекрасно чувствуете пропорции зданий, у вас отлично развито пространственное мышление. Ваше будущее – именно в этой области. Идите и добивайтесь успехов на поприще архитектуры!»

Вспоминать обо всем этом было неприятно, и Гитлер, снова смутившись, замолчал.

– Не скрою, – улыбнулся Зигфрид, – мне приятно это слышать. Впрочем, Дитрих говорил, что вы очень талантливый молодой человек.

– Говорил и повторяю снова, – донесся откуда-то сзади знакомый веселый голос. Гитлер и Розенберг обернулись одновременно – в дверях стоял Эккарт, держа под мышкой укрытую белой тканью корзину. – Ага, вижу, вы удивлены! Сюрприз, сюрприз!

– Рад вас видеть, Дитрих, – Вагнер совсем не выглядел удивленным. – Как ваша новая поэма?

– А, – Эккарт махнул рукой, – пишется понемногу... Однако последнее время меня больше увлекает пьеса.

– Пьеса? Вот как?

– Да, для кукольного театра. Впрочем, я расскажу тебе об этом позже.

Эккарт подошел к приятелям и приобнял их за плечи.

– Ну как вам Байройт? Я же говорил – здесь непременно нужно побывать!

– Почему вы не сказали, что тоже приедете, Дитрих? – недовольно спросил Гитлер. – К чему все эти тайны?

– Это всего лишь необходимая предосторожность, – Дитрих поставил свою корзину на изящный журнальный столик. – Все полагают, что я поехал в деревню, навестить тетку. В какой-то мере это правда: я действительно был в деревне, и вот что я оттуда привез!

Он театральным жестом сдернул белую ткань с корзинки.

Корзинка была доверху набита деревенской снедью. Посередине красовался могучий розовый окорок, окруженный тугими красными помидорами. Обезглавленный труп откормленной индейки прятался в пучках свежей зелени. Круги домашней колбасы пахли так аппетитно, что рот Гитлера сразу же наполнился слюной²². Отдельно лежал завернутый в белую бумагу просвечивающий золотом слиток – настоящее сливочное масло.

– Вы нас балуете, Дитрих, – нахмурился Вагнер.

По нынешним полуголодным временам подарок Эккарта и впрямь был роскошным. Даже в таких аристократических домах,

²² Гитлер стал вегетарианцем только в начале 1930-х гг.

как вилла Вагнера, с продуктами дела обстояли не лучшим образом: хозяева могли пить драгоценные вина, хранившиеся в их погребах с добрых старых времен, но на завтрак намазывали на хлеб синтетический маргарин, а ужинали отварной брюквой.

– Пустяки, – усмехнулся поэт, – у тетки зажиточное хозяйство. Главное же – мне удалось ввести в заблуждение тех, кто за мной шпионил. В результате никто не знает, что я здесь.

– За вами следят? И кто же?

– Полагаю, коммунисты. Но, может быть, и люди Рема. Он в последнее время стал проявлять чересчур большой интерес к моей скромной персоне.

– Эрнст Рем? – удивился Гитлер. – Начальник отдела пропаганды?

В мюнхенских казармах Рем пользовался репутацией храброго офицера и патриота. Зачем же ему шпионить за Эккартом?

– Кстати, я слышал краем уха, что Рем собирается перетащить тебя в свой отдел, – продолжал поэт. – Если такое предложение поступит, ни в коем случае не отказывайся.

В гостиную вошла горничная с серебряным подносом в руках. Бокалов на подносе оказалось не три, а четыре – прислуга в доме Вагнеров отличалась расторопностью.

– Хильда, голубушка, – распорядился Эккарт с фамильярностью, выдававшей в нем старинного друга семьи, – отнеси корзину на кухню. Пусть повар что-нибудь из этого приготовит.

– Прозит, господа, – сказал хозяин, поднимая хрустальный бокал с рубиновым напитком, – и да здравствует Великая Германия!

– А где же ваша прелестная супруга? – спросил Розенберг. – Неужели она не присоединится к нам?

– Позже, – на аристократическое лицо Вагнера набежала легкая тень. – За ужином.

Он откинулся в кресле, скрестив на груди руки и внимательно обвел взглядом своих гостей.

– Как я понимаю, Дитрих, вы не ввели наших молодых друзей в курс дела.

– А зачем? Чтобы они испугались и не пришли?

– С какой это стати мы должны чего-то бояться? – насупился Розенберг.

– Потому что вас ожидает кое-что необычное, – сказал Эккарт. – Вы знаете, разумеется, об обществе «Туле»?

– Конечно, – кивнул Гитлер. – О нем все знают²³.

– После того, как евреи и коммунисты расправились с многими видными членами «Туле», воспользовавшись небрежностью секретаря общества, было решено создать внутренний круг посвященных. В этот круг входит господин Вагнер.

– И господин Эккарт, – с улыбкой добавил хозяин дома. – Что же касается Винифред, то моя дорогая жена еще не посвящена в тайну.

– А как же мы? – удивился Розенберг.

– Вас, друзья мои, решено было принять во внутренний круг общества.

– Это большая честь, – пробормотал Гитлер. – Но разве можно... вот так, сразу?

– Не только можно, но и совершенно необходимо. Я не хочу, чтобы о вашей принадлежности к обществу было известно за его пределами. Больше того – за пределами внутреннего круга.

Эккарт с удовольствием допил портвейн и потянулся за графином, чтобы налить себе еще порцию.

– Помните, что я говорил вам о Реме? Этот человек рыщет вокруг «Туле», как такса вокруг лисьей норы. Возможно, он хочет внедрить в общество своих агентов. При той безалаберности, которая свойственна членам «Туле», это не так уж сложно. Не удивлюсь, если роль осведомителя он предназначил тебе, мой дорогой Адольф.

– Мне? – переспросил Гитлер. – Но как же... если я буду принят во внутренний круг...

– О котором Рем ничего не знает и не узнает, – со смехом ответил Эккарт. – Будешь рассказывать ему, чем занимаются бездельники, собирающиеся на Максимилианштрассе. Не беспокой-

23 Формально «Общество Туле» (Thule-Gesellschaft) считалось тайным мюнхенским отделением «Германского ордена», имевшего масонское происхождение. В действительности это был секрет Полишинеля: все мюнхенцы прекрасно знали, что члены общества регулярно собираются в отеле «Четыре времени года» на Максимилианштрассе. За недолгий период существования Баварской Советской республики девять членов общества были расстреляны.

ся, это продлится недолго. Я предрекаю тебе блестящее будущее, мой дорогой Адольф.

– А мне? – с обидой спросил Розенберг. – Какое будущее вы предрекаете мне, Дитрих?

– Не волнуйся, Альфред, ты тоже прославишься. Твоя эрудиция и аналитический ум сделают тебя пророком, к которому станут прислушиваться миллионы. Тебе предстоит написать Библию нового мира, великий миф возрожденной Германии!

Глаза Эккарта подозрительно заблестели.

– Но для того, чтобы многого добиться, следует много работать. Ваше посвящение не только большая честь, но и огромная ответственность. У Адольфа – задатки хорошего организатора, у Альфреда – идеолога-интеллектуала. Но их следует развивать. Адольф, для того, чтобы добиться большего, тебе следует выступать с речами.

– Но у меня нет ораторского дара, – смутился Гитлер.

Говоря так, он лукавил. Адольфу уже несколько раз доводилось произносить зажигательные речи в мюнхенских пивных, где ему даже аплодировали. Но проклятая неуверенность в себе делала публичные выступления мучительными для Гитлера: стоило хотя бы одному из слушателей возразить ему, или, того хуже, начать над ним насмехаться, он тут же терялся, речь его делалась сбивчивой и невнятной. Он напоминал пылкого, но неопытного любовника, который до смерти боялся опозориться перед предметом своей страсти.

– Ерунда, – возразил Эккарт. – Я не случайно наблюдал за тобой все это время. Ты прирожденный оратор. Тебе лишь не хватает веры в то, что ты можешь увлечь за собой аудиторию.

Он повернулся к Розенбергу.

– У Альфреда, напротив, этой веры в избытке. Но у него напрочь отсутствует способность к мистической экзальтации, совершенно необходимой для того, чтобы стать вождем.

– Да я в сто раз больше мистик, чем Адольф! – возмутился Розенберг. – Он даже в существование Атлантиды не верит...

– К счастью, господа, мы находимся как раз в том месте, где раскрываются все скрытые способности человека, – вмешался в разговор Зигфрид Вагнер. – Вы здесь именно для этого.

– Нас что, ждет какое-то испытание? – беспокойно оглянувшись по сторонам, спросил Гитлер.

– Тс-с, – Эккарт приложил толстый палец к губам. – Больше никаких расспросов. Полагаю, мой дорогой Зигфрид, мы уже можем подняться в Пурпурный Кабинет?

Вагнер извлек из кармана золотые часы-луковицу.

– Да, до назначенного времени осталось всего семь минут. Не стоит заставлять их ждать...

Он поднялся с кресла и отворил дверь, ведущую во внутренние помещения дома.

– Прошу вас, мои молодые друзья. Оставьте сомнения и ступайте за мной.

Первым принял приглашение Розенберг. Гитлер, поколебавшись, последовал за ним. Оглянувшись, он увидел, как Эккарт украдкой допивает оставшийся в графине портвейн.

– Не беспокойся, Адольф, – ухмыльнулся поэт, – я иду с вами!

Поднявшись вслед за Вагнером на второй этаж виллы, гости оказались в кабинете, задрапированном темно-красными порттьерами. Кое-где из-за порттьер выглядывали мраморные лица с одинаково твердыми подбородками и прямыми римскими носами. В углу высилась статуя варвара, вытаскивающего из ноги стрелу. Посреди кабинета стоял черный рояль с поднятой крышкой.

– Прошу вас, располагайтесь, – Зигфрид указал на обтянутый бордовым шелком диван. – И постарайтесь ничему не удивляться.

Свет в зале стал тусклее, как будто чья-то невидимая рука прикрутила газовые рожки. На минуту или две в кабинете воцарилась полная тишина. Гитлер и Розенберг переглядывались друг с другом, пытаясь предугадать, что их ожидает. Даже Эккарт, вопреки обыкновению, не развалился на диване, вытянув толстые ноги, а сидел прямо и строго, сохраняя необычайно серьезное выражение лица.

Музыка грянула внезапно и сокрушительно. Так сходит горная лавина, в мгновение ока сметая обманчивое безмолвие гор.

Понять, откуда она звучала, было невозможно. Никто не касался клавиш рояля. За порттьерами вряд ли удалось бы скрыть

целый оркестр. А между тем, сыграть симфоническое интермеццо «Путешествие Зигфрида через огонь» под силу было только оркестру.

«Патефон? Радио? – ошеломленно думал Гитлер. – Но звук чистейший, как в зале Венской оперы!»

Зигфрид шел через огонь, держа в руке светозарный Нотунг. Валы пламени обступали его со всех сторон, но не причиняли герою ни малейшего вреда. Гитлеру показалось, что тело Зигфрида излучает ледяное сияние. Лед и огонь! Вечная борьба двух сил Вселенной!

Музыка сводила с ума.

Пурпурные портьеры колебались вокруг, как извивающиеся языки огня. И вот уже не Зигфрид, а сам Гитлер рассекал сверкающим мечом встающую до небес пламенную стену.

За ней должна была дожидаться своего героя прекрасная Брунгильда. Отчего-то у Брунгильды было лицо англичанки Винифред...

Музыка оборвалась. Гитлер ошеломленно огляделся. Его спутники куда-то исчезли. Эккарт, Розенберг, Вагнер – где они все? Он был один среди пурпурных портьер и мраморных изваяний.

Нет, не один. У статуи раненого варвара стоял человек и смотрел на него.

Человек был высок и худ. Большие зеленые глаза его казались скорее совиными, чем кошачьими. Лицо человека странным образом расплывалось, будто черты его постоянно и с очень большой скоростью менялись. И что самое поразительное – Гитлер мог бы поклясться, что еще несколько мгновений назад этого человека в комнате не было.

– Не надо бояться, – проговорил удивительный незнакомец глубоким голосом, – ты не спишь и не гредишь наяву.

– Кто вы? – еле слышно пробормотал Адольф.

– Высшее существо, – в голосе незнакомца не было ни капли высокомерия. – Твой господин и покровитель.

От него веяло такой несокрушимой уверенностью, что Гитлер и не подумал спорить.

– И что же вам от меня нужно... мой господин?

Лицо незнакомца вдруг обрело четкость. Адольф с ужасом увидел, что его собеседник почти прозрачен – под матовой кожей пульсировали тонкие синие вены, а за ними темно-пурпурным фоном просвечивали портьеры. Призрак? Галлюцинация?

– Ты избран, Адольф, – торжественно произнес прозрачный. – Ты избран правителями Агартхи, чтобы изменить ход человеческой истории. Готов ли ты к тому, чтобы стать орудием богов?

Пораженный Гитлер не знал, что ответить. Что это – какое-то испытание для кандидатов во внутренний круг общества «Туле»?

– «Туле» здесь не при чем, – прозрачный будто прочитал его мысли. – Они всего лишь декораторы, готовящие сцену для нашего появления.

– Декораторы? – переспросил Гитлер.

– Мы живем в другом мире. Появляясь среди вас, мы меняем законы физики. Поэтому нам необходимы верные слуги среди людей. Итак, Адольф, ответь мне – готов ли ты исполнить миссию, которую предлагают тебе Господа Глубин?

За короткое мгновение перед глазами Гитлера промелькнула вся его жизнь – попытки стать художником, праздные скитания по богатой и равнодушной Вене, вши и окопы Фландрии, газовая атака, после которой он потерял зрение, госпиталь в Пазевальке, сеансы гипноза доктора Фостера, вернувшие ему способность видеть... Прозабание в мюнхенских казармах... Ему тридцать один год – половина жизни позади. И чего он добился? Ефрейтор разваливающейся на глазах армии, которого начальник Отдела пропаганды собирается использовать в качестве осведомителя? Об этом ли он мечтал в юные годы? Нет, он мечтал о славе, о признании! Он с самого начала знал, что достоин большего. Но кто виноват, что ему не удалось осуществить свои мечты? Евреи, засевшие в Венской Академии художеств? Союзники, растоптавшие поверженную Германию, лишившие ее права иметь сильную армию? Или он сам, слабый, застенчивый, никогда не умеющий настоять на своем? Может, если бы он был сильным и властным, как вот этот странный посланец неведомой Агартхи, вся жизнь его сложилась бы иначе?

Прозрачный человек терпеливо ждал.

– Да, – хрипло проговорил Гитлер. – Я готов исполнить миссию!

– Ты должен будешь объединить нацию. Немцы разобщены, унижены, их гений почти угас. Но у Германии великое предназначение, и ты, Адольф, станешь тем человеком, который сделает ее могущественнейшей державой мира.

– Я? Но как?

– С нашей помощью, Адольф. Мы заключим договор. Ты получишь в свое распоряжение некий предмет, который даст тебе власть над умами и душами людей. Как Зигфрид с помощью волшебного меча Нотунг сумел победить чудовищного Фафнира, так и ты, используя предмет, повергнешь в прах врагов Германии.

Гитлер весь дрожал от страха и возбуждения.

– Что это за предмет?

Глаза посланца Агартхи раскрылись еще шире.

– Это Орел. Древний символ власти римских императоров над миром.

Комната качалась и плыла перед глазами Адольфа. Кровь тупыми толчками била в виски.

– Я согласен! Дайте мне этот предмет, прошу!

Едва заметная улыбка тронула бесцветные губы прозрачного.

– Ты получишь его, когда придет время. Сейчас ты еще не готов. Ты лишь прикоснулся к самому краю тайны, но она должна завладеть тобой полностью. В этом тебе поможет твой наставник.

– Эккарт?

Посланец Агартхи не ответил. Он вдруг протянул руку к Гитлеру, и тот, несмотря на разделявшее их расстояние, инстинктивно мотнул головой – ему показалось, что сильные пальцы схватили его за подбородок.

– Но запомни, Адольф: ничто в мире не дается даром.

– Я должен буду заплатить? Чем?

– Ты должен будешь соблюдать договор.

– Я... ну конечно... что от меня потребуется?

– Немногое. Ты не должен переходить пределы необходимой жестокости.

– Что это значит?

Совиные глаза расширились.

– Нельзя сделать нацию единой и могущественной, не пролив ни капли крови. Тебе придется убивать, Адольф, и посылать на смерть тысячи человек. Я вижу в тебе решимость и жестокость. Ты не будешь страдать, если ради великой цели тебе понадобится пожертвовать близкими и друзьями. И это хорошо.

Повисла пауза.

– Но у всего есть обратная сторона. Ты не должен заходить слишком далеко в своей жестокости. Получив предмет, ты почувствуешь себя сильнейшим правителем в истории. Это чувство подобно наркотику. Ты будешь получать наслаждение, швыряя в топку невинных людей, стирая с лица земли целые народы...

– Нет! С чего вы взяли? Я никогда...

Прозрачный остановил его властным жестом.

– Молчи. В эту ловушку попадали люди сильнее и умнее тебя. Испытание безграничной властью выдерживают единицы. Но ты должен знать – от того, сумеешь ли ты обуздать свою страсть, зависит судьба Германии. Если превысишь меру жестокости, Германия погибнет вместе с тобой, а немцы никогда не станут господствующей расой. Другие народы будут торжествовать победу на развалинах немецких городов. На берегах Рейна и Одера зазвучит чужеземная речь. И сама память о величии Германии будет втоптана в грязь подошвами вражеских сапог.

– А если я... удержусь?

– Тогда Третий Рейх просуществует тысячу лет, а его первый фюрер – Адольф Гитлер – войдет в историю как гениальный политик и полководец, возродивший Германию и объединивший Европу. Поэты будут слагать тебе оды, а твои статуи украсят все европейские города. Память о тебе будет вечной, мой Адольф.

– Конечно же, я сумею сдержать себя, – твердым голосом проговорил Гитлер. – Можете не сомневаться, я исполню свою часть договора.

– Если ты нарушишь договор, – не обращая внимания на его слова, продолжал прозрачный, – мы лишим тебя своего покровительства. А вместе с ним ты потеряешь право использовать орла.

– Это... все? Это вся моя плата?

Тонкие губы прозрачного тронула легкая улыбка.

– Ты полагаешь, этого мало? Да, это все. Не нужно ничего подписывать кровью. Я не Мефистофель, да и ты непохож на Фауста. Мы будем наблюдать за тобой, Адольф. Иногда подсказывать, что надо делать. Иногда предостерегать от ошибок. Тебе достаточно будет помнить, кому ты обязан своим даром подчинять людей. Помни о договоре – и тебя ждет немеркнущая слава.

Тонкая изящная ладонь оказалась перед самым лицом Гитлера, и тот, повинуясь порыву, схватил ее и принялся осыпать поцелуями. Полупрозрачная кожа была холодна, как лед, и у Адольфа заглохло сердце.

– Мы дадим тебе все, о чем может только мечтать человек, – проговорил прозрачный, отнимая руку. – От тебя требуется только помнить о нашем договоре.

– Я все сделаю! – крикнул Гитлер, подавшись вперед. – Я сделаю все, что вы мне велите!

На его глазах призрачный силуэт растаял, будто его и не было.

Адольф в отчаянии огляделся.

Никого. Только легкое колыхание алых портьер.

Он бросился к статуе варвара, откинул тяжелую штору. Сквозь высокое готическое окно в комнату проникал льдистый звездный свет. За стеклами почему-то была зима: белые шапки на окружающих вилах, застывший хрустальным цветком фонтан, искрящийся нетронутый снег, засыпавший дорожки старого парка.

– Что со мной? – пробормотал Гитлер, отступая от окна.

В голове завывала снежная буря. Обхватив голову руками, он на ощупь добрался до дивана и рухнул на мягкие подушки, чувствуя, что теряет сознание. Вновь загремела музыка. Ее волны подхватили Адольфа, завертели его, как щепку в водовороте, и повлекли куда-то вперед и вверх, к сияющему источнику чистого белого света.

– Как вы полагаете, Дитрих, он в порядке? – услышал он доносившийся откуда-то издали озабоченный голос Вагнера.

– Через пять минут будет как огурчик, – фыркнул Эккарт. – Для человека с такой тонкой нервной организацией он удивительно крепок.

– Может, дать ему понюхать нашатырь?

– Попробуйте. Хуже, во всяком случае, ему уже вряд ли станет.

Гитлер почувствовал, как отвратительный, резкий запах проникает ему в ноздри, мотнул головой и открыл глаза. Он лежал на полу, прислонившись спиной к дивану, а бледный, как бумага, Розенберг подсовывал ему под нос пропитанную нашатырным спиртом ватку.

– Уберите... эту гадость, – прохрипел Адольф.

Он по-прежнему находился в багровом кабинете. Вокруг него столпились Вагнер, Эккарт и Розенберг – и откуда они только взялись? Ведь еще минуту назад кроме них с прозрачным в помещении никого не было!

– Что вы... что вы со мной сделали? – он сам поразился, насколько жалко прозвучали эти слова. – В портвейне был лауданум?

– Разумеется, нет. Мы все пили из одного графина.

Вагнер подал ему руку. После некоторых колебаний Гитлер воспользовался предложенной помощью и, шатаясь, поднялся на ноги.

– Вы, мой дорогой Адольф, прирожденный медиум. Поверьте, я повидал на своем веку немало людей, утверждавших, что они могут общаться с высшими существами. Но ни один из них не входил в транс так быстро и не переживал его так сильно.

Гитлер подозрительно уставился на него – не разыграл ли все это?

– Вы хотите сказать, что я был в трансе?

– О да, мой мальчик, – Эккарт обнял его за плечи. – Ты был великолепен! Ты был похож на пифию древней Эллады. Ты говорил с ним, и он говорил с тобой. Мы слышали это, хотя не понимали слов.

– С ним? – переспросил Гитлер. – Кто это был? Такой... как бы не совсем из плоти и крови?

– Мы называем их Высшими Неизвестными, – ответил Вагнер. – Истинные же их имена нам неведомы.

– Предположительно, они обитают где-то под землей, – перебил его Эккарт. – Ходят легенды об огромных пещерах под горными цепями Гималаев и Тибета, где Высшие Неизвестные правят с допотопных времен. Согласись, Адольф, это чертовски поэтично!

– Они редко приходят в наш мир, – добавил Вагнер. – Мой отец когда-то открыл, что их привлекают некоторые виды музыкальных гармоний и воспользовался этим, чтобы установить с ними контакт. Все его оперы, начиная с «Золота Рейна» – это мистические ключи, отворяющие врата между их и нашим мирами...

– Поэтому мы проводим инициации здесь, в Байройте, – Эккарт подошел к роялю и сыграл на нем какую-то бравурную мелодию. – Вы, ребята, конечно, не первые, кто сидел в этом кабинете. Но, черт меня подери, я никогда не видел такого потрясающего зрелища, как то, что продемонстрировал нам сегодня старина Адольф!

– А что же я? – недовольно спросил Розенберг. – Я ведь тоже кого-то видел! Какие-то размытые тени...

– Увы, мой друг, – Эккарт хлопнул молодого архитектора по плечу, – с тобой у них ничего не получилось. Брось, не расстраивайся – я тоже вижу их, только когда как следует напьюсь!

– Я и не думал расстраиваться, – сухо ответил Розенберг. – Просто странно: почему того, кто вдруг начинает биться в конвульсиях, как кликуша, вы называете медиумом, а человека, спокойно и взвешенно анализирующего обстановку, объявляете ни на что не годным...

«Кликушу я тебе запомню», – подумал Гитлер.

– Послушай, парень, – сказал Эккарт строго, – тут не мы решаем, кто способен контактировать с ними, а кто нет. Все равно они тебя не отвергли и ты теперь принят во внутренний круг общества «Туле».

– А были те, кого они отвергали? – прищурился Розенберг.

– Разумеется. Эти бедолаги потом маялись, как с жуткого похмелья, и ничего не могли вспомнить. Так что тебе еще повезло, парень!

– Дитрих, – сказал Гитлер, – так вы не слышали, о чем был разговор?

– Нет, – пожал плечами поэт, – так что, если ты нам не расскажешь, это навсегда останется твоей тайной.

– Мы говорили о будущем Германии, – ответил Адольф. – И о том, что мне поручено создать из нынешнего хаоса незыблемый

Тысячелетний Рейх. Он сказал мне, что я должен получить некий предмет, с помощью которого...

– Тш-ш! – Эккарт приложил палец к губам. – Ни слова больше!

Он выразительно посмотрел на Вагнера.

– Ты полагаешь? – неуверенно спросил хозяин дома.

– Это было бы потрясающе, – прорычал Эккарт. Глаза его возбужденно блестели. – Это означало бы, что мы наконец нашли его!

Он схватил Гитлера за руку и потряс так сильно, как будто хотел оторвать.

– Мы нашли его! Не просто оратора. Не просто прирожденного медиума. Мы нашли того, чей приход был предсказан вашим отцом, Зигфрид! Вот он, будущий спаситель Германии, наш вождь, наш фюрер!

Розенберг открыл было рот, чтобы сказать какую-нибудь колкость, но Вагнер предупреждающе покачал головой.

– Что ж, это великолепно, господа! С сегодняшнего дня вы, Альфред, и вы, Адольф – желанные гости этого дома. Можете приезжать к нам запросто, без приглашения, как это делает Дитрих. И я, и моя супруга будем искренне рады вашим визитам. Кстати, мы совсем забыли о Винифред, а она, между тем, уже давно ждет нас к ужину. Предлагаю отметить начало нашей дружбы парой бутылок мозельского!

– Промочить горло было бы неплохо, – проворчал расстроенный Розенберг.

– Ну, тогда вперед! – Вагнер посторонился, пропуская архитектора вперед, и сам последовал за ним. – Друзья, не отставайте!

Но Эккарт не спешил выходить из кабинета. Он внимательно смотрел на Гитлера, словно искал в нем какой-то скрытый изъян.

– Стало быть, разговор зашел о предмете? – спросил он, наконец. Адольф понял, что Вагнер не зря увел Розенберга ужинать.

– Да, об орле. Вы знаете, что это такое, Дитрих?

Поэт ответил не сразу.

– Знаю ли я? Конечно, мой мальчик. Орел – это высшее воплощение поэзии, это квинтэссенция того искусства, которым вла-

дел Орфей. Орфей, заставлявший деревья плясать, а камни плакать. Это очищенное ото всех примесей Слово, то самое, которое было в начале всего, как сказано в Книге Бытия.

Гитлер нетерпеливо кивнул.

– Да, да. Но все же – что это за предмет? Он у вас? Вы мне его передадите?

– Если такова их воля. Но прежде чем получить орла, тебе следует многому научиться.

– Да, он сказал. Вы же научите меня, Дитрих?

Эккарт усмехнулся.

– Разумеется, Адольф. Я напишу для тебя музыку, но танцевать тебе придется самому.

Дитрих Эккарт умер от чахотки спустя три года. Перед смертью поэт обратился к друзьям, собравшимся у его кровати (Гитлера среди них не было – он сидел в тюрьме Ландсберг, отбывая наказание за организацию Пивного путча).

– Не скорбите обо мне, я повлиял на историю больше, чем кто-либо из немцев...

Это были его последние слова.

фото Игоря Мухина

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

Закончил исторический факультет МГУ, College of Europe в Брюсселе. Работал в ОБСЕ и ряде других международных организаций. Принимал участие в деятельности миротворческих миссий в Боснии и Албании. Автор романов «Завещание ночи», «Война за «Асгард», «Путь Шута». Лауреат многочисленных жанровых премий, в том числе «Бронзовой улитки», EuroCon (ESFS Awards), «Странник» и «Чаша Бастиона». Лауреат Чеховской премии Союза писателей России.

ДЕВЯТЬ ВОПРОСОВ АВТОРУ «БЛОКАДЫ 3»

1. Кирилл, вы много раз говорили, что «Блокада» не уместится в рамки трех книг. И «Война в зазеркалье» обрывается как будто на полуслове. Ждать ли «Блокаду 4»?

В результате долгих дискуссий с Хранителями Идеи мы договорились соблюдать принцип «Этногенеза» и не выходить за пределы трех книг. Но история Кати Серебряковой, Льва Гумилева, Марии фон Белов и других героев «Блокады» обязательно будет рассказана до конца. Просто это произойдет в новой серии. Как будет эта серия называться — я еще не знаю. Пока ее рабочее название «Бункер». Из нее читатели узнают, чем завершилась спецоперация группы «Си-

ница», что случилось с орлом и другими артефактами, и как сложились судьбы героев романа. Не исключая и появления некоторых персонажей «Блокады» в давно задуманной мной серии, посвященной Карибскому кризису и таинственному убийству президента США Джона Фицджеральда Кеннеди.

2. Мария фон Белов неожиданно появилась перед читателями на страницах «Миллиардера 2». Но почему-то без шрама, который, как знают теперь читатели, должен «украшать» ее лицо. Чудеса пластической хирургии?

Внимательный читатель без труда заметит, что в «Миллиардере 2» описание Марии фон Белов отсутствует. В первой главе это просто старушка, которая дремлет в кресле, спиной к оберлейтенанту Шарлотте Фриз. Вполне возможно, что Шарлотта уже давно привыкла к виду своей грозной начальницы, и не обращает внимания на шрам. Но может быть, отметина, напоминающая фон Белов о схватке в подземелье дворца в Вороновице превратилась в тонкую белую полоску? И пластическая хирургия здесь ни при чем. Читатель, разумеется, получит ответ и на этот вопрос — но только в следующих книгах сериала.

3. Почему мало внимания уделено основным персонажам «Тени Зигфрида» — Гумилеву и Шибанову?

Проблема в том, что в романе нет одного главного героя, а есть пять или шесть персонажей первого плана, на которых держится действие. Скажу честно — мне вообще нравится писать книги, в которых действует несколько героев с разным видением происходящего. Мне кажется, пространство романа от этого становится глубже, объемнее, появляется своего рода эффект 3D. Минусом такого метода является необходимость переносить луч авторского внимания с одного героя на другого, или, как это происходит в «Блокаде», с одной группы героев — на другую. В «Войне в зазеркалье» в фокусе оказались Катя Серебрякова и Мария фон Белов. Шибанов, Теркин, Жером в значительной степени отошли на задний план. А вот насчет Гумилева я не согласен. Может быть, в третьей книге ему действительно уделено не очень много страниц, но события, которые с ним происходят, чрезвычайно важны и для него самого, и для читателя. Вообще рассказывать историю Льва Николаевича мне было, пожалуй, труднее всего. В отличие от многих других персонажей, он реален на сто процентов — и поэтому масштабы авторской фантазии здесь, конечно, ограничены очень жестко. Но я надеюсь, что самому Льву Николаевичу, которого я безмерно уважаю и как великого русского историка, и как русского солдата, который дошел до Берлина, его образ в «Блокаде» пришелся бы по душе.

4. Каким образом командос Отто Скорцени, только что вернувшиеся из блокадного Ленинграда, оказались в Виннице?

На самом деле в книге отсутствуют две главы, в которых рассказывалась предыстория появления Рольфа, Хагена и Бруно в Виннице. Они были написаны, но после некоторых размышлений я решил перенести их в продолжение «Блокады» — для дополнительного закручивания интриги. Скажу только, что это далеко не случайность, и связана она с деятельностью оставшегося в живых агента Раухера, случайно спасенного нашими разведчиками в районе Невской Дубровки.

5. Хаген — персонаж, который во второй книге производил впечатление отъявленного негодяя, в «Блокаде 3» выглядит совсем не так однозначно. Почему?

А вот это загадка даже для меня самого. Честно говоря, намерения делать одного из диверсантов Скорцени симпатичным персонажем у меня не было. Но... иногда герои книги начинают вести себя не совсем так, как хочется автору. Можно припомнить хрестоматийный пример с пушкинской Татьяной, которая неожиданно для самого Александра Сергеевича «выкинула штуку» и «выскочила замуж». На мой взгляд, это неплохо — значит, герои не картонные, а живые, у них есть своя собственная логика, мотивация, свой характер. Но для автора это, конечно, проблема — что, скажите, теперь делать с персонажем, который задумывался, как однозначно отрицательный, а теперь вдруг выломался из этих рамок? Загонять обратно — не хочется, значит, придется наблюдать за дальнейшим развитием героя...

6. Почему Мария фон Белов вернулась с Кавказа одна? Куда подевался Ганс Раттенхубер, получивший приказ фюрера охранять ее?

Мария фон Белов и Раттенхубер вернулись с Кавказа вместе. Однако сразу после возвращения Раттенхубер поехал в ставку докладывать фюреру об успешном завершении операции. Его отношения с подопечной после кавказских приключений можно мягко охарактеризовать как «натянутые», поэтому ничего удивительного в том, что он не стал сопровождать Марию фон Белов в Вороновицу, нет.

7. Как сложилась дальнейшая судьба Лехи Белоусова, дядьки Ковтуна и других казаков?

После первоначальной растерянности, вызванной стремительной атакой дивизии «Эдельвейс» на перевалы, советское командование предприняло це-

лый ряд правильных, хотя и запоздалых, шагов. Например, для обучения приемам горной войны были привлечены лучшие советские альпинисты, в том числе А.М. Гусев, чью книгу «Эльбрус в огне» я рекомендую всем интересующимся событиями войны на Кавказе. Возможно, вскоре Леха Белоусов и его друзья встретятся с Гусевым и пройдут специальную подготовку, которая в конечном итоге позволит им сбросить головорезов из «Эдельвейс» с перевалов Большого Кавказского хребта.

8. Зачем Прозрачный приходил к Гитлеру в ставку?

Напомнить о договоре, который будущий фюрер германской нации заключил с Прозрачными в 1920 г. в Байройте. Можно предположить, что Гитлер обманул Прозрачных, и теперь они требуют восстановления справедливости. Во всяком случае, истерическая реакция Гитлера свидетельствует о том, что он боится наказания за какой-то серьезный проступок. Интересно, кстати, что случай с «явлением» Гитлеру Высшего Неизвестного не выдуман мной — о нем, со ссылкой на личного врача фюрера, пишут, например, авторы известной книги «Утро магов» Повесть и Бержье.

9. Из последней, «бонусной» главы книги (которая, кстати, отсутствует в большой трилогии) можно сделать вывод о том, что раса Прозрачных использовала Гитлера в своих целях. Но в других книгах «Этногенеза» Прозрачные не выглядят закулисными злодеями — напротив, они доброжелательны, помогают владельцам предметов... Как объяснить это противоречие?

На самом деле противоречие здесь кажущееся. Как и люди, Прозрачные не являются какой-то единой силой. Различные кланы или ордена Прозрачных могут преследовать совершенно разные цели. На мой взгляд, Прозрачные в основном равнодушны к людям — ну, как мы равнодушны к муравьям или пчелам. То, что мы не рассматриваем пчел, как равноправных партнеров, не мешает нам, однако, использовать их для получения меда. Ну, вот и Прозрачные используют людей в своих целях — а вот что это за цели, читатель узнает из других книг «Этногенеза».

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1942 год. Сражающийся мир

Обзор

Если посмотреть на историю планеты Земля в 1942 году, то можно сказать только одно – перед нами мир сражающийся. Вторая мировая война была поистине мировой. Воюет фактически вся планета, боевые действия идут едва ли не во всех ее уголках.

В огне весь Тихий океан. Япония огнем и мечом строит свою великую империю. К середине 1942 года в ее руках вся Корея, практически весь Китай, Французский Индокитай (современные Вьетнам, Камбоджа и Лаос), Малайя, Сингапур, Филиппины, большая часть Индонезии – то есть территория в почти десять миллионов квадратных километров с населением около 400 млн. человек.

Бурлит и Индия. Боевых действий там нет, но зато в самом разгаре освободительное движение. Именно в 1942 году Ганди устраивает третью масштабную акцию гражданского неповиновения, поднимает всю страну и на два года попадает в тюрьму.

Северная Африка. Стремительное наступление немецких и итальянских сил буквально сметает английские дивизии и оттесняет их почти к самому Нилу. Кажется еще немного и Британия потеряет Египет.

Даже Латинская Америка не осталась в стороне – в августе 1942 года Бразилия объявила войну Германии и ее союзникам.

Не стоит забывать, что пока мы путешествуем по континентам, водное пространство между ними стало точно такой же аренной битвы, как и твердь земная. Во всех океанах идет надводная и подводная война. Именно в 1942 году немцы оттачивают свою знаменитую тактику «волчьих стай».

Западная Европа. На Западном фронте в 1942 году – практически полное затишье. Редкие бомбардировки Британских островов, воздушные налеты немцев на Мальту и одна единственная войсковая операция – 19 августа 1942 года британские и канадские войска неожиданно атаковали французский город Дьепп. Операция обернулась полной неудачей.

Ну и, наконец, Восточная Европа. Европейская часть Советского Союза. Место, где решалась судьба этой страшной войны. Год наших самых жестоких военных неудач, достаточно назвать только два города – Харьков и Ржев, в их окрестностях землю залили кровью на три метра вглубь. Но одновременно 1942 год – год, наверное, самой долгожданной победы. Победы, заставившей едва ли не все население Земли навсегда выучить трудное русское слово «Сталинград».

«Аненербе»

Справка

Слово «Аненербе» слышали многие, но не все знают, что оно означает. В переводе с немецкого это «Наследие предков» – именно так называлась одна из самых таинственных и зловещих организаций Третьего рейха. Если честно, то даже специалисты не могут быть уверены, что знают о «Наследии предков» все. И это совсем не случайно: «Аненербе» создавали люди, помешанные на тайных обществах, профессионалы запутывания следов и мастера дезинформации. И старались они на совесть.

Итак, что мы знаем об «Аненербе» наверняка?

Известно, что одним из отцов–основателей «Аненербе» был Герман Вирт, филолог, специалист по народному творчеству, автор сомнительных теорий о превосходстве нордической расы. Но, тем не менее, теории Вирта понравились Гитлеру. А еще больше они приглянулись Генриху Гиммлеру, шефу СС, одержимому идеей чистоты германской расы. Гиммлер стал покровителем Вирта, предложив ему продолжить свои исследования под «крышей» СС. Так 1 июля 1935 года состоялось учредительное собрание Исследовательского общества древней истории «Немецкое наследие предков», на котором присутствовал сам Гиммлер. Этот день можно считать официальным началом истории «Аненербе».

Об организационной структуре «Аненербе» можно составить некоторое представление, заглянув в интернет. Поэтому не имеет смысла повторять здесь названия многочисленных отделов организации. Стоит отметить, однако, что в «Аненербе» существовали такие экзотические подразделения, как Исследовательский отдел карстов и пещер, а также Исследовательский отдел насыпных обитаемых холмов. Сразу вспоминается популярный в англосаксонской мифологии мотив «полых холмов», населенных эльфами, фейри и другими представителями Малого Народца.

В поисках древних тайн, зачастую связанных с подземельями и пещерами, «Аненербе» снаряжало многочисленные экспедиции в разные страны Европы а также в удаленные уголки мира, такие, как Тибет. Тибетскую экспедицию «Аненербе» возглавил Эрнст Шефер – ученый чрезвычайно широкого профиля.

Среди прочего участникам экспедиции были поручены поиски на Тибете следов арийской прародины, в том числе легендарных великанов, чьи останки до сих пор хранятся в недоступных горных монастырях. Представители экспедиции посетили священные города Тибета Лхасу и Шигадзе, был установлен радиомост Берлин–Лхаса (действовал до 1943 года). Регент Тибета передал в подарок Гитлеру тибетского мастифа, золотую монету и мантию, которая принадлежала Далай–Ламе. В 1939 году экспедиция

через Багдад вернулась в Германию. Шефер и его сотрудники были встречены как национальные герои. Гиммлер вручил Шеферу кольцо «Мертвая голова» и почетный кинжал СС.

Но «Наследие предков» занималось не только историческими изысканиями. Многие его отделы были укомплектованы специалистами в области естественных наук – биологии, минералогии, астрономии и т.д. Например, отдел астрономии был создан на основе знаменитой Грюнвальдской обсерватории. Официально признанной астрономической доктриной «Аненербе» была экзотическая «теория мирового льда», в связи с чем все достижения общества в этой области представляются весьма сомнительными (согласно этой теории, наша Вселенная образовалась в результате взрыва огромного куска льда; борьба между льдом и огнем является главной движущей силой мироздания, а у Земли было когда-то несколько спутников, три из которых уже упали с небес, вызвав ужасные катаклизмы. Падение последнего спутника погубило расу гигантов, населявших Атлантиду, Туле и другие земли к западу от Европы).

Но если присутствие в штате «Аненербе» многочисленных шарлатанов от науки объяснить можно, то как быть с нобелевским лауреатом Вернером Гейзенбергом? Общеизвестно, что гениальный физик Гейзенберг работал над немецким атомным проектом. Однако мало кто знает, что в середине 30-х годов Гейзенберг написал письмо шефу СС Гиммлеру с просьбой защитить его от нападок коллег, называвших его в печати «наместником еврейства в жизни немецкого духа». Гиммлер охотно пошел ему навстречу, взял Гейзенберга под защиту и... зачислил в штат «Аненербе». Тут мы сталкиваемся с еще одной загадкой «Наследия предков», которая, возможно, никогда не будет раскрыта. Формально Общество не имело никакого отношения к атомному проекту, который курировали совсем другие люди. Тогда чем же занимался там Вернер Гейзенберг всю вторую половину 30-х годов?

Видимо, отсюда «растут ноги» многочисленных легенд о том, что именно в «Аненербе» были разработаны «летающие тарелки Третьего Рейха», «лучевые пушки» и прочее фантастическое оружие, которое почему-то не было использовано против войск союзников.

А вот чем «Аненербе» действительно занималось – так это разнообразными опытами над людьми. Тут отличились такие «эксперты», как руководитель медицинских программ «Аненербе» доктор Август Хирт (справедливости ради надо сказать, что этот фанатик науки не только уничтожил в ходе своих опытов несколько сотен узников концлагерей, но и проводил опыты с ипритом на себе, в результате чего едва не умер от кровоизлияния в легкие). Для своих исследований Хирт создал обширную антропологическую коллекцию из скелетов, черепов и отдельных фрагментов тел,

которая позже была обнаружена союзными войсками в кладовой его лаборатории. Официально считается, что Хирт застрелился летом 1945 года, однако в 1963 году во Франции он, уже почти двадцать лет как мертвый, был заочно приговорен к смертной казни. Почему? Еще одна из тайн «Аненербе»...

Хирт, однако, кажется безобидным ботаником рядом со своим младшим коллегой доктором Зигмундом Рашером. Этот «врач» работал в концлагере Дахау и там проводил опыты по воздействию быстро меняющейся нагрузки на организм человека. Для этого заключенных помещали в барокамеры, после чего Рашер лично контролировал процесс понижения давления до уровня, соответствующего тому, что происходит на больших высотах.

Еще более жестокими были опыты по замораживанию живых людей. Для этого их либо погружали в ледяную воду, либо держали голыми на снегу. Когда испытуемые замерзали, Рашер проводил эксперименты по размораживанию. Процент выживших в таких экспериментах стремился к нулю.

Конец «Наследия предков» был бесславным. В последние месяцы войны многие из сотрудников организации были эвакуированы в городок Вайшенфельд. 14 апреля 1945 года в Вайшенфельд вошли американские танки. Сотрудники «Аненербе», в том числе и генеральный секретарь общества Вольфрам Зиверс, были арестованы и впоследствии предстали перед судом. Нюрнбергский трибунал приговорил «сумрачного Вольфрама», как называли его подчиненные, к повешению. Перед казнью Зиверс отказался от встречи со священником и попросил, чтобы службу провел его старый знакомый, тоже сотрудник «Аненербе». Каким был ритуал, сопроводивший шефа «Наследия предков» на виселицу, мы уже никогда не узнаем.

Как не узнаем, скорее всего, о дальнейшей судьбе архивов «Аненербе». Разбросанные по всей Германии они частично попали в руки американцев, частично были вывезены в СССР. Вроде бы их должны рассекретить спустя сто лет, то есть в 2045 году. Но всерьез рассчитывать на то, что правительства США и России предадут широкой огласке темные тайны Третьего Рейха, пожалуй, все же не стоит.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ На пороге	13
ГЛАВА ВТОРАЯ План «В»	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ Голова Абдула	39
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Дайна	54
ГЛАВА ПЯТАЯ Людвиг Йонс	67
ГЛАВА ШЕСТАЯ Партизаны	78
ГЛАВА СЕДЬМАЯ Хаген	88
ГЛАВА ВОСЬМАЯ Наследники нартов	110

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Медя	126
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
Западня	145
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
Карта Диксона	158
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
Подвал	173
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
Ясон и Медя	185
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
Восходящее солнце	199
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
Связной	212
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	
Зеркало Медеи	229
ДОМ ВАГНЕРА	256

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Прини Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Кирилл Бенедиктов

БЛОКАДА 3

Книга третья

Война в зазеркалье

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Ольга Трофимова

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Антон Нелихов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 14.03.11 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 11,5 pt

Условных печатных листов – 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32